

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 16*

Москва
2008

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 16*

Издание осуществляется с 1995 года

Москва 2008

ББК 79
УДК 719
Н 31

Научный редактор: *П.М. Шульгин*

Коллектив авторов: *Ю.А. Веденин, С.В. Гусев, А.И. Ельчанинов, И.Г. Иванова, М.Е. Кулешова, Ю.Л. Мазуров, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин*

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 16. — М.: Институт Наследия, 2008. — 172 с. ISBN 978-5-86443-154-2

Очередной выпуск из серии сборников «Наследие и современность» содержит научные статьи, посвященные различным аспектам сохранения историко-культурного и природного наследия. Сборник иллюстрирует тематику региональных исследований наследия, проводимых в институте. В нем представлены краткие материалы доклада о состоянии культурного наследия в Российской Федерации, рассматриваются методические вопросы географического подхода к изучению и сохранению наследия, исследованию палеогеографических ландшафтов, подходы к изучению исторического наследия малых и средних городов в связи с их окружением. В сборнике также представлен практический опыт Института Наследия в разработке комплексных региональных программ сохранения и использования наследия и в картографировании наследия. Приводятся материалы концепции сохранения и использования культурного и природного наследия истока Волги, проанализированы результаты многолетней работы над разделом «Культура» в рамках подготовки четвертого тома Национального атласа России.

ISBN 978-5-86443-154-2

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2008

Ю.А. ВЕДЕНИН,

докт. геогр. наук, профессор,

С.В. ГУСЕВ,

канд. истор. наук,

Ю.Л. МАЗУРОВ,

докт. геогр. наук,

П.М. ШУЛЬГИН,

канд. экон. наук

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Культурное наследие приобретает фундаментальное значение для дальнейшего развития Российской Федерации. Оно составляет основу ее духовного и интеллектуального потенциала и определяет высокое место России среди великих держав мира. На базе эффективного использования историко-культурного наследия происходит развитие личности и формирование новых поколений. Огромна роль культурного наследия в воспитательной сфере. В осознании истории и культуры страны лежит важный аспект патриотической мотивации, нравственного воспитания подрастающего поколения, чувства любви к Родине и уважения к своей национальной культуре и культуре других народов. Культурное наследие позволяет ощутить единство культурного пространства Российской Федерации и одновременно выявить самобытность каждого проживающего в ней народа.

В современную эпоху глобализации не только экономических, но и социальных процессов именно бережное отношение к наследию позволяет сохранить уникальность национальных и региональных культур. Необходимо иметь в виду, что культурное наследие — это также один из важнейших ресурсов, определяющих сегодня социально-экономическое и социально-культурное развитие России как на общенациональном, так и на региональном уровне.

На территории страны сконцентрировано множество уникальных памятников истории и культуры. По состоянию на 2008 г. в Государственном реестре памятников истории и культуры насчитывалось более 80 тыс. объектов. Это памятники археологии (19 тыс.), истории (23 тыс.), памятники архитектуры (37 тыс.) и монументального искусства (около 3 тыс.). В их числе 23 тыс. объектов имели федеральное значение. Многие из этих объектов поистине уникальны и могут быть отнесены к мировым сокровищам культуры.

Наряду с недвижимыми памятниками важную роль в формировании культурного потенциала России играют движимые памятники, хранящиеся в фондах музеев. В России сегодня насчитывается более 1500 государственных и муниципальных музеев, в которых находится около 80 млн музейных предметов. Кроме того, в стране действует множество ведомственных, школьных музеев, организованы частные музеи.

Культурное наследие играет важнейшую роль в формировании привлекательного образа России за рубежом. На территории Российской Федерации находятся 23 объекта, состоящих в Списке Всемирного наследия, сформированного под эгидой ЮНЕСКО, из них 15 включено в данный список как объекты культурного наследия.

В последние годы мировое сообщество придает особое значение охране нематериальной культуры. В ЮНЕСКО принята специальная конвенция об охране памятников нематериальной культуры. Это, прежде всего, разнообразные проявления народной традиционной культуры — фольклор, народные художественные промыслы, бытовые традиции и т.д. Из российских объектов в список таких памятников включены устное народное творчество и культурные традиции старообрядцев Забайкалья и якутский эпос Олонхо. Это пока единственные объекты подобного рода от нашей страны. Однако Российская Федерация имеет большие возможности представительства в этой номинации в связи с сохранностью многих промыслов и производств, фольклорных традиций, других проявлений живой традиционной культуры в различных регионах России.

Особое значение в сохранении наследия играют исторические населенные пункты. В Российской Федерации 539 таких поселений (среди них не только города, но и 108 поселков городского типа и сельских поселений)

относятся к историческим. В них сохраняются не только отдельные памятники истории и культуры, но и памятники градостроительства, архитектурные ансамбли, образцы исторической застройки. Однако, к сожалению, их статус не имеет четких правовых оснований.

Очень важно подчеркнуть, что в России поставлены на государственную охрану не только памятники истории и культуры, но и особо ценные территории, где сохраняется весь культурно-исторический и природный комплекс наследия, уникальные культурные и природные ландшафты. В настоящее время в России существуют более 140 музеев-заповедников и музеев-усадеб. Они организованы на базе недвижимых памятников и мест, связанных с историческими событиями, жизнью выдающихся личностей. Большая их часть сконцентрирована на территории Европейской части России.

Важную роль в сохранении наследия играют национальные парки. В настоящее время их в России насчитывается 40. Во многих из них сохраняется не только природное наследие, но и историко-культурные объекты. Это, прежде всего, такие национальные парки, как «Кенозерский» (Архангельская область), «Угра» (Калужская область), «Русский Север» (Вологодская область), «Плещеево озеро» (Ярославская область). Так, например, национальный парк «Кенозерский» — это не только ценная лесная территория и озерный край, но и место, где сохранились деревянные церкви и часовни, священные рощи, обетные кресты, деревни с живой традиционной культурой.

СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В настоящее время состояние объектов наследия может рассматриваться как критическое. Происходит устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны. По различным оценкам состояние от 50 до 70 процентов находящихся на государственной охране памятников истории и культуры характеризуется как неудовлетворительное, для большей их части необходимо принятие срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения.

Помимо непосредственного разрушения памятников в результате природных или антропогенных воздействий также следует выделить нерегулируемую застройку исторических городов и территорий и зон охраны многих ценнейших памятников, что приводит к гибели либо самих памятников, либо окружающего их ландшафта. Значительными являются масштабы разрушения археологических памятников. Большая их часть подвергается прессу антропогенных нагрузок, связанных с промышленным и жилым строительством, прокладкой дорог, нефтепроводов и прочих трасс; особую опасность представляют грабительские раскопки, а также частное строительство, интенсивно ведущееся сейчас во многих регионах.

За последние 10 лет в Российской Федерации погибло более 2,5 тысяч памятников, как включенных в Государственный реестр, так и вновь выявленных. Ежегодные утраты составляют 150—200 памятников, и этот показатель практически не снижается. Специалисты отмечают, что катастрофическое положение в охране памятников истории и культуры неизбежно приведет к невозможным утратам ценнейшего культурного наследия народов России.

В соответствии с официальными данными, под негативным воздействием экологических факторов в 2007 г. в России находилось около 29 тыс. памятников истории и культуры, в том числе под воздействием факторов естественного происхождения — около 3 тыс., факторов антропогенного происхождения — более 26 тыс. объектов. В течение года, по неполным данным, зафиксирована полная утрата 80 памятников. Показатели утрат в 2007 г. — несколько меньше, чем в предшествующие годы. Однако есть основания полагать, что реальная величина фактических потерь по стране превышает фактически зафиксированные вдвое и более — вследствие неполноты представляемой информации и не преодоленных до сих пор несовершенств складывающейся системы мониторинга объектов культурного наследия.

Загрязнение воздушного бассейна различными производственными, транспортными и коммунальными объектами способствует формированию химически агрессивной среды и обуславливает деградацию памятников деревянного зодчества, разрушение естественных строительных материалов, а также кирпичной кладки, покрасочных слоев, штукатурки, декора. Такого,

в частности, воздействие загрязняющих веществ на памятники центральных частей городов Хакасии, Алтайского, Краснодарского и Хабаровского краев, Ленинградской, Рязанской, Волгоградской, Калининградской, Смоленской и Омской областей.

В результате *транспортной вибрации* ухудшается состояние ряда памятников истории и культуры в Республике Алтай и Алтайском крае, в Мордовии, Краснодарском и Хабаровском краях, в Архангельской, Брянской, Костромской, Самарской, Воронежской, Орловской и Калининградской областях, в Калуге, Смоленске, Томске. Характерное для многих исторических городов сплошное асфальтовое покрытие проезжей части и тротуара создает пагубные транспортные вибрационные нагрузки на конструкции зданий. В отчетном году от названного фактора риска ухудшалось состояние ряда исторических объектов в Удмуртии: Дом купца Оглоблина в Ижевске, Дом Овчинникова и Дом Граховых в Воткинске и др. Вибрация от тяжелой техники названа причиной ухудшения состояния ряда храмов и архитектурных комплексов в Ингушетии.

От *подтопления паводковыми водами* страдают памятники исторических поселений Курской области. Так, в г. Рыльске вследствие нарушения естественного стока произошла просадка фундамента колокольни Успенского собора, в результате чего она отклонилась от вертикальной оси на 67 см, обуславливая неизбежное в этой ситуации разрушение памятника. Эта же проблема характерна и для Ленинградской области, где во время паводка происходит размывание Важинского погоста в Подпорожском районе, а в г. Любань по этой же причине создалась реальная угроза церкви Петра и Павла.

Существенным фактором риска для состояния памятников остается *подтопление грунтовыми и техногенными водами*. Такова ситуация с объектами наследия в ряде районов Республики Марий Эл, испытывающих воздействие Чебоксарского водохранилища, в котором продолжается повышение уровня воды. В результате наблюдается ускоренное разрушение деревянных памятников с ажурной резьбой в г. Козьмодемьянске, в п. Юрине по этой же причине наносится ущерб усадьбе Шереметевых. Повсеместно растет уровень вибрации, обусловленный снижением несущей способности грунтов. Аналогичные проблемы характерны для городов Архангельской,

Владимирской, Костромской, Ярославской, Самарской и Калининградской областей, Казани, Чебоксар, Ижевска, Воронежа, Волгограда и многих других.

Биопоражения остаются приоритетным фактором экологического риска для памятников деревянного зодчества Ленинградской области. В исторических городах Краснодарского края причинами грибковых поражений стали нарушения гидроизоляции, рост числа протечек водопровода и канализации, отсутствие водостоков и водосточных труб. В иных формах биопоражение памятников широко распространено в Калужской области.

В Карелии, Пермском крае, Ленинградской, Самарской, Смоленской и Тюменской областях сохраняется высокий риск негативных для памятников последствий *абразии берегов*.

По-прежнему активную роль в негативном воздействии на памятники играют *оползневые процессы*. В отчетном году наиболее остро они заявили о себе в Чувашии, где в результате их действия в течение последних 12 лет был руинирован Духов монастырь. Оползневые процессы также угрожают Собору Иоанна Предтечи на берегу р. Суры в г. Алатырь и ряду других памятников, в особенности в с. Порецком (здание бывшей учительской семинарии, Троицкий собор, Петропавловская церковь). Названная проблема остро актуальна для Ленинградской области и Краснодарского края.

Бесконтрольное наращивание культурного слоя в городах часто приводит к нарушению температурно-влажностного режима памятников, ослаблению фундаментов и стен памятников с последующим искажением их внешнего вида. Эта проблемная ситуация фиксируется во многих исторических городах страны, в их числе исторические города Костромской области, города Ижевск, Омск, Томск и другие.

Отсутствие эффективных пользователей памятников и особенно их бесхозное состояние признается специалистами в качестве самых серьезных причин ухудшения состояния памятников в таких регионах, как Карелия, Псковская, Калужская области, Казань, Самара. Бесхозность памятников наиболее губительно сказывается на их сохранности в Архангельской области (более 400 памятников) и в других районах Русского Севера.

Вандализм в его различных проявлениях фиксировался во многих городах и регионах России. Так, особенно серьезные нарушения отмечены

в Казани, где имеют место случаи многократных разборок исторических зданий с последующим использованием качественного кирпича, а также их поджоги с последующим использованием освобождаемой территории под новое строительство. Подобные примеры разборки исторических зданий неоднократно отмечались в Москве, Московской области.

В числе наиболее распространенных проблемных ситуаций остается *визуальное нарушение ландшафтов территории памятников и зон их охраны и нерегламентированная застройка*. Подобные случаи отмечены в республиках Карелия, Марий Эл, в Мордовии, Удмуртии, в Алтайском крае, Архангельской, Псковской, Московской, Рязанской, Орловской, Смоленской, Воронежской, Самарской, Волгоградской, Омской и Томской областях.

Для многих городов страны характерно *одновременное проявление многих факторов экологического риска*, зачастую взаимно усиливающих друг друга. Такова, например, современная ситуация во Владимире, Воронеже, Курске, Волгограде, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Петропавловске-Камчатском.

Значительными являются также масштабы разрушения археологических памятников. Большая их часть подвергается прессу антропогенных нагрузок, связанных с промышленным и жилищным строительством, прокладкой дорог, нефтепроводов и прочих трасс, гидротехническим строительством и распашкой сельскохозяйственных земель. Помимо указанных факторов особую опасность представляют грабительские раскопки, а также частное строительство, интенсивно ведущееся сейчас во многих регионах.

В 2007 году на территории Российской Федерации было утрачено 155 памятников археологии. В том числе: из-за гидротехнического строительства — 17 памятников, из-за распашки — 35, вследствие промышленного и дорожного строительства — 8, а также из-за различного рода антропогенного вмешательства — 55.

В 2007 году продолжали разрушаться более 17 тысяч памятников археологии. В том числе: из-за гидротехнического строительства — 3,3 тыс. памятников; в результате распашки — 8,7 тыс.; промышленного и дорожного строительства — 0,8 тыс. В результате других видов антропогенного

вмешательства (в основном грабительскими раскопками) уничтожаются 2,3 тыс. памятников археологии. Под воздействием естественных процессов разрушаются свыше 2 тыс. памятников археологии.

Антропогенные воздействия являются основными причинами разрушения памятников археологии. Однако естественные факторы (береговая эрозия, затопление берегов, выветривание и др.) также оказывают значительное воздействие на объекты археологического наследия. Ситуация осложняется тем, что многие памятники археологии расположены в труднодоступных местах, что затрудняет контроль за ними. Кроме того, предотвращение разрушения памятника в результате естественных процессов требует значительных финансовых затрат, которые местные власти не в состоянии осуществлять.

Положение в охране памятников истории и культуры еще более усугубляется ситуацией в сфере реставрации.

Главной проблемой здесь является хронический недостаток средств на проведение не только текущих, но и аварийных ремонтных и реставрационных работ. По оценке специалистов, можно утверждать, что объем реставрационной деятельности к настоящему времени составляет примерно 30% от уровня 1989–1990 гг.

В то же время потребность в реставрационных работах постоянно повышается. Это связано, с одной стороны, с выявлением большего числа новых памятников истории и культуры, с повышенным вниманием к историческим и культурным корням, а с другой, постоянным отставанием развития реставрационной деятельности от потребностей (этот разрыв еще очень сложно будет преодолеть). Заявки регионов в настоящее время более чем в 30 раз превышают реальное финансирование реставрационной деятельности Министерством культуры РФ. Кроме того, следует подчеркнуть, что даже запланированные на эти работы средства часто не выделялись из-за затруднений с наполнением бюджета. В результате этого сфера реставрации лишилась многих специалистов, утрачены навыки производства ряда сложных реставрационных работ.

Особенно драматичным образом падение объема реставрационных работ сказывается в отдельных регионах страны, в частности, на территориях Русского Севера, где к общим факторам подорожания затрат приба-

вились также факторы возрастания транспортных и энергетических тарифов. Очень сложная ситуация наблюдается в малых городах Российской Федерации и на памятниках, расположенных в сельской местности. Если в крупных городах за предыдущие годы была сформирована производственная реставрационная база с собственными помещениями и оборудованием и, кроме того, в настоящее время там появилось достаточно много новых собственников, которые в состоянии заказывать, производить и оплачивать реставрационные работы, то в небольших исторических городах такой базы практически не существовало, и современная их экономическая жизнь не позволяет ни местным властям, ни предпринимателям выделять какие-либо значительные средства на реставрацию объектов наследия.

В 1990-х годах в стране возникла также широкая сеть негосударственных реставрационных учреждений. Их создание позволило расширить общий фронт реставрационных работ, облегчило проведение работ на удаленных от центра объектов. Однако в этой ситуации весьма острой встала проблема соблюдения научного подхода к реставрации, обеспеченности данных организаций квалифицированными кадрами. В результате оказались сильно ослабленными позиции научной реставрации, на практике приоритетными стали поновительские и восстановительские работы (зачастую выполняемые по прямому указанию и на основе собственного вкуса администраций богатых в финансовом отношении городов и регионов). Культурные памятники, передаваемые в пользование церковным организациям, зачастую поновлялись, переделывались и приспособлялись без учета их исторической или художественной значимости.

Еще одной причиной разрушения объектов наследия и ненадлежащего проведения там реставрационной защиты является их правовое и имущественное состояние. Многие памятники архитектуры не имеют пользователей (предпринимателям невыгодно брать памятник в аренду без должной правовой проработки этого вопроса). Очень медленно идет приватизация памятников, этот процесс происходит практически только в крупных городах. Назрела необходимость разработки четкой правовой концепции имущественных и земельных отношений в сфере наследия, поощрения меценатства в культуре. Все это должно быть обосновано и уточнено в законодательных и нормативных актах, организационных и экономических решениях.

ВАЖНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЗАДАЧИ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Основой формирования стратегического плана сохранения и использования наследия на долгосрочную перспективу являются следующие принципы.

1. Ориентация на понимание наследия как широкого и фундаментального понятия, лежащего в основе общественных процессов. Это предполагает включение в данную категорию не только недвижимых или движимых памятников истории, культуры и природы, но и таких элементов, как народная культура, традиции, ремесла и промыслы, традиционные формы природопользования, исторические технологии, этнокультурная среда, природное окружение. При этом наследие рассматривается как система, в которой отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды.

2. Возрастание роли территориального подхода к сохранению наследия, при котором основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности.

3. Рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как органической части комплекса современных социокультурных и экономических процессов.

Подобный подход отвечает общемировым тенденциям, отраженным ЮНЕСКО в предложенном для нового века «Плане действий по политике в области культуры в интересах общего развития», где в числе важнейших задач содержится чёткая постановка вопроса укрепления политики и практической деятельности с целью сохранения и повышения роли материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия, а также задача превращения политики в области культуры в один из ключевых элементов стратегии развития.

Важное значение в перспективной культурной политике принадлежит *разработке и принятию необходимых законодательных актов*. В настоящее время неразработанность законодательства в сфере наследия значительно осложняет дело охраны памятников истории культуры, не позволяет остановить давление со стороны нового строительства и хозяйственного использования земель, на которых находятся объекты наследия или которые сами представляют из себя ценные культурные ландшафты.

Основным правовым актом, регулирующим вопросы охраны и использования культурного наследия является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ, принятый в 2002 г. Однако до настоящего времени не принят ряд подзаконных актов по этому Федеральному закону, что в значительной мере снижает эффективность его применения и осложняет вопросы управления историко-культурным наследием.

До сих пор не приняты окончательные подзаконные акты по формированию *Государственного реестра объектов культурного наследия*. Это не позволяет в полной мере развернуть работу по выявлению и учету объектов наследия: памятников архитектуры, археологии, истории, монументального искусства, постановке выявленных памятников на государственную охрану. К настоящему времени на государственный учет по различным регионам страны поставлено от 20 до 50 процентов от общего числа выявленных памятников. Необходима постоянная работа по составлению документации на вновь выявленные памятники, рассмотрение вопросов об их включении в Государственный реестр.

Приоритетной перспективной задачей является собственно составление полного свода объектов культурного наследия. Эта задача решена практически всеми развитыми странами, но она только начинает реализовываться в Российской Федерации. Должны быть профинансированы и проведены новые экспедиционные работы и научные исследования по инвентаризации памятников истории и культуры.

Необходимо осуществление программы изданий региональных списков свода памятников и формирование электронной базы данных с использованием современных мультимедийных технологий, позволяющих совершенствовать процессы сохранения и управления памятниками истории и культуры.

К сожалению, в настоящее время нет законодательных актов, которые бы регулировали вопросы охраны и использования историко-культурных территорий, в том числе музеев-заповедников и музеев-усадоб. В законе № 73-ФЗ содержится положение о *достопримечательном месте*. Однако до настоящего времени не определен порядок организации достопримечательных мест.

Совершенно выпали из законодательного поля *музеи-заповедники*. Эти учреждения, имеющие как объекты движимого, недвижимого куль-

турного наследия, так и историческую территорию (бывшие усадьбы, исторические места в городах, поля исторических сражений и пр.) являются наиболее привлекательными для посещения российскими гражданами и зарубежными туристами, ведут чрезвычайно интересную и разностороннюю культурно-просветительную работу. Специально разработанный в стенах Совета федерации «Закон о музеях-заповедниках» не был внесен на рассмотрение Государственной думы.

Необходимым правовым актом по сохранению наследия является *включение земель историко-культурного назначения в земельный кадастр*. Реализация данной задачи приобретает особое значение в связи с формированием единого Государственного реестра земель Российской Федерации. Для ее осуществления необходима выработка единых параметров учета и классификаторов, разработка порядка отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения, установление особого порядка наложения ограничений на землепользование. Данная работа позволит спасти ценные культурные ландшафты, комплексы археологических памятников, исторические территории от нарушений или даже возможного уничтожения в связи с перспективной застройкой или сельскохозяйственными мероприятиями, определить реальную ценность земель историко-культурного назначения.

Управление в сфере охраны памятников осуществляется органами государственной охраны культурного наследия. Помимо федерального органа функционируют региональные уполномоченные подразделения при администрациях субъектов Российской Федерации (как в лице местных министерств, департаментов или комитетов культуры, так и самостоятельные региональные комитеты по охране наследия). Соответствующие подразделения существуют и при администрациях некоторых муниципальных образований (им передаются отдельные полномочия государственных органов). К сожалению, в настоящее время в отдельных субъектах федерации формирование государственных органов охраны наследия является формальностью — в связи с малочисленностью штата и отсутствием должных полномочий они не в состоянии выполнять необходимую работу по выявлению, охране и восстановлению памятников истории и культуры.

На перспективу очень важным должно стать обязательное проведение комплексного мониторинга объектов культурного наследия во всех субъек-

тах Российской Федерации и подготовка ежегодного *Государственного доклада* по этой проблеме (по примеру ежегодного Государственного доклада о состоянии природной среды в Российской Федерации).

Важнейшей стратегической задачей сохранения культурного наследия является *формирование историко-культурного каркаса страны*. Подобный каркас должен выглядеть как *система особо охраняемых историко-культурных территорий* Российской Федерации, имеющих особое значение для сохранения ее культуры, национальной и региональной самобытности. Эта система должна служить своеобразным аналогом сети особо охраняемых природных территорий, обеспечивающих экологическую безопасность и защиту окружающей среды.

Чрезвычайно высока в решении подобной задачи роль *музеев-заповедников*.

Российские музеи-заповедники — это уникальный тип учреждения культуры. Современный музей-заповедник определяется как учреждение культуры, созданное для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде. Отличие музеев-заповедников от других учреждений культуры заключается в том, что в их ведении находятся не только музейные предметы и коллекции, но и недвижимые объекты культурного наследия, а также окружающая их территория. Музеи-заповедники являются комплексными по своим функциям учреждениями, они призваны сохранять в неприкосновенности не только архитектурные, археологические или мемориальные памятники, но и собственно историческую территорию, в том числе уникальные культурные и природные ландшафты, исторические городские и сельские поселения, уклад жизни проживающего на исторических территориях населения.

В России в настоящее время более 140 музеев-заповедников и музеев-усадеб (идентичное им по характеру деятельности учреждение, но имеющее, как правило, небольшую территорию).

Музеи-заповедники играют важную роль в сохранении национального наследия народов Российской Федерации. Они обеспечивают комплексную охрану и эффективное использование культурного и природного насле-

дия. Благодаря созданию музеев-заповедников удастся сохранить объекты культурного и природного наследия как целостные историко-культурные и природные комплексы. Музеи-заповедники являются основой «историко-культурного каркаса» России, который обеспечит эффективную охрану и использование её национального наследия. Создание подобного каркаса в сочетании с экологическим каркасом является одним из важнейших условий обеспечения устойчивого развития, культурного и природного разнообразия России. Это позволяет сохранить культурную самобытность народов Российской Федерации, обеспечить реальную преемственность национальной культуры, сохранить всё многообразие местного историко-культурного наследия различных регионов России.

Музеи-заповедники играют важнейшую роль в формировании привлекательного образа России за рубежом. Находящиеся в их составе объекты культурного наследия представляют Россию в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО. Из 15 объектов всемирного культурного наследия России 12 входят в состав музеев-заповедников. При этом следует особо подчеркнуть тот факт, что благодаря музеев-заповедникам, Россия представлена в мировом культурном пространстве не только столицами, но и провинцией.

Музеи-заповедники являются центрами международного и отечественного туризма. Это наиболее привлекательные объекты для посещения российскими и зарубежными гражданами. Общая посещаемость музеев-заповедников превышает 18 млн человек. Составляя всего 6% от общего числа музейных учреждений в стране, музеи-заповедники содержат 11% музейных фондов и обеспечивают 25% посещаемости музейных учреждений России.

Благодаря развитию культурно-познавательного туризма и деятельности ряда ведущих музеев-заповедников Российской Федерации комплекс историко-культурного и природного наследия начинает восприниматься как особый и чрезвычайно значимый социально-экономический ресурс для развития местной экономики. В среднем музей-заповедник обеспечивает занятость свыше 100 человек, а косвенная занятость в смежных производствах и сфере услуг составляет 300-350 человек. Крупные музеи-заповедники оказывают услуг в сфере культуры и туризма на десятки миллионов рублей, они фактически являются крупнейшими предприятиями и налогоплательщиками в бюджеты органов местного самоуправления.

Так, например, в музее-заповеднике «Михайловское» в связи с осуществленной в 1996-2007 гг. реставрацией и комплексной реконструкцией и введением в строй новых объектов музейного показа и объектов инфраструктуры штатная численность сотрудников выросла в 2 раза и составляет около 500 человек. Еще 300 человек ежегодно участвуют в сезонных работах по уходу за территорией и парками музея, в экскурсионной работе в летний период. В совокупности — это одна восьмая часть трудоспособного населения Пушкиногорского района Псковской области. За последние семь лет приток туристов в музей-заповедник вырос с 96 тыс. до 327 тыс. человек в год. С учетом косвенной занятости музей-заповедник обеспечивает до трети рабочих мест в районе. Прямые и косвенные поступления в бюджет района в связи с деятельностью музея-заповедника составляют примерно треть его объема.

Подобную ведущую социальную и экономическую роль в своих регионах играют такие крупные музеи-заповедники, как «Ясная Поляна» и «Куликово поле» в Тульской области, «Тарханы» в Пензенской области, Кирило-Белозерский музей-заповедник в Вологодской области и другие. Многие музеи-заповедники в российской провинции становятся центрами культурного развития, образовательной деятельности, духовной жизни, являются очагами экономической активности.

Однако сеть подобных учреждений на территории России развита недостаточно. Музеи-заповедники существуют только в 50% субъектов федерации. Помимо отсутствия разветвленной сети музеев-заповедников следует отметить их недостаточное типовое разнообразие.

В Российской Федерации преобладают историко-архитектурные музеи-заповедники (созданные на базе исторических городов, монастырских комплексов или крупных архитектурных ансамблей) и мемориальные музеи-заповедники (созданные, как правило, на базе усадеб, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся людей). Вместе с тем практически отсутствуют этнографические музеи-заповедники, которые ставили бы своей целью сохранение и представление традиционной культуры малочисленных народов или этнографических групп непосредственно в местах их проживания, хотя в последние годы мировое сообщество придает особое значение охране традиционной культуры в их исторической среде. Совершенно неразвита сеть музеев-заповедников, сохра-

няющих промышленное наследие (в настоящее время только один подобный музей-заповедник сформирован в Нижнем Тагиле на базе прекратившего свою деятельность металлургического завода — «Нижне-Тагильский государственный музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала»).

В Российской Федерации отсутствуют музеи-заповедники, имеющие в своей основе сохранившиеся фрагменты исторических путей и дорог. Несмотря на то, что на территории трех полей (Куликово, Бородинское и Прохоровское) исторических сражений созданы музеи-заповедники, значительное количество полей воинской славы в России не охраняется должным образом. Среди них, например, такие знаменитые места ратной славы Отечества, как место Невской битвы (в Ленинградской области) и Ледового побоища (в Псковской области). Слабо используется туристский потенциал памятников археологии, несмотря на огромный интерес российских граждан и зарубежных туристов к древнейшему и средневековому прошлому народов России.

В ближайшее время необходимо поставить задачу разработки статуса различных историко-культурных территорий и его законодательного обеспечения, а в последующие годы решить задачу практического создания системы историко-культурных территорий Российской Федерации. Ее основу должны сформировать такие объекты, как исторические города, исторические сельские регионы, усадебные и монастырские комплексы, поля сражений, археологические комплексы, этно-экологические места проживания малочисленных народов или этнографических групп, исторические дороги, исторические промышленные зоны и другие возможные типы территорий.

Формирование подобных исторических территорий создает естественные условия для специализации ряда регионов, исторических городов на рациональном использовании историко-культурного потенциала и сопряженным развитием туризма, научно-образовательного комплекса, системы производств, совершенствования инфраструктурного комплекса. Для ряда регионов, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на культурное богатство становится одной из реальных возможностей социального и экономического развития. Таким образом, наследие может выступать и как фактор хозяйственной специализации, причем фактор экологически безопасный и способствующий решению соци-

альных проблем, занятости населения, развитию социальной инфраструктуры.

Одним из важнейших показателей состояния культуры в планах стратегического развития Российской Федерации должно стать отношение территорий, находящихся под особым охраняемым статусом к общей площади территории страны. Этот параметр является одновременно и характеристикой устойчивого культурного развития, и показателем, характеризующим степень национальной безопасности. Предполагается, что этот показатель должен составлять не менее 3 процентов территории страны.

По решению Правительства Российской Федерации в 2006 г. была подготовлена Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников, однако законодательное ее обеспечение и финансовая поддержка не были осуществлены.

В рамках программ сохранения и использования наследия важнейшая роль принадлежит *совместной деятельности органов управления культуры и туризма*. В Российской Федерации несколько сотен малых и средних исторических городов и еще большее число сельских поселений и территорий обладают замечательными возможностями для развития туризма, отдыха, творчества, просвещения. Однако существуют только единичные примеры использования этого потенциала и сотни примеров разрушения памятников. Но даже и существующие туристские центры на деле больше напоминают мертвые декорации, эти города не живут сегодня своими традициями, а более уподоблены аттракциону для показа туристам.

География культурно-познавательного туризма в России может и должна быть гораздо обширнее, чем в настоящее время. Ведь вне сферы туризма остаются многие объекты культурного и природного наследия, расположенные в регионах Российской Федерации. Не могут считаться удовлетворительными и темпы прироста количества туристов и экскурсантов — они имеют тенденцию к снижению.

Развитие туризма и сохранение историко-культурного наследия — два взаимосвязанных направления деятельности государства и общества. Одним из основных условий успеха этой деятельности является вовлечение в сферу туризма всего многообразия наследия, более широ-

кий охват регионов, сохранение доступа широкой публики к наследию, особое внимание к детскому и молодежному туризму, к развитию краеведческого движения.

Очень важно подчеркнуть, что:

— развитие культурно-познавательного туризма на территории России способствует развитию национальной туристской индустрии, притоку иностранной валюты в страну, увеличению налоговых поступлений, а также обеспеченности занятости населения;

— культурно-познавательный туризм способствует созданию позитивного образа России, делает её привлекательной не только для туризма, но и для инвестиций в другие сферы деятельности;

— культурно-познавательный туризм способствует повышению образовательного и культурного уровня населения России, воспитанию подрастающего поколения страны.

Объединение усилий культуры и туризма создает новые условия функционирования этих отраслей на историко-культурных территориях, поможет сформировать современную экономическую основу для сохранения и использования культурного наследия. Реализация комплексного подхода, рассматривающего наследие не как узкую отраслевую сферу, а как особый экономический ресурс, а также совместная направленность экономической и культурной политики позволит рассматривать культурное наследие как стабилизирующий источник в жизни общества, видеть в развитии культуры залог перспективного развития отдельных регионов и страны в целом.

Особой перспективной задачей является формирование национального реестра и всесторонняя поддержка особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Необходимо четкое определение правовой базы развития данного типа объектов и обеспечение их реального функционирования как общенациональных культурных и методических центров сохранения и использования российского наследия.

Необходимо продолжение работы по включению российских объектов наследия и историко-культурных территорий в *Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО*.

Ю.А. ВЕДЕНИН,
докт. геогр. наук, профессор

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ, СОХРАНЕНИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ НАСЛЕДИЯ КАК ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

В последние годы многие отечественные и зарубежные специалисты ощущают потребность в разработке новой стратегии сохранения наследия. Эта стратегия должна включать в себя ряд основополагающих положений (Веденин, Шульгин, 1992).

1. Признание фундаментальной роли наследия в формировании важных общественных процессов и развитии национального самосознания. При этом наследие должно рассматриваться как часть окружающей среды, обеспечивающей возможность комфортного существования человека, его адаптацию к развивающемуся и динамичному миру.
2. Признание актуальности взаимодействия между культурой и природой и необходимость учёта этого фактора при формировании программы сохранения и эффективного использования культурного и природного наследия. Соответственно самое серьёзное внимание должно обращаться на сохранение природной среды обитания памятников истории и культуры, на осознание необходимости учёта экологических факторов, влияющих на состояние объектов наследия и, вместе с тем, на роль традиционной культуры в природоохранной деятельности, прежде всего, при формировании системы особо охраняемых природных территорий.
3. Признание того, что основным объектом охраны становится историко-культурная и природная территория со всем многообразием связанных с ней элементов наследия, сохранившимися традиционными формами культурной и хозяйственной деятельности и исторически сложившимися системами расселения.

4. Признание того, что включение представления о культурном ландшафте как объекте наследия в практику охраны движимых и недвижимых памятников истории и культуры, памятников природы, традиционных ценностей нематериальной и духовной культуры позволяет рассматривать их в рамках единого и целостного культурно-природного комплекса (Культурный ландшафт..., 2004).
5. Признание актуальности «средового» подхода к сохранению наследия, когда основным предметом управления в сфере охраны становится не само наследие, а характер взаимодействия между наследием и социумом. Особое значение придаётся отношению социума к наследию, поскольку для современного человека важно не просто жить в определённом историко-культурном и природном пространстве, но и осознавать ценность расположенного вокруг него наследия, рассматривать это наследие как существенную и естественную часть окружающей среды, как необходимое условие для его полноценной жизнедеятельности.
6. Признание особой роли наследия в формировании социально-экономического пространства, поскольку именно наследие становится сегодня одним из важнейших факторов регионального развития (Культурное наследие России..., 2005). Экономическая роль наследия как важного фактора региональной и локальной экономики особенно заметна в провинции, в малых городах и сельской местности, где нет развитого промышленного или сельскохозяйственного производства.

В основу новой стратегии в сфере сохранения наследия должны быть положены две взаимосвязанных между собой концепции — ноосферная и экологии культуры. В разработке этих концепций определяющую роль сыграли замечательные русские ученые В.И. Вернадский и Д.С. Лихачёв. Один из основателей геохимии и биогеохимии, ученый, внесший колоссальный вклад в развитие естественных наук, В.И. Вернадский развил учение о ноосфере как новом этапе развития Земли, связанном, прежде всего, с научной и интеллектуальной деятельностью человека. Д.С. Лихачёв — ученый, основной специальностью которого была история древнерусской литературы, во многих своих книгах, в том числе и в исследованиях, посвященных семантике природы, творчески преобразованной человеком, развивал тему влияния культуры и искусства на среду обитания

человека. Особое внимание он уделял духовному началу в формировании окружающей среды и ее культурной составляющей. «Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его нравственной самодисциплины и социальности»¹.

Человек, по представлениям Лихачёва, формирует особую нравственно-духовную сферу в оболочке Земли, которая определяет развитие всех других сфер и в то же время сама оказывается под сильным их воздействием. Здесь он близок к идеям В.И. Вернадского о ноосфере, который рассматривал мысль и труд как определяющую силу ландшафтоформирующих процессов. «В живом веществе создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете небывавая, которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем выходящей за пределы планеты».² Уже в течение длительного времени интеллект становится силой, соизмеримой с геологическими и космическими процессами. Однако было бы неверно сводить сущность человеческих деяний только к интеллекту и научной деятельности. Не менее важную роль в формировании окружающей среды играет нравственно-духовные ценности, выраженные в религиозных, моральных и художественных сферах деятельности. Именно в этом заключается актуальность культуры как фактора устойчивого развития.

Для всех очевидным является процесс нарастания мощности культурного слоя, культурной среды. Д.С. Лихачёв обращает внимание и на обратный процесс. «Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью».³ Именно это, по Д.С. Лихачёву, предопределяет необходимость особого отношения к культурному и природному наследию, заставляет проводить активную деятельность по его сохранению. Соответственно мы можем говорить об актуальности нового прочтения трудов этих двух великих учё-

¹ Лихачёв Д.С. Русская культура: сборник. — М.: Искусство, 2000. С. 82.

² Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1975. С. 165.

³ Лихачёв Д.С. Русская культура: сборник. — М.: Искусство, 2000. С. 86.

ных, поскольку именно в разработанных ими концепциях было впервые сформулировано представление о фундаментальной роли интеллектуально-го и духовного начала в формировании ноосферы, понимание особой роли историко-культурного наследия в формировании, сохранении и развитии всей окружающей среды. В соответствии с этими идеями формулируются и новые подходы к сохранению наследия. Среди возможных подходов, декларирующих принципиально новое отношение к наследию, следует выделить следующие:

— *Генетический*, когда наследие рассматривается как носитель исторической памяти, определяющей сохранение самобытности национальной или региональной культуры. Наследие при этом выступает в роли своеобразного кода, с помощью которого историческая память включается в современные процессы жизнедеятельности общества. Это положение справедливо для всех объектов наследия как культурного, так и природного. Изучая наследие, мы можем использовать знания о наследии в современной системе образования, восстановить естественную и социальную историю формирования отдельных регионов, городов, сельской местности, природных территорий, выявить роль исторического фактора в современной системе управления социальными, экономическими и культурными процессами, учесть его при разработке программ дальнейшего развития общества, оздоровления природной среды.

— *Экологический*, когда бережное отношение к наследию рассматривается как необходимое условие устойчивого развития общества и биосферы. Недостаточный учёт экологического фактора, игнорирование условий, необходимых для сохранения окружающей среды во всём её многообразии, ведёт к возникновению катастрофических ситуаций, угрожающих самому существованию Земли как живой планеты. Культурное наследие играет особую роль в формировании системы «общество — окружающая среда» как некая константа, как своеобразное ядро этой сложной социокультурной и природной системы, определяющей её стабильность и, вместе с тем, не препятствующее её дальнейшему развитию.

— *Территориальный*, когда наследие воспринимается как фактор сохранения и преумножения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения. Разнообразие тер-

ритории может быть достигнуто только при условии сохранения и постоянного обновления всех пластов исторического культурного и природного слоя Земли, включающих самые различные формы материальной и нематериальной культуры. Таким образом, сохранение культурного разнообразия Земли возможно только при бережном отношении к национальной и региональной специфике культурного ландшафта.

В основе всех этих подходов лежит представление о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства.

Однако это утверждение справедливо только в том случае, если наследие рассматривается в его широком понимании и определяется как созданная и сохранённая нашими предшественниками система материальных и нематериальных ценностей, универсальная значимость которых не только признана современным обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизни будущих поколений.

Именно эта позиция начинает постепенно внедряться во многие международные и национальные документы, определяющие отношение мирового сообщества к наследию и его роль в региональном развитии. Одним из важных документов, определяющих представление о наследии как фундаментальной и значимой категории, является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая ЮНЕСКО в 1972 году (Всемирное наследие, 2005). В этом документе были впервые сформулированы многие понятия и принципы, определившие отношение современного общества к наследию. В дальнейшем появились и другие документы, которые заметно расширили эти представления. Среди наиболее значимых документов следует назвать Конвенцию об охране нематериального наследия (2003 год) и Конвенцию по защите культурного разнообразия (2005 год). Из этих документов следует, что мировое сообщество признаёт особую роль наследия в достижении культурного разнообразия и устойчивого развития.

Вместе с тем, большинство из положений, включённых в эти конвенции, остаются нереализованными и воспринимаются в большинстве стран как некие декларации. В связи с этим следует особо выделить принятое на 13 сессии Европейской Конференции Министров, ответственных за региональное

планирование (Любляна, 16–17 сентября 2003 года) «Европейское руководство по выявлению сельского наследия СЕМАТ», где подчёркивается особая роль наследия как ключевого фактора устойчивого развития. Этот документ был разработан в соответствии с предписаниями Рекомендаций Кабинета Министров стран-членов Совета Европы об основополагающих принципах устойчивого пространственного развития Европейского континента. В нём были даны конкретные рекомендации по изменению государственной политики в области образования и просвещения, направленные на более активное использование наследия в учебных программах. Особое внимание в этом документе уделяется усилению роли наследия в связи с развитием туризма, возрождением традиционных народных промыслов, расширением производства экологически чистых продуктов, вовлечением местного населения в проекты, связанные с сохранением и использованием наследия и формированием более привлекательного образа региона.

Наследие является объектом исследования многих наук. При этом наиболее часто используются принципы и методы таких наук, как искусствоведение, этнография, археология, биология, геология, палеонтология. В настоящее время к системе наук, связанных с изучением культурного и природного наследия, активно подключилась география (Веденин, Шульгин, 1992; Шульгин, 1995; Максаковский, 2002, Кулешова, 2000; Мазуров, 2003; Калуцков, 1998; Замятин, 2003 и т.д.). *Опыт последних лет показал, что географическая наука может быть успешно применена для решения многих задач, связанных с выявлением, описанием, охраной и использованием наследия.* Особую актуальность методология и методы географической науки приобретают в связи с рассмотрением роли наследия в устойчивом развитии. Это обусловлено тем, что важнейшими признаками географии как науки является её системность, ориентация на изучение территориальности и комплексности объектов, расположенных на поверхности Земли, в пределах её географической оболочки.

Территориальность наследия проявляется в неоднородном его распределении в географическом пространстве; об этом свидетельствуют территориальные и региональные различия в процессах формирования и деградации наследия, в деятельности государства и общества по его сохранению и использованию. Различия в природных условиях и этническом составе

населения, специфические особенности развития различных стран, народов, многообразие культурных процессов — всё это предопределяет территориальное разнообразие культурного и природного наследия в мировом, национальном и локальном масштабах.

Комплексность наследия проявляется в том, что объектом охраны всё чаще становится сложный территориальный комплекс (ландшафт, территория, город, усадебный комплекс и т.д.), компонентами которого выступают культура и природа, материальные и нематериальные ценности. Кроме того, общество и специалисты начинают осознавать, что наследие нельзя сохранить в отрыве от окружающей его природной, историко-культурной и социальной среды.

Недооценка наследия или игнорирование его особенностей при территориальном планировании, реконструкции городов, трансформации сельской местности, развитии промышленных районов может привести к разрушению уникальной природной или ценной историко-культурной среды и тем самым обесценить имеющиеся там ресурсы, отрицательно сказаться на условиях жизни населения. Игнорирование культурных традиционных ценностей, веками складывающихся социокультурных стереотипов может привести к принятию ошибочных решений, что отразится на ходе реформирования хозяйственных институтов, на эффективности политических преобразований и на успешности правоприменения законодательных актов.

Знание географических закономерностей формирования и сохранения наследия позволяет вовремя принять должные меры и предотвратить деградацию наследия, заранее предусмотреть опасность, которая может угрожать самому существованию наследия и его активному использованию в интересах как современного общества, так и будущих поколений.

Среди географических факторов формирования наследия выделяются естественные и социокультурные.

Естественно-географические факторы — это результат действия разнообразных природно-географических процессов и явлений, таких как климатические свойства местности, особенности проявления геологических и гидрологических процессов, разнообразие природных материалов, используемых при строительстве, структура и тип растительности и т.д.

Сохранившиеся до наших дней участки природы, на которых зафиксированы следы процессов, происходивших как в далёкие времена, когда

формировалась современная поверхность Земли, так и относительно недавно, в результате масштабных, нередко катастрофических для человека природных явлений, часто рассматриваются сегодня как объекты наследия. Очевидно, что выраженность такого рода процессов на поверхности Земли различается от места к месту. Для примера можно сравнить объекты наследия, расположенные в горных и равнинных местностях, объекты, сформировавшиеся в зоне влияния водных потоков и на водоразделах.

Роль природных факторов проявляется не только при формировании объектов природного наследия, но и историко-культурных памятников. Это относится, прежде всего, к тем объектам, которые наиболее тесно связаны с природными ландшафтами. Среди них образцы террасного земледелия, старинные горные выработки, места концентрации деревянных или каменных строений, очаги распространения различных видов охотничьего или рыболовного оборудования и т.д. Сам характер материалов, использовавшихся при строительстве, архитектура и конструкции сооружений во многом зависят от природной специфики местности. Планировочные характеристики поселений, конструктивные особенности зданий, расположенных в местах с различными и, особенно, экстремальными природными условиями отражают влияние природных факторов на формирование объектов наследия. Этот тезис может быть проиллюстрирован на примере разнообразия сельских поселений, сформировавшихся вдоль крупных или малых рек, на равнинных или горных территориях, в лесных и степных районах. Не менее чётко проявляется влияние природных факторов в архитектуре русских крестьянских изб, расположенных в северных, центральных или южных регионах страны.

Социокультурные географические факторы обнаруживают себя в локализации уникальных видов хозяйственной, социальной и культурной деятельности, в региональном разнообразии этнических и религиозных процессов, влияющих на формирование территориальных общностей материальной и духовной культуры.

Территориальные различия нашли своё отражение в типологическом разнообразии объектов культурного наследия. При этом в сохранившихся до наших дней объектах наследия запечатлены, с одной стороны, широко распространённые образцы, связанные с деятельностью крупных территориальных этноконфессиональных общностей, с другой, уникальные образ-

цы наследия малочисленных народов, небольших конфессиональных групп, имеющих вполне определённую территориальную «привязку». К уникальным объектам наследия можно также отнести произведения выдающихся художников, архитекторов, учёных и других людей, являющихся представителями самых различных народов, художественных школ, эпох, стилей. Образцы своеобразной архитектуры традиционных сельских поселений русского и немецкого населения Поволжья и Сибири, выдающиеся памятники архитектуры Москвы и Санкт-Петербурга, характер исторической застройки пограничного Выборга и Суздаля — города, расположенного в Центральной России, свидетельствуют о значимой роли социокультурного фактора в формировании наследия. Это положение справедливо и для природных объектов. Примером этому могут служить «святые» рощи в Кенозерском парке (Архангельская область), в Поволжье и Сибири, когда типичные участки природы были сохранены только благодаря приданию им местными общинами особого статуса «сакральных».

Знания о факторах формирования наследия необходимы для понимания системной «природы» наследия. Однако для специалистов, работающих в сфере сохранения наследия, ещё важнее знать факторы, оказывающие негативное воздействие на состояние объектов наследия. При этом оказывается, что большая часть такого рода факторов, имеет ярко выраженную географическую сущность, т.е. обладает свойствами территориальности и отражает сложную многомерную природу географической среды.

Среди географических факторов, оказывающих негативное воздействие на наследие, выделяются природные, техногенные, социально-экономические и социокультурные.

Природные факторы. Объекты наследия находятся под воздействием разнообразных природных процессов, кстати, нередко тех же, что определили их формирование как объектов природного наследия.

Важным условием эффективной охраны наследия является выделение регионов и мест, где воздействие тех или иных факторов риска наиболее заметно и поэтому может быть спрогнозировано, что позволяет предпринять определённые превентивные меры (Веденин, 1996).

Необходимо различать кратковременные и долговременные катастрофические воздействия. Среди кратковременных следует назвать: землетря-

сения, извержения вулканов, снежные лавины, селевые потоки, наводнения. Эти природные катаклизмы могут стать причиной гибели замечательных памятников архитектуры или уникальных природных образований. Примерами такого рода воздействий являются: катастрофическая ситуация, сложившаяся в Долине гейзеров на Камчатке в результате сошедшего там селевого потока, разрушение города Бама в Иране вследствие землетрясения, нанесение ущерба мангровым лесам в дельте Ганга из-за мощного цунами и т.д. Долговременные процессы связаны с абразией, денудацией и эрозией, с погодными и климатическими изменениями, с деятельностью живых организмов. Это может привести к разрушению таких уникальных памятников, как лабиринты на Соловецких островах, древние храмы Владимира, где начались катастрофические процессы, негативно влияющие на состояние белого камня, к появлению трещин в стенах и фундаментах многих исторических зданий, расположенных на склонах и в других местах, где происходит подвижка грунта и т.д.

Техногенные факторы. Негативное воздействие на состояние наследия чаще всего проявляется в следующих случаях:

1 — загрязнение воздушного бассейна, поверхностных и подземных вод, что ведёт к необратимым изменениям в состоянии каменных, кирпичных и деревянных элементов архитектурных сооружений;

2 — нарушение водного режима, изменение уровня грунтовых вод, что приводит к подтоплению цокольных этажей, разрушению фундаментов, появлению трещин в стенах домов и т.д.;

3 — распашка земель, что оказывает негативное воздействие на состояние объектов археологического наследия;

4 — интенсивное движением транспорта, эксплуатация разнообразных инженерных сооружений взрывные работы.

И таких примеров, связанных с негативным воздействием техногенных факторов на объекты наследия, можно привести множество. Они характерны для всех исторических городов, многих усадебных комплексов, некоторых сельских поселений.

Социально-экономические и социокультурные факторы. Одним из наиболее распространённых примеров негативного воздействия на объекты наследия является новое строительство в исторической городской застройке

и связанный с ним снос так называемого ветхого жилья, что ведёт к искажению и нередко полному исчезновению историко-архитектурной среды. Это характерно, прежде всего, для крупных городов, крупных промышленных центров. Наиболее серьёзные последствия этих процессов можно наблюдать в Москве. В малых городах происходит процесс ветшания исторических зданий и их медленное «умирание».

В сельской местности наиболее заметны последствия процессов депопуляции, когда в результате исхода местного населения и разрушения бесхозных домов исчезают целые поселения. Это привело к деградации сельских ландшафтов, к зарастанию полей и лугов, к заливанию водоёмов. В настоящее время эту картину можно наблюдать практически на всей территории Центральной России, Русского Севера и в большинстве сибирских регионов.

Влияние социокультурных факторов весьма заметно проявилось в двадцатом веке, когда была уничтожена большая часть бывших помещичьих усадеб и культовых зданий. Особенно значительный ущерб был нанесён историческим центрам русских городов, где были разрушены наиболее крупные и важные в градостроительном отношении православные храмы и мусульманские мечети.

Особо следует выделить последствия военных конфликтов. Только в последнее время мы были свидетелями разрушения Дубровника, ситуации, которая сложилась в Косово или на Кавказе, в результате происходивших там военных действий. Наиболее страшные разрушения, затронувшие культурное наследие Европы, были связаны со Второй мировой войной, когда с лица земли были стёрты многие города, деревни, усадьбы, монастыри.

Географические образования, комплексы, тела и явления как объекты наследия. Для понимания роли наследия как фактора устойчивого развития очень важно учитывать системную природу наследия, многообразие его связей с другими компонентами и элементами окружающей среды. Осознание особой роли наследия в формировании устойчивой среды обитания предполагает необходимость принципиальных изменений в самом подходе к объектам наследия, с переходом от охраны отдельных памятников к охране целостных историко-культурных и природных территориальных комплексов (Веденин, Шульгин, 1992). Это могут быть культурные или природные

ландшафты, историческая культурная или природная территория, ансамбль, включающий в себя не только архитектурные памятники, но и природные объекты и комплексы, и, конечно, разнообразные видовые точки и раскрывающиеся с них пейзажи. Такие территориальные объекты нередко занимают сотни или даже тысячи квадратных километров.

Особое место среди множества объектов наследия занимают *исторические поселения, историко-культурные заповедники, достопримечательные места*. Как известно, территории и поселения — это традиционные для географии объекты исследования. В российском национальном законодательстве о культурном наследии к историческим поселениям относят города и сельские населённые пункты, возраст которых достигает нескольких столетий, на территории которых находятся ценные архитектурные памятники, а также поселения с хорошо сохранившейся планировкой, что позволяет отнести их к уникальным или репрезентативным образцам градостроительного искусства. Это Калуга, Кострома, Суздаль, Ростов, Торжок, Великий Устюг, Каргополь и многие другие. К историко-культурным заповедникам и достопримечательным местам относят территории, связанные с жизнью великих художников, писателей, политиков, со значимыми для истории страны событиями, с особо важными сакральными функциями. Это может быть территориальный комплекс усадеб, одухотворённый творчеством А.С. Пушкина в Псковской области, усадьба Л.Н. Толстого, территория Соловецкого архипелага — место расположения Соловецкого монастыря, Бородинское поле — место исторического сражения 1812 года.

Относящиеся к историческим поселениям столичные города или крупные областные центры сочетают в себе признаки и исторических городов, и достопримечательных мест. Они характеризуются, с одной стороны, многовековой историей, что находит отражение в качестве и разнообразии исторической застройки, в наличии замечательных архитектурных памятников, построенных по проектам великих русских и зарубежных зодчих, а с другой стороны, в них жили и работали многие крупнейшие деятели науки и искусства, политические деятели, которые внесли огромный вклад в мировую и национальную культуру. Среди таких городов в первую очередь следует назвать Москву и Санкт-Петербург.

Важную роль в сохранении культурного пространства играют ценные в научном или сакральном отношении *природные территории*. Многие из них имеют статус заповедников или национальных парков. Среди них Кенозерье — место, где до сих пор сохраняется множество деревянных часовен, где были записаны многие образцы уникального устного наследия; это природные объекты, связанные с творчеством И.С. Тургенева (Бежин луг, окрестности села Льгов в Орловском Полесье), берега Оки, ставшие настоящей мастерской для замечательного русского художника В.Д. Поленова, хвойные боры около Елабуги или ландшафты Валаама, запечатлённые на полотнах И.И. Шишкина.

Культурные и природные ландшафты. Традиционные объекты географических исследований — ландшафты вошли в систему культурного и природного наследия как вполне признанные объекты охраны (Веденин, Кулешова, 2001; Культурный ландшафт... 2004). Их статус закреплён в международных и национальных законодательствах, в частности, в Руководящих указаниях по выявлению объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, в Европейской ландшафтной конвенции, в Законе РФ об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Выработана принятая мировым сообществом типология ландшафтов как объектов наследия.

Ландшафты стали рассматриваться в качестве основного объекта охраны в музеях-заповедниках и национальных парках. Это, прежде всего, ландшафты, обладающие высокой исторической, художественной и научной ценностью. В Списке Всемирного наследия культурные ландшафты рассматриваются по номинации объектов «культурного наследия». В этом же Списке природные ландшафты рассматриваются в первую очередь как объекты природного наследия, однако часть из них, связанная с важными для страны и для проживающих там народов культурными и историческими событиями, входит в группу объектов культурного наследия (т.н. ассоциативные ландшафты). Сохранение ландшафта как интегрального целого, как территориальной ячейки устойчивого, экологически сбалансированного развития становится одним из приоритетных направлений международного сотрудничества в Европе. В 1995 г. в Софии была принята Пан-Европейская стратегия биологического и ландшафтного разнообразия. В ней даётся раз-

личная интерпретация ландшафта; ландшафт рассматривается и как наследие, и как фактор сохранения биоразнообразия, и как модель устойчивого развития, и, наконец, как ландшафтная среда.

В 1997 году, в рамках Конгресса местных и региональных властей Европы (Congress of Local and Regional Authorities of Europe — CLRAE), под эгидой Совета Европы, был подготовлен проект Европейской конвенции по ландшафтам, а в октябре 2000 г. эта конвенция была принята Советом Европы и открыта для подписания. В соответствии с этой конвенцией, страны, её подписавшие, обязуются рассматривать ландшафт в качестве «существенного компонента окружающего людей мира, воплощения разнообразия их общего культурного и природного наследия, и основы их жизни»; учитывать специфические свойства ландшафта при проведении экономической, социальной, культурной, градостроительной, экологической и пр. политики; обеспечивать информирование население о состоянии ландшафтов; привлекать общественность, местные и региональные органы власти, все заинтересованные стороны к проблеме сохранения и рационального использования ландшафтного потенциала; провести идентификацию, оценку и анализ состояния, а также установить контроль за изменением ландшафтов; разработать и внедрить механизмы охраны, управления и планирования ландшафтов (Веденин, Кулешова, 2001). В настоящее время в России начинается большая работа по выявлению и внесению в Реестр объектов культурного наследия достопримечательных мест, в том числе культурных и природных ландшафтов, обладающих особой историко-культурной и научной значимостью.

Историко-культурная среда. В сфере охраны наследия нередко используется понятие «культурно-историческая среда». В географии это понятие не получило широкого распространения. Но оно чрезвычайно распространено в градостроительстве, где наряду с городской средой используются представления о «средовой архитектуре» и «средовой застройке» (Архитектор и историческая городская среда, 1999). Вместе с тем, следует помнить, что термин «среда» в рамках географической науки используется, прежде всего, в системе субъектно-объектных отношений. В связи с изучением историко-культурной среды в качестве субъекта обычно рассматривают население города, сельского населённого пункта, местности. Поэтому

важнейшим этапом на пути формирования историко-культурной среды является не только сохранение и реставрация памятников, сохранение культурных и природных ландшафтов, но и особое внимание к просветительской деятельности и образованию людей с целью их адаптации к историко-культурным и природным ценностям.

Следует также иметь в виду, что каждый из объектов наследия, в том числе отдельно стоящие памятники и ансамбли, обитает в своей собственной среде. В качестве средообразующих факторов выступает историческая застройка, историческая сельская местность, т.е. те участки, которые в течение долгого времени сохраняли в себе наиболее типичные черты данного места, в которые органично вписывались новые строения, где прожило несколько поколений людей, предков тех, кто составляет сегодняшнее население города.

Территориальная локализация живой традиционной культуры. Это понятие пришло в сферу наследия из этнографии и фольклористики. Чаще всего к этой категории наследия относят места расселения коренных народов, сохранивших свою традиционную культуру, тесно связанную с природой, с традиционными формами природопользования. В Северной Америке это — индейские резервации; в России к ним можно отнести некоторые районы проживания малочисленных народов Российской Арктики. В рамках этого понятия могут рассматриваться и некоторые сельские местности, в частности, на территории Русского Севера, в Архангельской области, где ещё до сих пор сохранились очаги традиционной культуры. Так, например, высокая степень концентрации деревянных часовен в районе Кенозерья и Лёкшмозера отражает хорошую сохранность в этих местах древней крестьянской культуры Северной Руси. Местное население продолжает совершать там традиционные обряды, даже в тех часовнях, которые расположены в деревнях, покинутых жителями и использующихся лишь в летнее время или во время сельскохозяйственных работ.

Исторические дороги и реки. В соответствии с современным законом об объектах культурного наследия мы можем выделять в качестве объекта наследия исторические дороги — торговые пути, старинные тракты, волоки, реки, каналы и т.д. Характерным примером таких исторических путей в России выступают Старая Смоленская дорога, Владимирская до-

рога, Северная Двина и Сухона, как трассы первых путешествий европейских купцов в Россию, старые каналные системы (например, Марининская система) и т.д. В настоящее время существуют программы развития и современного использования исторических путей. Таким примером является Великий шёлковый путь. В нашей стране рассматривается проект возрождения Великого Волжского пути, охватывающего Скандинавские страны, Санкт-Петербург, многие регионы Волги — от Ярославля до Астрахани, Каспийское море и Иран.

Учёт географической специфичности наследия необходим не только для определения мер, обеспечивающих его сохранность, но и для понимания роли наследия в жизни современного человека, для развития страны и её отдельных регионов.

Зависимость формирования определённых типов наследия от территориального фактора. Различные типы и формы наследия соответствуют определённым территориям — странам, регионам, природным и культурным ландшафтам, городам и сельским местностям. Едва ли можно перепутать архитектуру русских храмов допетровского периода, старинные храмы Грузии и западноевропейские костёлы и кирхи, каждая из которых доминируют в своих регионах. Мы говорим о региональной специфике в архитектурном решении жилища, имея в виду его зависимость от климатических условий, от рельефа, от степени изолированности или, напротив, открытости народа, этнической группы по отношению к другим странам и народам, от географического положения данного места — природного, экономического, социально-экономического, социокультурного и т.д.

Территориальные различия в распределении наследия. Плотность распределения объектов наследия, относящихся к различным историческим этапам развития отдельных стран и цивилизаций, меняется от места к месту, что обусловлено не только историей развития страны, региона, системы расселения, но и отношением к наследию со стороны нынешнего поколения — власти и общества. В условиях России особенно заметные различия наблюдаются между районами, где сформировалась русская государственность и районами, освоенными в более поздние времена. Так, например, наиболее высокая плотность объектов архитектурного наследия характерна для Центрально-Европейской части России, её Северо-Западных райо-

нов. Районы Восточной Сибири и Дальнего Востока имеют менее развитый пласт архитектурного наследия. Соответственно в этих регионах при выявлении объектов наследия должны использоваться различные подходы и различные критерии. Так, временные критерии ценности объектов наследия для Великого Новгорода, Москвы и Красноярска должны существенным образом отличаться друг от друга. Архитектурные сооружения конца XIX века в условиях Красноярска имеют почти такую же ценность, как постройки XVI–XVII веков в Великом Новгороде или конца XVIII – начала XIX веков в Москве. Кроме того, необходимо учитывать различия в этнокультурных особенностях местности, в степени развитости и сохранности объектов наследия, представляющих культуру тех или иных народов. Так, например, в местах расселения малочисленных коренных народов необходимо бережно относиться к любому объекту, имеющему отношение к традиционной культуре этих народов, ибо исчезновение даже одного сооружения, связанного с историей культуры этих народов, может нанести непоправимый ущерб национальному культурному наследию.

Подключение географии к сфере наследия позволило значительно расширить принципы и методы его изучения и сохранения. В основу этой новой для географии сферы было положено представление о системности наследия и его особой роли как фактора устойчивого развития. Среди географических принципов изучения и сохранения наследия центральными являются следующие:

Принцип сохранения культурного и природного разнообразия. Как известно, разнообразие земной поверхности, ландшафтов Земли, культурное разнообразие нашей планеты, является одним из фундаментальных свойств среды обитания человека. Определяющую роль в сохранении разнообразия среды играет наследие и, прежде всего, степень его защиты. Это обусловлено тем, что при строительстве новых городов, организации сельских ландшафтов общность эпохи, даже при очень большом желании отдельных художников, архитекторов, инженеров создать новые, необычные по форме и стилю сооружения, проявляется весьма значительно. Невозможно уйти от определённой унификации зданий, сооружений, инженерных конструкций, созданных в один и тот же исторический период. Только одновременность их создания позволяет достичь разнообразия в организации и характере

городского и сельского пространства. Кстати, это относится и к природе, ибо она формировалась в течение многих тысячелетий и в её структуре заложен синтез самых разновременных процессов и явлений, происходивших в земном и космическом пространстве в самые различные геологические или исторические эпохи. Поэтому применение принципа сохранения разнообразия в практической деятельности коренным образом меняет саму систему охраны памятников природы, истории и культуры. В основу подхода ставится не только ценность отдельных памятников, но и их роль как носителя определённых культурных этнических или конфессиональных традиций, определённого этапа развития цивилизации. Соответственно, небольшая постройка в деревне маленького народа орочи может быть оценена выше, чем великолепный флорентийский дворец XVI века, ибо первое сооружение может быть единственным памятником такого рода, а дворец представляет лишь один из многих объектов наследия, сохранившегося от эпохи итальянского возрождения.

Принцип территориальной целостности. В руководящих указаниях ЮНЕСКО, определяющих отношение к объектам Всемирного наследия, принцип целостности используется чаще всего относительно объектов природного наследия — национальных парков и природных заповедников. Однако он может быть распространён и на территориальные комплексы объектов культурного наследия, целостность которых обусловлена степенью сохранности всех памятников, связанных с историей формирования культурного слоя территории и демонстрирующих все этапы развития, характерные для данного культурного пространства. Для культурных ландшафтов сохраняется значимость природно-экологических факторов.

Принцип региональной уникальности и репрезентативности. Характерными признаками ценности наследия являются два, казалось бы, противоречивых свойства — уникальность и репрезентативность. Уникальность памятника определяется, во-первых, его выдающейся исторической, научной, сакральной и художественной ценностью, во-вторых, отсутствием аналогов. Таким примером могут стать места, связанные с жизнью великих учёных, художников, политических деятелей, с особо значимыми для мировой истории событиями и т.д. При этом следует учитывать масштаб явления. Уникальность объекта может проявляться в мировом, региональном и

локальном пространстве. Соответственно проявление этого свойства может быть отмечено в масштабе мира, страны, области или поселения.

Репрезентативность наследия заключается в том, что в нём отражены типичные черты региона или эпохи. Здесь можно вспомнить о московском ампире, петербургском барокко, о деревянных храмах или часовнях Русского Севера, о природных объектах, наиболее полно и выразительно представляющих результаты и характер природных процессов.

Культурно-ландшафтный принцип. Основным объектом охраны в данном случае становятся культурные ландшафты и составляющие его культурно-природные комплексы, включающие материальные и нематериальные, природные и культурные, движимые и недвижимые элементы. Однако этот подход может быть применён не только для комплексных культурно-ландшафтных объектов. При включении в Реестр объектов наследия единичных архитектурных памятников предметом охраны должны стать не только фасады зданий, их планировочная структура, форма декора и другие характеристики данного сооружения, но и его место в ландшафте, пейзажи, открывающиеся из окон или при выходе из здания. С другой стороны, когда речь идёт об охране фитоценоза как одного из компонентов культурного ландшафта, то имеются в виду не только сами растения или тип растительного сообщества, но и то, что внёс в него человек (архитектор, инженер, садовник, лесовод, крестьянин). Следует также учитывать и другие свойства фитоценоза, в том числе многообразие цветов, звуков, запахов и т.д.

Экологический принцип. Объекты наследия не могут существовать вне окружающей среды. Это отражается в конкретных программах, связанных с выделением зон охраны, когда наряду с самим объектом наследия определяется территория памятника, охранный зона, зона охраняемого ландшафта и зона регулирования застройки. Кроме того, в рамках данного подхода особое внимание уделяется анализу природных и антропогенных факторов негативного воздействия на объекты наследия, связанных, прежде всего, с изменением окружающей среды (Мазуров, 2003). Экологический принцип предполагает учёт не только природной, но и социокультурной среды. В связи с этим особое значение имеет проблема сохранения местного населения как носителя традиционных культурных ценностей, степень его физическое и духовное здоровья, его духовной «укоренённости» на этой земле.

Из рассмотренных выше принципов вытекает и соответствующий им набор методов. Назовем только самые существенные:

Метод территориального планирования в сфере сохранения и эффективного использования культурного и природного наследия. Этот метод получил широкое распространение при разработке региональных программ сохранения и использования наследия (Шульгин, 1999). В основе его лежит представление об особой роли наследия в социально-экономическом, социокультурном и экологическом развитии региона. В результате разработки такого рода программ определяются историко-культурный и природный потенциал региона, оценивается современное состояние наследия, рассматриваются позитивные и негативные аспекты его использования в современной экономике и социокультурной инфраструктуре. На основе анализа качества, объёмов и состояния наследия, развитости инфраструктуры, реального и потенциального спроса на наследие, имеющихся финансовых ресурсов как бюджетных, так и внебюджетных, возможностей эффективного вовлечения наследия в социальную, культурную и экономическую жизнь региона предлагаются конкретные предложения и проекты, ориентированные на сохранение и эффективное использование наследия. Особое внимание уделяется местному населению, его участию в социокультурной и экономической деятельности, связанной с охраной и использованием наследия. Учёт фактора наследия в региональном планировании позволяет активизировать усилия администрации, бизнеса, общественных организаций и самого населения к переходу на комплекс технологий, обеспечивающих устойчивое развитие.

Метод консервации и реставрации культурных ландшафтов. Культурный ландшафт формируется в результате сотворчества человека и природы. Поэтому оба эти фактора должны быть учтены при консервации и реставрации ландшафтов. Благодаря действию природных факторов ландшафт является постоянно изменяющейся системой, испытывающей как сезонные, так и длительные многолетние трансформации. Так, например, при реставрации паркового ландшафта невозможно сохранить все первоначальные формы и элементы, которые были в его композиции в период его формирования или сразу после реализации замысла ландшафтного архитектора. Произошедшие в последующие годы природные процессы в значительной степени изменили этот ландшафт. Одновременно в ландшафтную компози-

цию внедрялись новые формы садово-паркового искусства, новые приёмы природопользования. Все эти нововведения обладают определённой исторической и художественной ценностью. При этом одновременно с осмыслением и пониманием неизбежности существенных изменений в ландшафте приходит понимание и того, что прошлое лучше всего воспринимается современным человеком в том случае, когда реставраторы не пытаются воспроизвести давно ушедшие формы в их полном объёме, а бережно относятся ко всем элементам ландшафта, которые были свидетелями произошедших на его территории исторических событий. И это несмотря на то, что многие из этих элементов претерпели в последующие годы весьма серьёзные изменения. Рассказать же о самом событии, которое определило историко-культурную ценность ландшафта, или о замысле художника можно путём формирования музейной экспозиции или через воссоздание реплик, фрагментов, напоминающих о том, что было когда-то. В качестве примера можно привести Бородинское поле, где была восстановлена не вся система исторических инженерных сооружений, а лишь отдельные её фрагменты. Самое же главное для такого типа ландшафтов заключается в сохранении его семантики. Отсюда столь большое значение придаётся сохранению истинных носителей исторической информации. На Бородинском поле такими элементами ландшафта являются поля, холмы, долины рек, панорамные и секторальные пейзажи.

Метод восстановления утраченных элементов ландшафта в контексте реставрации исторического культурного ландшафта. Проблема реставрации культурного ландшафта нередко связана с необходимостью восстановления утраченных элементов ландшафта. Такими элементами могут быть архитектурные и инженерные сооружения, природно-технические системы (пруды, водохранилища, террасные поля и т.д.), сакральные элементы и символы (кресты, часовни), топонимы. Нередко возникает вопрос о целесообразности восстановления утраченных сооружений, относимых к памятникам истории и культуры. Очевидно, что вновь созданные сооружения уже не могут рассматриваться как самоценные объекты наследия. Однако их роль как элементов объектов наследия более высокого ранга является весьма существенной, и в соответствии с этой позицией их воссоздание вполне правомерно. Примером может служить мемориальный ландшафт

в музее-заповеднике А.С. Пушкина, расположенном в Псковской области, где были восстановлены почти все утраченные усадебные постройки (Михайловское, Тригорское, Петровское). Тем самым была восстановлена целостность исторического ландшафта. Сохранившийся до наших дней культурный ландшафт включает в себя многие аутентичные элементы — рельеф, водоёмы, структуру сельскохозяйственных угодий, систему расселения и т.д. Восстановленные усадьбы лишь дополнили восприятие исторического культурного ландшафта как целостного мемориального комплекса.

Метод восстановления визуальных связей как средство системного объединения исторических открытых пространств. Важнейшим структурным элементом культурного ландшафта является его пространственная организация, выраженная прежде всего в соотношении между открытыми и закрытыми пространствами. Характерной чертой современных сельских ландшафтов является сокращение площади открытых пространств, что происходит главным образом в связи с зарастанием полей, полян и лугов. Многие ещё недавно крупные массивы полей превратились в мозаику отдельных мелких, не связанных друг с другом, полянок или полностью растворились в прилегающих к ним лесных массивах. Казалось бы, что реставрация таких ландшафтов может быть осуществлена только через вырубку выросшей за последние годы растительности и восстановление единого открытого пространства. Однако для осуществления такого рода работ необходимы огромные затраты и серьёзные экологические преобразования. Кроме того, будет чрезвычайно сложно сохранить эти открытые пространства. Поэтому более рационален путь формирования системы визуальных коридоров, связывающих эти поляны друг с другом, что позволяет раскрыть перспективы, охватывающие весь ландшафт и даже его окрестности. Тем самым восстанавливается масштаб ландшафта, его основные пейзажи и пространственно-структурные особенности. Именно по такому пути пошли реставраторы ландшафта на территории Кенозерского парка, где восстанавливается система сельскохозяйственных угодий, или на Бородинском поле, где делается попытка воссоздать на основе исторических фотографий систему утраченных к настоящему времени пейзажей.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В настоящее время невозможно представить себе полноценное археологическое исследование без участия специалистов в области палеогеографии. Проблема датировки артефактов, изучение роли природных факторов в жизни людей, живших много лет тому назад, изучение истории заселения и хозяйственного освоения территории в комплексе с природными процессами — всё это является предметом совместных исследований географов и археологов. Среди основных направлений археолого-географических исследований особо следует выделить следующие: этапы, характер и основные особенности освоения территории с фиксацией археологических памятников; ландшафтно-археологическое картирование памятников разного возраста в современном ландшафте, локальное изучение наиболее информативных памятников, расположенных в разных ландшафтно-геоморфологических условиях, реконструкция исторического ландшафта (Гоняный, Александровский, Гласко, 2007). Так, например, в результате комплексных археолого-географических исследований Куликова поля удалось получить новые сведения о природной панораме времен Куликовской битвы, о пространственной структуре древнерусских поселений XII—XIV веков, составить ландшафтно-археологическую карту поля и т.д. (Гласко, Маркова, Сычёва, 2000; Гоняный, Александровский, Гласко, 2007).

Метод сохранения и восстановления семантики ландшафта. Важнейшим компонентом культурного ландшафта является нематериальная культура, интегрирующая в себе не только результаты, но и процессы интеллектуальной, духовной, хозяйственной и обыденной социальной деятельности. Сохранность этого компонента ландшафта связана в значительной степени с носителями этой культуры, т.е. с традиционным местным населением, потомками людей, которые жили и раньше на этой земле. Кроме того, часть этой информации хранится в книгах, видео- и аудиозаписях, на других носителях, в легендах карт (Культурный ландшафт... 2004).

Важную роль в сохранении этого слоя ландшафта играет топонимика, являющаяся связующим звеном между материальными и нематериальными компонентами ландшафта (Калуцков, 1998). Особое место занимает звуковой компонент ландшафта (Семёнов-Тян-Шанский, 1928, Андрее-

ва, 2000). Как известно, каждый тип ландшафта характеризуется своей неповторимой палитрой звуков, которая меняется в процессе исторического развития. Это особенно заметно проявляется в городском ландшафте — за относительно короткое время исчезли гудки фабрик, изменился характер песен, техника воспроизводства звука — от патефона до CD. Но что-то остаётся постоянным. И это не только пение птиц, шум ветра, шорох листвы. Сохранились голоса людей, звон колоколов; исполняются музыкальные произведения, созданные много лет тому назад. И для того чтобы сохранить культурные ландшафты, очень важно остановить практику переименования исторических названий городов, улиц, урочищ, бережно относиться к традиционной культуре, к классическому искусству, к его популяризации, максимально использовать историческую культурную инфраструктуру — музеи, концертные залы, театры, культовые сооружения.

Всё это позволяет утверждать, что география с её разнообразными направлениями — природоведческими, социально-экономическими и социокультурными, является базовой для всей сферы изучения и сохранения наследия. При этом особенно важно подчеркнуть тот факт, что применение методологии, теории и методов географической науки позволит более эффективно использовать феномен наследия в решении задач, связанных с поиском путей устойчивого развития.

Однако реализация этой функции наследия может быть осуществлена только при наличии эффективного механизма сохранения и использования наследия. Для этого необходимо:

- формирование полноценного кадастра культурного наследия России, включающего всё многообразие материального и нематериального наследия;
- формирование опорного каркаса культурного пространства России, что определяет возможность формирования устойчивой и вместе с тем, развивающейся системы культурных ландшафтов;
- формирование специализированной организационной структуры, обеспечивающей комплексную охрану, сохранение и эффективное использование культурного наследия в местах его концентрации.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛНОЦЕННОГО КАДАСТРА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ, ВКЛЮЧАЮЩЕГО ВСЁ МНОГООБРАЗИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

В настоящее время в России действует Федеральный Закон о культурном наследии (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. В соответствии с этим законом «к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — объекты культурного наследия) ...относятся объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры». Между тем, в международном законодательстве в настоящее время наблюдается переход к более широкому толкованию понятия «наследие». Так, в последние десятилетия в ЮНЕСКО и Совете Европы принимаются документы, посвящённые охране нематериального наследия, формируется Список Всемирного нематериального наследия, принимается Конвенция о культурном разнообразии, в основе которого лежит самое широкое представление о культуре и культурном наследии. Всё это позволяет рассматривать в качестве наследия не только недвижимые памятники истории и культуры, но и культурные ценности, включающие самые разнообразные предметы искусства, быта, хозяйственной деятельности, памятники науки и техники, а также ценные книги, архивные документы и другие, ценные в культурном, историческом, научном и художественном отношении предметы. К культурному наследию всё чаще начинают относить разнообразные виды народного творчества, в том числе народную музыку и танцы, старинные поэтические произведения, предания, обряды, традиционные технологии и т.д. Особое место среди нематериальных ценностей занимают религиозные духовные ценности, связанные с различными конфессиями и верованиями.

Одной из тенденций последних десятилетий является и то, что в качестве наследия начинают рассматриваться разнообразные территориальные объекты, нередко занимающие обширные площади. Это нашло отражение и в национальном законодательстве, когда в качестве одного из типов культурного наследия стали рассматриваться *достопримечательные места*, определяемые как «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, с историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов».

Включение в систему наследия таких категорий как достопримечательное место, культурный ландшафт, исторический город, культурный слой позволяет отнести к категории культурного наследия и природные объекты — лесные и водные пространства, отдельные урочища и местности. Это может быть обусловлено их связью с теми или иными историческими событиями, жизнью и творчеством великих личностей, с тем или иным явлением в искусстве. Поэтому возникают такие объекты наследия, как Псковская земля Пушкина, Мещёра Паустовского, Тихий Дон Шолохова, поленовские места на берегах Оки, пейзажи, отображённые на своих полотнах Левитана, и т.д.

ФОРМИРОВАНИЕ ОПОРНОГО КАРКАСА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Одной из важнейших функций государства в сфере культурной политики является формирование целостного культурного пространства Российской Федерации и одновременно выявление самобытности каждого проживающего в ней народа, отдельных российских регионов и поселений. Для реализации этих задач необходимо построить эффективную территориальную систему охраны культурного наследия, обеспечивающую устой-

чивое развитие культурного пространства России, отдельных её регионов и поселений. В природоохранной сфере уже давно введено понятие «экологический» каркас. Сохранение основных структурных элементов экологического каркаса — центров и коридоров, позволяет обеспечить чистоту лесов, рек, воздушного бассейна, растительного и животного мира. Формирование опорного каркаса культурного пространства является необходимым условием обеспечения устойчивого развития и сохранения культурного разнообразия России.

В наших исследованиях мы рассматриваем *опорный каркас как территориальную систему иерархически организованных центров инновационной культуры и историко-культурных центров (очагов), объединённых между собой в единое целое через исторически и функционально обусловленные связи (Веденин, 1997).*

Центры инновационной культуры — это основные источники формирования, трансформации и ретрансляции новых идей, технологий, других разработок, питающих всё культурное пространство страны, региона.

Среди ведущих центров инновационной культуры особое место принадлежит *столичным городам*. Именно столицы являются лидерами в выдвижении новых идей в науке, технике, искусстве. Кроме того через столицы в страну входят инновации, рождённые в других странах. В России — это Москва и Санкт-Петербург. Важную роль играют некоторые областные центры, например, Новосибирск — один из научных центров России, Екатеринбург — культурный и научный центр Уральского региона, Владивосток — центр размещения дальневосточной науки, важный торговый порт России на Тихом океане, и т.д. Наряду с традиционными инновационными центрами, такими как столицы и областные, а ранее губернские центры, в определённые исторические периоды в России эти функции выполняли и другие поселения. Такими инновационными центрами в XIII–XIV веках были столицы многочисленных русских княжеств — Суздаль, Ростов Великий, Коломна, Великий Устюг, Белозерск и многие другие. В последующие века роль инновационных центров взяли на себя монастыри. Это, прежде всего, такие крупные ставропигиальные монастыри, как Троице-Сергиевская лавра, Белозерский Спасо-Преображенский монастырь,

Кирилово-Белозерский монастырь и многие другие духовные центры России.

Начиная с конца XVIII века, в роли инновационных культурных центров выступают *дворянские усадьбы*. Усадьба стала своеобразным ретранслятором информационных потоков, новых идей, технологий, образцов техники, самых последних достижений науки, техники, искусства; именно из усадьбы происходило распространение значительной части инноваций по земле русской. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что русская усадьба имела непосредственную связь с Санкт-Петербургом, Москвой, губернскими городами, а также со многими зарубежными столицами. Подобная ситуация продолжалась до начала XX века.

В последние десятилетия XX века функции инновационных центров стали выполнять и некоторые малые города. Это, прежде всего, наукограды — Пущино, Дубна, Троицк, Обнинск и т.д., на территории которых были созданы научные институты, связанные с разработкой самых современных технологий в биологии, физике, химии и других фундаментальных науках. В ряде случаев эти новые центры были созданы на базе исторических городов, например, Переславля-Залесского.

Историко-культурные центры рассматриваются как актуализированные очаги концентрации культурных ценностей и объектов культурного наследия и традиционной культуры.

Самыми мощными и вместе с тем самыми известными историко-культурными центрами России являются её *столицы* — Москва и Санкт-Петербург. В течение долгих лет именно в этих городах работали выдающиеся архитекторы, инженеры, художники. Здесь были сконцентрированы значительные денежные потоки, происходила наиболее интенсивная экономическая, социальная, культурная жизнь. Поэтому нет ничего удивительного, что именно в этих городах располагаются замечательные памятники истории и культуры, издавна известные в России музеи, театры, выставочные залы. Общемировую славу имеют Московский Кремль, Эрмитаж, Большой театр, Мариинский театр, Третьяковская галерея, Русский музей и т.п.

Среди других крупных историко-культурных центров России — Великий Новгород и Псков, не просто длительное время конкурировавшие

с Москвой и другими русскими княжествами, а фактически выдвигавшие альтернативу иного, европейского пути развития российских княжеств. История оставила свой след во внешнем облике многих русских городов — бывших губернских, а впоследствии областных центров, обогатив их многочисленными и разнообразными памятниками истории и культуры.

Несколько иная ситуация складывается в *малых городах*, где нередко основными ценностями являются уникальные историко-культурные комплексы, нередко сформировавшиеся ещё в то время, когда они были столицами. Среди них Суздаль, Ростов Ярославский, Коломна, Торжок, Великий Устюг и т.д. С другой стороны, есть города, известность которых обусловлена, прежде всего, тем, что в них жили люди, составившие славу России. Это характерно для многих городов Европейской России. Среди таких городов: Мценск, Елец, Таруса и многие другие. В отличие от крупных городов, малые города, за немногим исключением, являются прежде всего центрами концентрации объектов культурного наследия; в них нет современных инновационных предприятий или институтов. Их будущее связано, прежде всего, с туризмом.

Важную роль в формировании современной системы историко-культурных центров играют *бывшие усадебные комплексы*, связанные с уникальными историческими личностями, которые жили и работали в этих местах. Это Ясная Поляна Л.Н. Толстого, Михайловское А.С. Пушкина, Спасское-Лутовиново И.С. Тургенева и многие другие. В ряде мест усадьба представляет уникальный архитектурный комплекс, созданный замечательным зодчим. Такого рода усадьба являлась собственностью самых состоятельных и известных родов России. Для ее строительства приглашались выдающиеся архитекторы России. Интерьеры этих дворцов украшались произведениями известнейших художников и скульпторов Европы. В качестве примера можно назвать такие подмосковные усадьбы, как Архангельское Юсуповых, Кусково и Останкино Шереметевых, Надеждино Куракиных в Саратовской губернии, Кузьминки Голицыных, Алексино Барышниковых в Смоленской губернии.

В ряде случаев функции историко-культурных центров берут на себя сельские поселения; чаще всего, это места рождения или жизни ярких личностей, внёсших большой вклад в культуру страны, её политическое или

экономическое развитие. Примером таких мест является село Константиново — родина Сергея Есенина. Особый интерес представляют также села, где сохранились образцы традиционной сельской архитектуры. Это села Кимжа в Архангельской области или Усть-Цильма в Республике Коми.

К историко-культурным центрам должны быть отнесены объекты, выполняющие роль своеобразных национальных символов для народа, общества, страны.

Это могут быть как природные, так и созданные человеком объекты или комплексы. Среди первых следует назвать природные ландшафты, описанные великими русскими поэтами и художниками, места, ставшие свидетелями исторических событий, определивших развитие нации, страны, места, связанные с национальными святынями. Среди них пушкинские ландшафты Псковщины, Бежин луг Тургенева, Плёс Левитана на Волге, озеро Светлояр, где, по преданию, был спрятан град Китеж. Особо следует выделить места, имеющие высокую значимость для ведущих национальных или мировых религиозных конфессий, связанные с жизнью духовных (не обязательно религиозных) лидеров нации и т.д.

Эффективно функционирующая система историко-культурных центров должна обладать свойством иерархичности. Только в этом случае влияние центров на окружающую территорию может распространяться в масштабе всей страны, проникать в самые удалённые от основных центров местности. При этом один или несколько из всего множества центров может выступать в роли доминанты системы, создающей наиболее мощное поле влияния. Традиционно иерархичность связывают, прежде всего, с центрами инновационной культуры, в основе функционирования которых лежат центробежные потоки вещества, энергии и информации. Однако это свойство характерно и для историко-культурных центров. Наиболее явно оно проявляется в связи с формированием туристских сетей, когда историко-культурные центры первого порядка привлекают основную часть туристского потока, направляющегося в данный регион. Остальные центры лишь усиливают привлекательность маршрута, позволяют сделать его более содержательным и рассчитанным на более длительный отрезок времени. Хорошим примером этому может служить Ясная Поляна, туристское посещение которой нередко дополняется поездками в Тулу, на

Куликово поле, в Богородицк, Поленово или Дворяниново. В зону влияния Спасского-Лутовинова вовлекаются окрестные достопримечательные места: Бежин луг, родовая усадьба Тургеневых Тургенево, места, связанные с жизнью Фета, Льгов — село, описанное в «Записках охотника» и расположенное в Национальном парке «Орловское полесье» и т.д. В настоящее время все ныне действующие крупные музеи-заповедники начинают идти по этому пути. Таким образом, формируется система историко-культурных связей, объединяющая разнообразные по функциям и масштабу историко-культурные центры.

Чрезвычайно важную роль в формировании опорного каркаса играют коммуникационные связи.

Положение культурно-инновационных и историко-культурных центров по отношению друг к другу может различаться весьма существенно. Теоретически эта схема предполагает несовпадение в пространственном положении центров. Однако в реальности эта схема может сочетать в себе самые разнообразные варианты пространственной организации, в том числе и наличие крупных комплексных центров, сочетающих в себе как инновационные, так и культурно-исторические функции. Особый интерес представляет тот факт, что наиболее крупные инновационные и историко-культурные центры совмещены в пространстве. Как правило, это разные функции одного и того же поселения. В качестве примера мы уже приводили столичные города России — Москву и Санкт-Петербург, многие областные центры — Владимир, Великий Новгород, Псков, Смоленск, Нижний Новгород. Весьма часто возникает ситуация, когда при явном доминировании какой-либо одной функции — чаще всего инновационной — между ними сохраняется определённый баланс и обе эти функции оказываются востребованными. Поэтому многие связи, объединяющие инновационные центры с историко-культурными, могут быть рассмотрены в контексте связей, объединяющих различные историко-культурные центры.

Особое место в системе опорного каркаса, его историко-культурного каркаса занимают *исторические пути*, предопределившие процессы распространения различного рода инноваций. Среди них торговые пути, пути завоевания и колонизации новых территорий, пути перемещения народов и т.д. В настоящее время по многим из таких путей и дорог проходят ту-

ристские культурно-познавательные маршруты. Естественно, что наряду с историческими путями возникают и новые коммуникационные связи, обусловленные современной транспортной инфраструктурой. Однако и в этом случае в основе всех этих коммуникаций лежат исторические дороги, исторические направления, исторические контакты между населёнными пунктами. Среди наиболее известных маршрутов такого рода — Золотое кольцо, речной маршрут по Волго-Балту, от Москвы до Астрахани или Ростова-на-Дону, по сибирским рекам и т.д. Важно подчеркнуть и тот факт, что многие из этих связей могут быть организованы в форме *линейных исторических территорий*, где особое внимание обращается на выявление, сохранение и восстановление культурных и природных ландшафтов, памятников истории и культуры, памятников природы. Это, прежде всего, каналные системы, старинные тракты, некоторые линии железных дорог.

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ КОМПЛЕКСНУЮ ОХРАНУ, СОХРАНЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МЕСТАХ ЕГО КОНЦЕНТРАЦИИ

Для того чтобы наследие оказывало активное влияние на современное развитие страны, как социально-экономическое, так и социокультурное, необходимо иметь специальные институты, которые могли бы реализовать имеющийся в наследии потенциал, определённым образом актуализировать его в соответствии с современными потребностями общества. Именно этим целям служит сложившийся в нашей стране *институт музеев-заповедников*, которые сочетают в себе как специализированные учреждения, так и особо охраняемые историко-культурные и природные территории.

Благодаря музеям-заповедникам удастся сохранить целостные историко-культурные и природные комплексы, включающие объекты культурного и природного наследия, историческую застройку старинных городов и исторический ландшафт, духовные святыни и этнографическую культурную специфику национальных территорий, и вместе с тем развивать на их территории научно-образовательную и традиционную хозяйственную

деятельность. Благодаря музеям-заповедникам появляется возможность не только сохранять, но и включать в туристский оборот всё многообразие культурного и природного наследия России, материальную и духовную культуру народов Российской Федерации. Именно этим можно объяснить особую туристскую привлекательность музеев-заповедников, тот факт, что именно музеи-заповедники становятся визитной карточкой многих регионов России. Кроме того, музеи-заповедники берут на себя функции как историко-культурных, так и инновационных центров, аккумулирующих в себе последние достижения мировой и национальной культуры. Они привлекают гостей и распространяют инновации. По этим свойствам их можно сравнить с крупными дворянскими усадьбами конца XVIII—XIX веков, когда последние были наиболее значительными центрами, куда стекалась информация о новых технологиях в науке и технике, сельском хозяйстве и искусстве, а затем распространялась среди соседей — представителей самых различных сословий.

Особую роль играют музеи-заповедники в сельской местности русской провинции. Так, например, Русский Север известен, прежде всего, благодаря музею-заповеднику Кижи в Карелии и Соловецкому музею-заповеднику. Сельская местность Центральной России привлекательна своими литературными музеями-заповедниками. Это музей-заповедник А.С.Пушкина «Михайловское» в Псковской области (более 160 тыс. посетителей в год), музей-заповедник Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» в Тульской области (около 120 тыс. посетителей), музей-заповедник М.Ю. Лермонтова «Тарханы» в Пензенской области (почти 200 тыс. посетителей) (Культурное наследие..., 2005).

Особую роль играют музеи-заповедники в решении задач по реабилитации малых исторических городов. Благодаря музеям-заповедникам заметно возрастают масштабы туристского использования малых городов. Это можно увидеть на примере действующих музеев-заповедников. Так, например, Владимиро-Суздальский музей-заповедник ежегодно посещают около 1,0 млн. человек, музей-заповедник Ростовский кремль — около 200 тыс., Александровскую Слободу в городе Александров Владимирской области — 400 тыс., Кирилло-Белозерский музей-заповедник — 200 тыс. Однако большинство малых городов не использует свой историко-культурный

потенциал. И это несмотря на то, что практически во всех исторических городах имеется свой уникальный туристский продукт. В качестве примера можно привести историю малого волжского города Мышкин (Ярославская область, население 6,5 тыс. жителей). Это бывший уездный центр, который в XX веке потерял не только свои прежние экономические функции, но и был преобразован в село Мышкино. Однако за последние 15 лет (достаточно сложных лет для экономики страны) в жизни этого поселения произошли коренные изменения. Все туристские теплоходы останавливаются в Мышкине (раньше не останавливался ни один), даже кратковременные круизные поездки из Москвы (на 3–4 дня) обязательно предполагают остановку в Мышкине. В городе организован Музей Мыши, налажен промысел сувениров. Город проводит ежегодный праздник Мыши — этот фестиваль стал уже международным. Город реализует и другие музейные и культурные проекты, его культурная инициатива получила широкую известность. Однако для того чтобы потенциал города был использован в полной мере, необходимо формирование здесь комплексного музейного, культурного и туристского центра, каким мог бы стать город, если бы он получил статус музея-заповедника.

Подобного рода проекты могут быть реализованы во многих других российских исторических городах. Тот факт, что развитие музеев-заповедников на базе малых исторических городов позволяет стимулировать региональную хозяйственную активность, способствует формированию производственной и социальной инфраструктуры, влияет на эффективность функционирования самых различных отраслей экономики, можно проиллюстрировать на примере Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В настоящее время этот музей-заповедник является крупнейшим налогоплательщиком в районе и играет существенную роль в формировании муниципального бюджета. Перспективная программа развития Кирилло-Белозерского музея-заповедника на период до 2010 г. показывает возможность увеличения объема туристских услуг на территории Кирилловского района до 230 млн руб. в год, что обеспечит дополнительную занятость более 200 местных сельских жителей (возрождение традиционных промыслов, сельский туризм, надомный труд). Планируется открыть 35–50 новых мест в учреждениях системы профессионального об-

разования. Всего в туристской и музейной сферах, а также в обеспечении деятельности музея-заповедника будет занято примерно 2300 жителей административного района (Культурное наследие..., 2005). Таким образом, комплекс историко-культурного и природного наследия малого города — это специфический и очень важный экономический ресурс региона, он может и должен стать не только важным фактором духовной жизни, но и основой особой отрасли специализации, одним из перспективных направлений стимулирования социальной политики и развития местной экономики (Шульгин, 2004).

Однако музеи-заповедники являются не единственными организациями, которые берут на себя функции институализированных историко-культурных центров как в России, так и в других странах. В нашей стране всё более важную роль начинают играть монастыри. В настоящее время институт паломников занимает особое место в мотивации поездок с целью посещения памятников истории и архитектуры. При этом потоки паломников пересекаются с культурным туризмом, поскольку и паломник, и турист посещают один и тот же объект — действующие монастыри. Многие из них располагаются в выдающихся памятниках архитектуры. Это Соловецкий и Валаамский монастыри на Русском Севере, Ипатьевский (Кострома), Прилуцкий (около Вологды), Пафнутьев-Боровский, Шамординский, Оптина пустынь (Калужская область) Нилова пустынь (на Селигере в Тверской области) и другие. Во многих из них продолжают действовать музеи-заповедники. Сочетание музея-заповедника с действующим монастырём делает эти места привлекательными для самых разнообразных групп населения.

Очевидно, что в будущем появятся и другие формы актуализации культурного и природного наследия, позволяющие заметно усилить его роль в решении самых различных задач, связанных с развитием страны, отдельных её регионов на основе бережного и вместе с тем эффективного использования того богатства, которое подарили нам наши предки и земля, на которой мы живём.

В заключении мне хотелось бы процитировать некоторые положения Эдинбургской декларации, которую одобрили участники Международной конференции Национальных трастов в сентябре 2003 года. «Забота о со-

хранении как культурного, так и природного наследия является фундаментом устойчивого развития как на национальном, так и местном уровнях, так как оно стимулирует социально-экономическое развитие, повышает уровень заботы об окружающей среде и увеличивает возможности образования».

Литература

1. Андреева Е.Д. 2000. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры: альманах Института Наследия. Москва; Институт наследия, 216 с.
2. Архитектор и историческая городская среда. 1999. Российская академия архитектуры и строительных наук. Москва. 144 с.
3. Веденин Ю.А. 1997. Очерки по географии искусства. М.: Институт наследия, 224 с.
4. Веденин Ю.А. 1996. Проблемы сохранения культурного и природного наследия в зонах катастроф // Наследие и современность. Выпуск № 3. С.3-14.
5. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. 2001. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Сер. географическая. № 1. С. 7-14.
6. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. 1992. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. географическая. № 3. С. 90-99.
7. Вернадский В.И. 1989. Начало и вечность жизни. М., 172 с.
8. Всемирное наследие. 2005. Информационный сборник. Центр всемирного наследия ЮНЕСКО. Фонд «Охрана природного наследия», перевод. 2007.
9. Гласко М.П., Маркова А.К., Сычёва С.А. 2000. Ландшафты Куликова поля: результаты и перспективы исследования // Куликово поле: вопросы изучения наследия. Тульский полиграфист. Тула, С. 351-362.
10. Гоняный, М.И., Александровский А.А., Гласко М.П., 2007. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 208 с.
11. Европейская конвенция по ландшафтам (Серия Европейских договоров, №176) 2001. // Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. Екатеринбург. С. 150-160.

12. *Замятин Д.Н.* 2003. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. Санкт-Петербург; 331 с.
13. *Калуцков В.Н.* 1998. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии. Смоленск, С.
14. *Кулешова М.Е.* 2000. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. Москва. Институт наследия. С. 37-52.
15. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Том I. 2004. (Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов) — М.: Наука, 447 с.
16. Культурное наследие России и туризм. 2005. М.: Институт наследия, 172 с.
17. Культурный ландшафт как объект наследия. 2004. М.: Д. Буланин. М.: — СПб., 620 с.
18. *Лихачёв Д.С.* 2000. Русская культура: сборник. М.: Искусство, 440 с.
19. *Мазуров Ю.Л.* 2003. Факторы среды и состояние культурного наследия // Известия РАН. Сер. географическая. № 6. С. 58-65.
20. *Максаковский В.П.* 2002. Всемирное культурное наследие. Москва: «Логос». 416 с.
21. *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* 1928. Район и страна. Москва—Ленинград. 312 с.
22. *Шульгин П.М.* 1995. Уникальные территории в региональной политике // Наследие и современность. Вып. 1. М.: Институт Наследия. С.
23. *Шульгин П.М.* 2004. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития. // Мир России. 2 (XIII), с. 115-133.
24. *Шульгин П.М.* 1999. Современные подходы к формированию программ в сфере культуры и наследия // Наследие и современность. Вып. 7. М.: Институт Наследия, с. 3-14.
25. European Rural Heritage Observation Guide (16-17 September 2003 for the 13 Session of the CEMAT).

М.Е. КУЛЕШОВА,

канд. геогр. наук

ПАЛЕОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ФЕНОМЕН НАСЛЕДИЯ

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ НАСЛЕДИЯ

Человеческое общество структурирует окружающий мир и выделяет в нём наиболее значимые, ценные для него локусы, понятия о которых рождаются, живут, развиваются, преобразуются, умирают, возникают вновь, отражая непростую эволюцию человеческих ценностей. Многое изменяется и утрачивается из-за постоянного конфликта интересов различных социальных слоёв в рамках того же общества. В XX веке этот процесс получил научные обоснования, а в практике территориального управления привел к выявлению, учету и охране уникальных природных комплексов и объектов, а также выдающихся памятников истории и культуры. С середины XX века принимаются многочисленные международные соглашения, закрепляющие договорённости стран о сохранении разнообразных природных и культурных раритетов. В конце XX века была принята конвенция ЮНЕСКО о Всемирном природном и культурном наследии (World Heritage Convention, 1978), благодаря стремительному распространению идей которой были выработаны международные принципы и подходы к комплексному выявлению и сохранению как природного, так и культурного достояния, признаваемого различными народами Земли. Эти принципы и подходы зафиксированы в Руководящих указаниях ЮНЕСКО по применению конвенции о Всемирном наследии (Operational Guidelines on the Implementation of the World Heritage Convention), периодически дополняемых и уточняемых. Последняя их редакция вступила в силу в 2005 г.

В числе объектов культурного наследия, которым уделено особое внимание в Руководящих указаниях, значатся *культурные ландшафты*. Это

понятие было введено в данный документ и получило пространные разъяснения в 1992 г., после чего многие страны стали активно использовать его, и Список Всемирного наследия пополнился несколькими десятками объектов, представленных как культурные ландшафты. Понятие и представление о культурных ландшафтах в научной литературе возникли много раньше, но именно в рамках конвенции они стали рассматриваться как категория наследия. Надо признать, что это был весьма важный методологический шаг, определивший переход к целостному видению территориальных комплексов наследия, а не только отдельных фрагментов окружающего нас мира. Культурные ландшафты понимаются как результат совместного формирования территориального комплекса человеком и природой, в котором запечатлён как позитивный опыт их взаимодействия, так и конфликты в человеческой истории. Такой подход позволяет более адекватно использовать имеющиеся средства территориального управления при решении задач охраны наследия и его актуализации в современной жизни. В России, как и в других странах мира, комплексность охраны наследия обеспечивается созданием охраняемых территорий. Российская практика охраны наследия оперирует такими понятиями, как *особо охраняемые природные территории, историко-культурные музеи-заповедники, историко-культурные заповедники, достопримечательные места.*

Культурный ландшафт становится объектом наследия, когда представляет историко-культурную ценность. Можно сказать, что любой культурный ландшафт в большей или меньшей степени обладает такой ценностью и это качество ландшафта надо поддерживать и развивать. Однако к объекту наследия целостный ландшафт может быть отнесён только тогда, когда его историко-культурная ценность становится исключительной, особой. Она достигает этого уровня, когда начинает определять направление развития территории, её ведущие функции. Именно в таком случае создаются особо охраняемые природные территории, учреждаются музеи-заповедники, а поселения получают статус исторических, и для них разрабатываются историко-культурные (историко-архитектурные) опорные планы. Историческая функция, традиция и культурные коды будут определять «специализацию» такого ландшафта.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И ПАЛЕОКУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ

Культурные ландшафты, представленные в Списке Всемирного наследия, имеют наименования главным образом по географическому названию места, но в ряде случаев в наименовании содержится указание на типологическую разновидность ландшафта. Так, можно назвать «Сельскохозяйственный ландшафт Южного Эланда» (номинация Швеции 2000 г.), или «Индустриальный ландшафт Блэванона» (номинация Великобритании 2000 г.), или, наконец, «Археологический ландшафт первых кофейных плантаций Кубы» (номинация Кубы 2000 г.) и «Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы» (номинация Казахстана 2006 г.). Именно на археологические ландшафты как на тип культурных ландшафтов и хотелось бы обратить внимание. Список Всемирного наследия на 2007 г. включал 851 объект от 150 стран, из них 660 объектов относились к культурному наследию, 166 — к природному и 25 — к смешанному, а именно природно-культурному. Официально признанных культурных ландшафтов было 60, то есть их количество уже составляет чуть менее 10% в составе культурного наследия, хотя эта категория появилась и стала учитываться только с 1992 г. (напомним, что Конвенция о Всемирном природном и культурном наследии вступила в силу в 1972 г.). Если же взглянуть на краткие описания объектов Списка, которые систематически публикуются и вывешиваются на сайтах ЮНЕСКО (<http://whc.unesco.org/en/culturallandscape>), то мы увидим, что культурных ландшафтов там значительно больше, однако они по тем или иным причинам не были номинированы в этом качестве. Из 60 официально учтённых на 2007 г. культурных ландшафтов 10 (17%) представляют именно археологическое ландшафтное наследие. Это, главным образом, сакральные комплексы и селитебные территории, единично представлены фортификационные, индустриальные и сельскохозяйственные ландшафты. Кроме того среди оставшихся 50 номинаций есть культурные ландшафты, где археологическое наследие относится к числу ведущих, но не единственных ценностей, при том, что оно может быть представлено отдельными объектами, а не целостным территориальным комплексом.

Видовое понятие «археологический ландшафт» использовано только в двух из 10 ландшафтно-археологических номинаций, в других 8 случаях его

не используют⁴. Приведём краткие описания этих двух номинаций «археологических» ландшафтов: «Остатки кофейных плантаций XIX в. у подножия гор Сьерра-Маэстра — это уникальное свидетельство ранних форм сельского хозяйства, развивавшегося на сложной для освоения территории. Они помогают значительно лучше понять экономическую, социальную и технологическую историю Карибского региона и Латинской Америки» (Куба, 2000). «В ущелье Тамгалы, которое располагается посреди обширных засушливых Чу-Илийских гор, отмечено уникальное скопление около 5 тыс. петроглифов (наскальных рисунков), датируемых от второй половины II-го тысячелетия до н.э до начала XX в. Здесь обнаружено огромное количество древних захоронений, включая каменные ящики-цисты (средний и поздний бронзовый век), а также курганы, сложенные из земли и камней (начиная с раннего железного века до недавнего времени). Центральный комплекс выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и предположительно алтарей, что указывает на возможное церемониальное предназначение этого места для жертвоприношений» (Казахстан, 2004).

Основываясь на этих примерах, можно с уверенностью отнести к археологическим ландшафтам все те, где археологические ценности являются определяющими. Приведём ряд выдержек из кратких описаний (www.heritage.unesco.ru), иллюстрирующих признание мировым сообществом археологических территориальных комплексов культурными ландшафтами. Таковы, например, «Скальные жилища Бхимбетка», которые находятся у подножья гор Виндхья в южной части Центрального Индийского плато.

⁴ Культурные ландшафты Списка Всемирного наследия с выраженной археологической доминантой: Наскальное искусство культурного ландшафта Гобустана (Азербайджан, 2007), Острова Сент-Килда (Великобритания, 2005), Холмы Матобо (Зимбабве, 2003), Дорога ладана — города в пустыне Негев (Израиль, 2005), Скальные жилища Бхимбетка (Индия, 2003), Национальный парк Тингвеллир (Исландия, 2004), Чиленто и национальный парк Валло-ди-Диано с археологическими местами Пестума и Веллы и монастырём Чертоза-ди-Падула (Италия, 1998), Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы (Казахстан, 2004), Археологический ландшафт первых кофейных плантаций юго-востока Кубы (Куба, 2000), Культурный ландшафт Тямпасак с храмовым комплексом Ват-Фу (Лаос, 2001), Археологическое место культурного резервата Кярнаве (Литва, 2004), Сельскохозяйственный ландшафт Южного Эланда (Швеция, 2000), Культурный ландшафт Мапунгубве (ЮАР, 2003).

В массивных известняковых скалах, возвышающихся над довольно густым лесом, располагаются пять групп естественных скальных укрытий с росписями, представляющими период от мезолита до конца доисторического времени. Культурные традиции жителей 21 деревни, которые расположены вблизи этого объекта, имеют большое сходство с сюжетами, представленными на скальных изображениях». Другой пример — «Дорога ладана» в пустыне Негев, по которой шла торговля ладаном и миррой из южной Аравии в Средиземноморье в период с III в. до н.э. по II в. н.э. «Следы совершенных оросительных систем, руины городских сооружений, крепостей и караван-сараяв показывают, каким образом суровая пустыня осваивалась людьми, вознамерившимися заниматься здесь торговлей и развивать сельское хозяйство». Или — культурный резерват Кярнаве, «расположенный в долине реки Нярис, включает археологические остатки древнего города Кярнаве, фортов, нескольких неукрепленных поселений, а также захоронений и иных памятников, относящихся к периоду времени от позднего палеолита до средневековья. Здесь можно наблюдать следы древнего землепользования, а также остатки пяти древних укрепленных городищ, являющихся частью мощной оборонительной системы». Тот же ряд продолжает «Культурный ландшафт Мапунгубве».

«Это ландшафт открытых обширных саванн у слияния рек Лимпопо и Шаше. Мапунгубве превратилось в крупнейшее на юге континента королевство, существовавшее вплоть до XIV в. Сохранились почти в неизменности остатки дворцов и всей связанной с ними жилой зоны. Здесь можно также увидеть руины двух более ранних столиц. В целом это дает представление о социальном и политическом развитии данного района в течение более чем 400 лет». Подобных примеров в Списке Всемирного наследия множество, здесь предъявлены только некоторые из тех, что формально отнесены к культурным ландшафтам.

Предметные развёрнутые описания археологических ландшафтов в отечественных публикациях, которые можно адаптировать к задачам охраны наследия, единичны. Это работы Г.П. Гарбузова по Таманскому полуострову, Г.Б. Здановича по «Стране Аркаим» и Н.А. Кренке по Подмосквовью. Ни один из этих исследователей не использует видového понятия «археологический ландшафт», однако именно ему посвящены их работы. Есть

исследования, содержащие достаточно подробные ландшафтные характеристики и ландшафтный анализ мест размещения археологических памятников (Паромов, 1992, Гусев, 1997, Низовцев, 2004). Понятие «археологический ландшафт» встречается в некоторых отечественных публикациях как достаточно случайное словосочетание, не имеющее строго очерченных понятийных рамок и, тем более, описания характерных черт такого ландшафта (Погодин, 2000, Мартынов А.И., 1985, «Золотой человек»..., «Замороженные...»). В зарубежной научной литературе оно используется с несколько большей определённой и даже фигурирует в названиях коллективных монографий — например, в книге «Пространство, время и археологические ландшафты» (Spase..., 1992). Тем более парадоксально, что его определения в данной монографии также не содержится. Из контекста можно заключить, что под археологическим ландшафтом понимается территория древнего природопользования, в пространстве которой с определённой частотой и закономерностью встречаются археологические находки и памятники археологии. В центре внимания находится методологический конфликт двух концепций: “archaeological sites” (археологических участков) и “distributional approach” (анализа пространственного распространения археологических находок). Последняя концепция более адекватна ландшафтному подходу в археологии, в основе её лежит археологический анализ территории и систем древнего природопользования — то есть весь ландшафт рассматривается как объект археологического исследования, а не только как места локализации археологических находок (archaeological sites), совпадающие, как правило, с системой древнего расселения (settlement patterns). Распределение археологических находок ставится в зависимость от структуры ландшафта, что позволяет более полно уяснить социальную и экономическую организацию древних сообществ и взаимодействие социальных и экологических систем (Rossignol, 1992).

Археологическому исследованию подвергается целостный территориальный комплекс, а не фрагмент с локализацией находок. Так, например, рассматриваются пасторальные и земледельческие системы горной Греции, сформировавшиеся со времён неолита, куда входят и поселения, и объекты пастбищной инфраструктуры, и районы выпаса, которые исследуются во взаимосвязи с ландшафтными и экологическими условиями в их динамике

(Chang, 1992). Палеоландшафты долины Иллинойса исследуются как арена природопользования древних охотников-собирателей в среднем голоцене и устанавливается зависимость между морфологической структурой ландшафта, формы которого отчасти сохранились, а отчасти погребены, и закономерностями пространственной мобильности этих сообществ (Stafford, Hajic, 1992). В Южной Ирландии археологические ландшафты изучаются как совокупность взаимосвязанных природных и культурных компонентов, определяющих характер и разнообразие земной поверхности в прошлом, с целью изучения динамики перехода от сообществ присваивающих (древних собирателей и охотников мезолита и неолита) к сообществам производящим (земледельцы и скотоводы бронзового века) (Zvelebil, Green, Macklin, 1992). Следовательно, научную ценность представляют не только места локализации находок и выявляемые по ним системы древних поселений (так называемые памятники археологии — sites), но весь территориальный комплекс, являющийся ареной природопользования древних сообществ собирателей, охотников, земледельцев или скотоводов. В обсуждаемом здесь аспекте напрашивается вывод, что объектом наследия следует считать ландшафт, а не только узко локализованный участок массового выявления археологических объектов, что, к сожалению, превалирует в отечественной археологии. Концепции 15-летней давности, применявшиеся в США, Мексике, Греции, Ирландии, Индии, постепенно стали использоваться и российскими археологами. Учет ландшафтных особенностей и местоположения археологических памятников достаточно традиционен и не нов, но только теперь собственно ландшафт приобрел качество объекта археологического изучения и археологического наследия.

С точки зрения этимологии словосочетание «археологический ландшафт» многими археологами не признано удачным и не используется, хотя признаётся наличие культурных ландшафтов, имеющих особую археологическую ценность. Действительно, археология — научная дисциплина и сфера исследовательской деятельности. Тогда археологический ландшафт — это ландшафт, предназначенный для ведения археологических исследований и выделяемый по особенностям распределения и локализации археологических находок, где раскопки — основной исследовательский метод археологии. Можно ли назвать археологическим ландшафт, в котором не проводилось

археологических исследований, но характерной чертой которого являются следы жизнедеятельности древних цивилизаций? Очевидно, не один только археологический раскоп и выявленные в нём следы исчезнувшей культуры составляют ценность археологического наследия. Существуют памятники археологии, выявляемые визуально — курганы, дольмены, святилища, городища и др. Когда тот или иной памятник (совокупность памятников) археологии становится значимой, характерной чертой ландшафта и представляет собой исключительную культурную ценность — тогда есть основания отнести данный ландшафт к **археологическому культурному ландшафту** или, что более удачно в терминологическом аспекте, к **палеокультурному ландшафту** — **территориальному природно-культурному комплексу, характерными чертами, структурой, компонентом которого служат сооружения, конструкции и/или культурные слои древних исчезнувших культур.** Палеокультурный ландшафт — всегда реликт, сохранившийся благодаря обстоятельствам времени и местоположения. Сохранность его структур и целостность в отношении к современному ландшафту зависят от способов и интенсивности современного природопользования и степени унаследованности исторических функций. В условиях длительного селитебного использования палеокультурный ландшафт может оказаться погребённым в культурном слое, но и в этом случае он может представлять ценность и быть актуализирован. За прошедшее столетие в системе природопользования появилась новая функция — функция охраны природного и культурного наследия, что привело к созданию системы охраняемых территорий и повлияло на сохранность как исторических, так и палеокультурных ландшафтов, примеры выявления и сохранения которых мы рассмотрим.

ПРИМЕРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

ПАЛЕОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Таманская земля. По свидетельству археологов, каждая пядь земли обширного Таманского полуострова представляет археологическую ценность, объекты археологического наследия буквально образуют сплошной ковер, ведь территория эта интенсивно осваивалась многие тысячелетия. Удивительное чувство начинаешь испытывать, ступая ногами по осколкам кера-

мики тысячелетней давности, устилающей приморские улицы и окрестности станицы Тамани. Древняя история и культура постоянно напоминают здесь о себе современному человеку. В соответствии с законодательством каждый памятник археологии должен находиться под государственной охраной и имеет федеральное значение. Одновременно на Таманском полуострове наблюдается небывалый строительный бум: строятся порты, терминалы, дороги, инженерные сети, трубопроводы, отели, коттеджи, дворцы и пр. Понятно, что развиваются в первую очередь селитебные территории, а они во многих случаях приурочены к древним боспорским городам — уникальным для России археологическим комплексам. Понятно, что происходит катастрофическое уничтожение разнообразных археологических памятников. Законодательство оказывается бессильным перед стихией жизни. Остановить этот процесс невозможно, но можно думать о его упорядочении, регламентации и вычленении отдельных ландшафтных комплексов как наиболее репрезентативных или уникальных образцов многочисленных древних культур, освоивших и оставивших эту территорию. Археологическая ценность территории должна быть ранжирована, чтобы было ясно, какие участки не должны подвергаться освоению ни при каких обстоятельствах, где и в каких пределах можно допустить освоение, а какие уже вышли из-под контроля, и археологу остался только «подъёмный материал» из-под бульдозера. Надо признать, что на сегодня такого ранжирования для объектов археологического наследия не предусмотрено, хотя для района Таманского полуострова разработаны содержательные карты по размещению известных и поставленных на охрану памятников археологии.

По истории и археологии Таманского полуострова написано очень много работ, исследования продолжаются и выявляются новые свидетельства пребывания здесь древних культур. Существуют серьёзные исследования по топографии археологических объектов (Гарбузов, 2003, 2004, 2007; Паромов, 1992, 1997), содержащие важные ландшафтные характеристики. Очевидно, что без указания ландшафтного местоположения не может быть описан ни один памятник археологии. Однако очевидна и разница в предметах: положение памятника археологии в природном ландшафте и собственно ландшафт как объект археологического наследия. Возможно, кому-то это покажется казуистикой, но, говоря об охране ландшафтов в

связи с проблемами археологического наследия, обычно имеют в виду сохранение естественного вида местности, окружающей конкретный памятник. Если памятник утрачивается, то исчезает и предмет интереса. Но если саму местность рассматривать как палеокультурный ландшафт — объект наследия, тогда изменяются акценты, ведь отдельный памятник археологии становится лишь элементом такого ландшафта — пусть ключевым, но всё же элементом.

Приведём пример. На Таманском полуострове находится множество курганов, как, впрочем, и на всём степном юге России это не редкость. Курганы — специфичная черта данного культурного ландшафта, ритмически повторяющийся его элемент. Множество курганов вскрыты и разграблены либо подверглись археологическим раскопкам. С расстояния это видно по «срезанным» или двурхим вершинам и оставленной яме-раскопу в центре. С точки зрения археологической науки такие объекты себя отчасти исчерпали. С точки зрения человеческой морали — это осквернённые могилы далеких предков, которые цивилизованные потомки не считают нужным хотя бы закрыть. А вот с точки зрения исторического культурного ландшафта — это неотъемлемая его составляющая, наполняющая его историческим смыслом и ассоциациями с событиями далёкого прошлого. Убери их — и историю можно переписывать. При строительстве и земляных хозяйственных работах они уничтожаются массово. Те, что не были вскрыты — раскапываются, исследуются и планомерно уничтожаются хозяйствующими субъектами (например, при строительстве дорог, или при создании рисовых чеков). В сфере охраны культурного наследия даже введён соответствующий термин — «исследование на снос». Для части археологов это настоящий «клондайк»: можно удовлетворить свой исследовательский зуд за счет инвестора и что-то заработать.

Массовое распространение курганов создаёт иллюзию, что это объект типовой, обычный и ничего не случится с некоторым уменьшением их количества. Но если мы обратимся к ландшафту — то ландшафт-то оказывается уникальным именно потому, что курганы в нём — обычное явление. Некоторое уменьшение «обычного» приводит в данном случае к уничтожению уникального. Сколько печальных примеров можно привести из нашей современности! Например, саамские традиционные земляные жилища

были обычны ещё в 60-х годах. А сегодня их вообще не осталось. Саамы переселились в более комфортные деревянные дома. Не осталось ни одного поселка для наглядности потомкам! В музее народа саами в Варангере (Норвегия) приходится демонстрировать посетителям новоделы, поскольку аутентичных построек не сохранилось. Русские бани по черному — самое обыденное явление для русской северной деревни ещё до недавнего времени. Но сегодня приехавший из столицы архитектор, увидев такую баню, торопится запечатлеть её на свой фотоаппарат — обычное становится единичным, этнографической редкостью. В зауральских степях саманные жилища были обычны ещё в 80-х годах, но сегодня их уже нет, а единичные саманные постройки хозяйственного назначения рассыпаются в прах прямо на глазах. В донских степях на казачьих дворах уже редко можно увидеть камышовую крышу или плетень из краснотала. Также и курганы в южно-русских степях, и дольмены на Кавказе, и погребённые города Боспора в очень короткий срок могут повторить судьбу некогда многочисленных американского бизона или странствующего голубя.

Многие народы оставили на таманской земле следы своего пребывания, и сложившееся разнообразие археологических культур является несомненным достоянием этой территории, придаёт ей черты исключительности. Среди них Боспорское царство — осколок Древней Греции на юге России — привлекает исследователей изобилием и разнообразием предметов материальной культуры, любовью к роскоши и искусствам, запечатленным в камне, керамике, металле — многочисленных археологических находках. Два небольших раскопа древних греческих городов-колоний (Гермонасса в Тамани и Горгиппия в Анапе) включены в экспозиции филиалов Краснодарского музея-заповедника. «Но здесь же нет ландшафта» — говорят археологи. Однако позвольте не согласиться. Разве ландшафт только то, что открыто взору? Например, природный ландшафт всегда имеет литологическую основу, но её далеко не всегда можно наблюдать, мы видим только почвенный покров. Что же касается древних Горгиппии и Гермонассы — взору открыта только часть погребённого под современной застройкой палеокультурного городского ландшафта. Эти раскопы, законсервированные и оформленные соответствующим образом, имеют статус памятников. А вот на прилегающих к ним территориях размещаются кварталы того же древ-

него города со своими материальными памятниками, скрытыми под землёй. Здесь ведется самое интенсивное строительство, особенно в Анапе. Конечно, на месте котлованов сначала работают археологи, ценные артефакты извлекаются, всё фиксируется и... отправляется под бульдозер. Уничтожаются уникальные для России объекты — городские кварталы, городской ландшафт древнегреческой цивилизации. Понятно, что строительный бум и распродажу городских земель в Анапе остановить невозможно, учитывая сложившуюся ситуацию в России. Однако было бы дальновиднее, используя концентрацию финансовых потоков в Анапе, вложить деньги в создание и консервацию целой системы археологических раскопов древней Горгиипии, чтобы и жители, и посетители ощущали, где они находятся, чтобы эти раскопы стали не только туристским продуктом, но семантическими знаками города, свидетельствующими о его исторических корнях, чтобы древняя Горгиипия «проросла» сквозь современную Анапу, а не была закатана в бетон. Сколько ни выставляй битые черепки и могильные плиты в музеях — это не очень сильно впечатляет и совершенно не способно отразить своеобразие исторической среды города. Даже жители Анапы зачастую не знают, где у них находится единственный музей. А ведь уникальная историческая реликвия буквально под ногами. Один единственный раскоп не может вызвать в мироощущении целую ландшафтную среду, а вот серия таких раскопов — сможет. Городская среда должна быть наполнена связующими с историческим прошлым ассоциациями. Город бездумно лишается своей историко-культурной исключительности и ценности.

В Тамани ситуация несколько иная. Новое строительство не столь интенсивно, хотя создаёт проблемы и угрожает селитебному ландшафту некогда крупной казачьей станицы. Традиционная планировка и рядовая застройка станиц не представляют особой архитектурной ценности, но формируют совершенно особую градостроительную среду, со своим особым характером, цветом, настроением, композицией и ритмом, что является несомненной историко-культурной ценностью. Анапа в этом смысле совершенно утратила своё лицо — Тамань пока ещё сохранила. И здесь, в обрыве морского берега, где интенсивно протекают абразионные процессы, вскрываются культурные слои древней Гермонассы. На обрыве расположены несколько разноуровневых археологических раскопов, древний город

имеет многометровый культурный слой, и археологи, начиная сверху, постепенно углубляются. Естественные природные процессы ставят под угрозу существование в перспективе этого участка, поэтому столь масштабные раскопки здесь вполне оправданы. В результате формируется целый археологический ландшафт (ландшафт, предназначенный для раскопок и исследований), причём его регрессивное развитие и изменение происходит благодаря археологической деятельности и абразии — что само по себе весьма интересно (археология как фактор ландшафтообразования). Мы привыкли думать, что памятник археологии — это застывшее прошлое, но в данном случае можно наблюдать (в раскопах как экспозиции под открытым небом!) уникальное явление — процесс, где время отступает назад по мере снятия очередного участка культурного слоя и фиксации предшествующего облика городского палеоландшафта. В его регрессивной динамике может состоять одна из предметных ценностей, на что до последнего времени не обращали внимания. Отсюда интересное следствие — технологии раскопок и сам исследователь как субъект археологической деятельности в некоторых ситуациях могут рассматриваться как неотъемлемая часть археологического (в данном случае) ландшафта.

Природное своеобразие и исключительность Таманского полуострова — в его грязевых вулканах, образовавших одиночные сопки или целые гряды и определивших характерность таманского ландшафта. Выбрасываемая из жерла такого вулкана грязь образует с поверхности пласт голубой глины — ценного лекарственного сырья и популярного косметического средства. На склонах таких гор-вулканов в древности размещались святилища, здесь устраивались склепы, к таким местоположениям тяготеют курганные группы. Часть грязевых вулканов поддерживают свою активность, другие перестали действовать. Энергетика природных процессов определяла особенности сотворчества человека с окружающим миром, в процессе которого создавался культурный ландшафт. Формировались крупные культурно-ландшафтные комплексы, ключевыми составляющими которых были городское поселение (акрополь), взаимосвязанная с ним селитебная система, некрополь, святилища, земледельческие угодья и пастбища (хора), связующая сеть дорог. Такова и древняя Гермонасса — святилище этого города находилось рядом, на горе Лысой, где при раскопках был обнаружен

склеп с саркофагом, извлеченным и выставленным впоследствии в экспозиции Исторического музея в Москве. В результате палеокультурный ландшафт Гермонассы утратил свою семантически важную деталь.

Несколько восточнее Гермонассы располагалась Фанагория, теперь это место называется Фанагорийскими холмами. Место бывшего боспорского города теперь занимают пастбища с участками степной растительности на крутосклонах. Рядом расположен современный пос. Сенной. Город размещался на двух морских террасах, расчленяемых эрозионными врезами балок. К нему примыкал некрополь. Позади города, к югу от него, возвышается гора Майская (грязевой вулкан), где были обнаружены следы древнего храма, посвященного Афродите Урании. На эту гору ориентируется гряда более низких всхолмлений, вытянутая в широтном направлении на несколько километров. Здесь древнее население полуострова устраивало курганные захоронения и местность получила название Аллеи курганов. Многие древние поселенческие комплексы простираются вдоль причудливых изгибов береговой линии полуострова, но Фанагорийский поражает своими масштабами и формами, относительно него у археологов не возникает сомнений в его отнесении к древнему культурному ландшафту. Поскольку эта местность не используется под застройку и не занята прямоугольниками пашен и виноградников, то хорошо прослеживается природная целостность этого ландшафта несмотря на железнодорожную насыпь и автотрассу, отделяющие древний город от его святилища. Раскопки здесь ведутся давно, но без музеефикации раскопок. Они отчасти изменили морфоскульптуру ландшафта, но не настолько значимо, чтобы он утратил свою аутентичность и целостность. Так, на месте нескольких небольших курганов на южной окраине Фанагории теперь размещаются отвалы, полученные в результате раскопок курганов, но несведущие путешественники принимают их за курганы. Вероятно, пустынность этой местности, где пасутся только редкие стада и ничто постороннее не отвлекает глаз и мыслей, позволяет поддерживать ассоциативные связи с прошлыми тысячелетиями лучше любой музейной коллекции археологических экспонатов.

В связи с фанагорийским палеокультурным ландшафтом отметим выделяющиеся на общем фоне археологических работ оригинальные исследования Г.П. Гарбузова (2007). Этот исследователь целенаправленно изу-

чил «античный культурный ландшафт Таманского полуострова», другими словами — палеокультурный ландшафт. В его работах значительная роль отводится геоинформационным технологиям, но не этим они замечательны в рассматриваемом здесь аспекте. Объектом исследования является не памятник, и не совокупность таковых, а античный ландшафт как археологический объект, компоненты которого находятся в определённой взаимосвязи, определяющей территориальную целостность системы различного ранга поселений, связующих их древних дорог, древних межевых систем землеустройства, культовых объектов, инженерно-технических сооружений и пр. Исследователь детально рассматривает структуру древнего ландшафта, его ключевые элементы, зависимость межевых систем от характера почв и рельефа и т.д. Такой выбор объекта — принципиальная позиция. Исследователь называет античный культурный ландшафт Тамани — «единственным в своём роде в Российской Федерации по масштабу, целостности и насыщенности археологическими памятниками».

В государственных органах охраны культурного наследия Краснодарского края обсуждается вопрос о создании на Таманском полуострове историко-культурного заповедника либо национального парка. Действительно, для сохранения целостных территориальных комплексов (культурных ландшафтов) это наиболее эффективный путь управления такого рода наследием. Но ни национальный парк, ни музей-заповедник, ни историко-культурный заповедник, ни какая иная организационно-правовая форма охраны наследия не будет действовать без четкого представления о предмете охраны культурно-ландшафтного комплекса, а также составе функций, регламентах использования и основных формах развития каждого земельного участка в границах охраняемой территории. Подтверждение тому — филиал Краснодарского музея-заповедника в Тамани и археологический музей-заповедник в Анапе. Эти, должно быть, прекрасные музейные коллекции и интереснейшие раскопы не могут репрезентативно представить древний ландшафт и не нацелены на эту презентацию, обладая лишь узко локализованными фрагментами древней системы расселения.

Как должны жить и развиваться палеокультурные ландшафты? До какого предела необходима и достаточна их консервация либо реставрация? Национальные парки и музеи-заповедники предполагают развитие соот-

ветствующей инфраструктуры для приёма посетителей и эта инфраструктура должна быть включена в ландшафт таким образом, чтобы не исказить его исторически сложившийся облик. Непродуманная историческая реконструкция может исказить образ ландшафта так же, как и современная застройка. И не каждый ценный элемент такого ландшафта должен быть полностью исследован раскопками, что-то надо «оставлять» и ландшафту.

«Страна Аркаим». Наиболее ярким примером ландшафтного подхода к осмыслению археологического наследия является природно-культурный территориальный комплекс «Аркаим», представляющий собой кластерную систему лесостепных пространств Зауральского пенеplена с локализацией древних поселений, сопутствующих сакральных центров, погребальных комплексов, инженерных конструкций, сырьевой базы, пастбищных угодий. Укреплённое поселение эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) было обнаружено в 1987 г. на юге Челябинской области, у пос. Александровка, при строительстве водохранилища в долине р. Большой Караганки. находка оказалась эпохальной в археологической науке, а полноценное обследование памятника дало ключ к обнаружению целой системы аналогичных поселений в степях Зауральского пенеplена на достаточно локализованном пространстве Урало-Тобольского водораздела (200 x 300 км). К настоящему времени методами ландшафтного дешифрирования аэрофотоснимков и археологическими раскопками обнаружено около 20 укрепленных поселений, расстояние между которыми находится в пределах одного дневного конного перехода, составляя в среднем 25 км. Конструктивные особенности поселений, уровень их организации и неординарность сопутствующей инфраструктуры позволили исследователям предположить существование здесь в прошлом особой протгородской цивилизации (Зданович, 2004). Аналогия с городскими системами возникает потому, что планировочное устройство и инфраструктура поселений имели очень высокий уровень организации, создавались по единому плану и имели централизованные инженерные сети, а это характерно для городов. В то же время их скромные параметры (в пределах первых сотен метров) не позволяют считать их однозначно городскими, тем более что в этот период города только начинают возникать. Ландшафтный принцип изучения уникального археологического наследия был изначально положен в основу исследовательских разработок, поскольку учитывались природные

особенности размещения исследуемых объектов и их функциональные и семантические взаимосвязи (Зданович, Батанина, 2007, Аркаим..., 2004). Публикация Г.Б. Здановича «Ландшафтная археология» (2004) стала, по нашему мнению, значимой вехой в развитии методологии археологических исследований в данном регионе. Автор не использовал понятия «археологический ландшафт» или «палеокультурный ландшафт», но по содержанию своему эта работа является моделью описания именно палеокультурных ландшафтов. В ней представлен целостный территориальный комплекс, сформировавшийся вокруг одного из поселений, получившего наименование Аркаим, ландшафтообразующими компонентами которого являются укрепленное центральное четко структурированное поселение и неукрепленные периферийные поселения, а также могильники, сакральные зоны, ирригационные системы, древние рудники и места обработки руды, земледельческие, пастбищные и промысловые угодья, формы рельефа и типы биогеоценотического покрова. Компоненты палеокультурного ландшафта находятся в определенной взаимосвязи и взаимообусловленности, образуя системное целое. Проведенное нами в 2005 г. рекогносцировочное обследование выявленных археологических комплексов подтверждает, что данный феномен следует отнести к палеокультурному ландшафту, причем устойчивое закономерное повторение основных ландшафтообразующих элементов позволяет обозначить тип данного ландшафта по наименованию археологической культуры — синташтинский (аркаимский) палеокультурный ландшафт. Его обязательные структурные элементы в перспективе, при организации охраны, могут быть зафиксированы как предмет охраны. Они включают:

- места укрепленных поселений с археологическими находками и конструктивными фрагментами поселений;
- места «пригородных» неукрепленных поселений с археологическими находками;
- остатки и следы гидротехнических сооружений в виде обваловок, каналов, плотин, прудов, спрямленных русел и пр.;
- места горнорудных азурит-малахитовых проявлений меди и иных минералов со следами древних разработок;
- сакральные комплексы — святилища на вершинах холмов, могильники, курганы и курганные группы, менгиры и их группы;

- прилегающие фрагменты лесов и лесные колки — свидетельства характерного для периода бронзового века природно-зонального распространения лесостепи, содержащей необходимые для выплавки металла ресурсы древесины и служащей основной ареной жизнедеятельности древних цивилизаций;
- меандрирующие речные долины, образующие удобные для размещения древних поселений и хорошо защищённые полуостровные участки террасовых поверхностей;
- чашевидные обширные придолинные котловины в местах пересечения современных речных долин с палеодолинами, обрамлённые по периферии невысокими холмами, занятые луговыми, степными и полевыми угодьями, служившими основой древнего скотоводства и определившие облик ландшафта на многие века;
- сохранившиеся фрагменты разнотравно-ковыльных и типчаково-ковыльных степей.

Природно-культурные комплексы эпохи бронзы служат ключевым, но не единственным достоинством территории Аркаимского археологического кластерного комплекса. Наряду с основными, ритмически повторяющимися в разнообразных формах элементами культурных ландшафтов, каждый кластер выделяется своими индивидуальными чертами и структурными элементами, ценными в культурно-историческом, экологическом или научном отношении. Здесь обнаружено множество археологических памятников, принадлежащих иным археологическим культурам, а также памятники этнографии и истории освоения этих мест. Лесостепь всегда служила порубежьем — как в природном, так и историко-культурном аспектах. Через неё проходили миграции племён и народов и каждый оставлял свой след и вносил новые черты в облик ландшафта. Это стоянки древнего человека каменного века, следы древних поселений железного века и средневековья, курганные и иные захоронения, ритуальные выкладки камней и пр. К числу таких объектов относятся и яркие образцы культуры разных этнических групп, в частности тюркской и славянской. Эта культура проявляется в планировке и застройке поселений, используемых строительных материалах, архитектурном облике и художественном декоре построек, образе жизни, хозяйстве, обычаях и традициях, фольклоре и топонимике. Примером тому

могут служить сохранившиеся казачьи станицы, население которых приносило новые культурные навыки и способствовало культурному обмену между различными этническими группами, сохраняя свою особость как сословия, стоявшего на защите государственных рубежей. В XIX веке в эти места пришла «золотая лихорадка» и оставила свои следы в ландшафте в виде горных выработок. Историю развития ландшафта дополняют следы недавнего прошлого — гидротехнические конструкции несостоявшихся проектов, законсервированные карьеры горных выработок, системы защитных лесных полос. Культурный ландшафт продолжает своё эволюционное развитие — в этом принципиальное отличие данного типа наследия от объектов археологического наследия, которое служит существенным, но не единственно значимым элементом ландшафта. Тем не менее свои уникальные культурные особенности, послужившие основанием для выделения целостной кластерной системы, данный культурный ландшафт приобрёл во II тыс. до н. э.

Наряду с культурной характерностью, своеобразие отдельных кластеров определяется природными особенностями — наличием палеовулканов и палеодолин, реликтовых сосновых боров, ковыльных степей (которые можно рассматривать как антропогенный реликт), местообитаний редких видов биоты. Разрушение древней горной страны привело к образованию мощной коры выветривания — так называемому уральскому пенеplenу со своеобразным холмистым рельефом, широкими ландшафтными перспективами и исключительным минералогическим богатством и разнообразием ресурсов недр, практически оказавшихся на поверхности. Доступность и лёгкость обработки содержащих медь минералов предопределили развитие уникальной поселенческой протогородской цивилизации. Зонально территория расположена в пограничье евразийской степи и лесостепи, то есть в условиях естественного экотона, что предопределяет её высокое эдафическое, ценотическое и биотическое богатство и разнообразие. Лесные (преимущественно берёзовые и осиновые с лиственницей, а также реликтовые сосновые, включая такой характерный ценотип, как берёзовые колки), степные (преимущественно разнотравно-ковыльные и типчаково-ковыльные) и лесостепные (с зарослями дикой вишни, миндаля и чилиги) сообщества сохранились на ограниченных площадях и их ценность в значительной мере определяется

тем, что они свидетельствуют об исторической природной среде, окружавшей человека с глубокой древности. Среди всех кластеров по своей природной ценности особо выделяется Аркаимская долина — в 90-х годах здесь был создан филиал Ильменского государственного заповедника.

Кроме того, особым достоинством ландшафта становится его научно-исследовательский профиль и функция — этот культурный ландшафт можно назвать не только палеокультурным, но именно археологическим. Наряду с обширными исследованиями аутентичных памятников силами специализированного природно-ландшафтного и археологического центра «Аркаим», здесь формируется обширная зона археологических реконструкций, включающая курганный комплекс, могильники, поселение каменного века, казачий хутор. Часть из них воспроизведены на новом месте на основе аутентичного материала, то есть перемещённых памятников, которые оказались в местах их обнаружения под угрозой уничтожения. Другая часть — это модели, созданные на основе проведённых исследований. Тем не менее все они начинают влиять на развитие ландшафта и в перспективе могут определить его функции и назначение. Встаёт вопрос и о реставрации биоценотического покрова ландшафта, уничтоженного при распашке целинных степей, а при установлении заповедного режима формирующего различные ряды сукцессий. В отношении перемещённых памятников отметим, что как бы точно ни были они воспроизведены на новом месте — это всего лишь внешние формы некоторой исчезнувшей культурной практики. Они полностью утрачивают свою изначальную семантику и функцию и приобретают иную ценность — научную и музейно-экспозиционную, как экспонаты типичного музея-скансена. Таким образом, культурный ландшафт Аркаимской кластерной системы представляет ценность наследия как палеокультурный ландшафт и как археологический ландшафт, поскольку археология становится ландшафтообразующим фактором и способом освоения информационного потенциала палеокультурного ландшафта.

Уникальная система расселения эпохи бронзы с уникальной сохранностью основных культурно-ландшафтных составляющих по существу является своеобразным археологическим эндемиком южноуральских степей и место её локализации можно рассматривать как своеобразную культурно-ландшафтную провинцию. Это огромный информационный ресурс, кото-

рый может и должен повлиять на перспективы развития данного региона, придать ему особую специализацию. Если место поселения было выбрано удачно в ресурсном, планировочном, стратегическом, экологическом планах, то оно будет исторически преемственно, его будут осваивать различные культурные общности, сообщая ландшафту новые культурные особенности. Между системой расселения бронзового века и современной, сформированной на основе созданных в XVII—XIX вв. казачьих линейных станиц, существует несомненная взаимосвязь, что представляет дополнительный интерес, тем более, что многие из этих поселений сохранили свои традиционные этнокультурные черты. Историческая целостность выявленных ландшафтных комплексов определяется полнотой представленности в них всей системы жизнеобеспечения древнего человека и преемственностью форм этого жизнеобеспечения в современных поселениях. Экологическая целостность определяется соответствием границам определённых природных рубежей и локальных бассейнов природных эрозионных систем. Системная целостность определяется наличием значимых исторических, экологических, планировочных, административных, географических и функциональных взаимосвязей элементов системы и позволяет признать целесообразность создания единого кластерного историко-культурного заповедника в организационно-правовой форме музея-заповедника либо национального парка. Хозяйственные и социальные отрасли региона могут получить новый импульс развития, способствуя выполнению задач такой структуры. Её общая площадь по приблизительным подсчётам может составить 35 тыс. га (что соизмеримо с размерами небольшого национального парка или заповедника) и охватить 6 административных районов юга Челябинской области. Среди существующих кластерных охраняемых территорий историко-культурного профиля подобной по масштабу в России нет, её создание может стать большим событием в практике территориальной охраны наследия.

Многоплановость исторической и экологической тематики, связанной с рассматриваемой территорией, а также развитие организационно-правовых форм управления наследием при наличии филиала государственного Ильменского заповедника и перспективы создания музея-заповедника «Страна Аркаим» открывает возможность создания биосферного резервата, в

ряду основных целей которого стоит, как известно, гармоничное развитие человека и природы. Музей-заповедник может стать базой для разработки ряда международных инициатив по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», в частности, по изучению путей сбалансированного социально-экономического, социально-экологического и социокультурного развития современных поселений с учетом предшествующего исторического опыта. Современная сеть особо охраняемых природных территорий южного сектора области (включая филиал заповедника «Ильменский», природные заказники и памятники природы) должна быть дополнена сетью находящихся под государственной охраной ценных историко-культурных территорий и представить в совокупности репрезентативную систему феноменов наследия, или природно-культурный каркас региона. Палеокультурный ландшафт, существование которого до недавнего времени было сомнительным и представляло фрагментарный интерес только для узкой группы специалистов, может получить новую жизнь и быть востребован как объект наследия мирового уровня. Тогда его научные, просветительские, охранные, туристские функции станут источником полноценного развития региона.

Палеокультурные дьяковские и древнерусские ландшафты Москвы и её окрестностей. Методически важным и интересным по результату примером исследования палеокультурных ландшафтов следует назвать коллективную работу московских археологов и географов, посвященную культуре древней Москвы и её окрестностей, где определённое внимание уделяется историческим ландшафтам (Культура средневековой Москвы..., 2004). Авторы не используют терминов «археологический ландшафт» или «палеокультурный ландшафт» и очень ограниченно используют понятие «культурный ландшафт». Исторический ландшафт рассматривается как арена древнего природопользования и землепользования, изучение которого базируется на археологических, палеоландшафтных, палинологических, палеоботанических и палеопочвенных методах исследования. Авторы придерживаются классической ландшафтной парадигмы, соответственно исторический ландшафт понимается как природный территориальный комплекс, изменённый в результате разнообразной деятельности человека в прошлом. Такое понимание ландшафта методологически отличается от понятия куль-

турного ландшафта, обозначенного в начале этой публикации (Культурный ландшафт..., 2004). Тем не менее некоторые археологические интерпретации выявленных ландшафтно-географических особенностей позволяют утверждать, что авторы вольно или невольно на частных примерах подошли к идентификации именно палеокультурного ландшафта. Это особенно хорошо прослеживается в исследованиях Н.А. Кренке (2004), посвященных дьяковской (VIII в. до н.э. — VII в.н.э.) и древнерусской (X—XIII вв.) культурам. Автор рисует картину древнего природопользования и землепользования таким образом, что структура предложенных им описаний вкладывается в понятийные рамки именно палеокультурного ландшафта. В этом ландшафте есть система древних поселений — городищ (в окружении рвов и валов) и селищ, древние пашни, могильники, луговые и пастбищные угодья, места рыболовства и пути сообщения. Их планировка и пространственное размещение подчиняются определённым ландшафтными закономерностям, они образуют системы взаимодействующих компонентов и зоны влияния, формируя ткань культурного ландшафта. Стратегия расселения и природопользования определённым образом различаются у дьяковцев и древних славян, что определяет и культурно-ландшафтные различия. Если расселение и природопользование дьяковцев сосредотачиваются в непосредственной близости крупных рек, то в древнерусское время происходит более обширное освоение долин с выходом на водоразделы, освоение верховий речных долин и малых водотоков, что связано с особенностями хозяйственного уклада, соотношением пашенного земледелия и других видов пользований, экологической ёмкостью ландшафта. Городища и селища дьяковского времени сосредоточены на возвышенных местоположениях приречной зоны (речные террасы, бровки коренных склонов, приустьевые склоны оврагов и ручьёв — мысы). Селища функционально взаимосвязаны с городищем, зона влияния которого составляет около 1 км. В ближайшей округе поселений сводится лес и угодья осваиваются под скотоводство и пашенное земледелие. Один из разделов исследования Н.А. Кренке озаглавлен «Ландшафт долины Москвы-реки 2000 лет назад, глядя с Дьякова городища» — содержательно этот художественный образ близок стандарту описания палеокультурного ландшафта.

В палеоландшафтах древнерусского времени появляется характерный, типологически повторяющийся элемент — курганные могильники. Поселения тяготеют к долине Москвы-реки и «нанизаны» на её правые мелкие притоки. От долины к водоразделу типологически повторяется ряд: поселения — пашня — курганное поле. Под курганами нередко обнаруживается погребённый пахотный слой, свидетельствующий о древней динамике палеоландшафта и фиксирующий границу земледельческого воздействия. Земледелие как тип хозяйственного освоения получает приоритет и происходит значительное расширение открытых пространств. Ширина интенсивного освоения долин составляет 500—600 м, поселения расположены у бровки берегового склона, каждому поселению соответствует курганный могильник, который может размещаться на расстоянии до 1 км от реки.

В исследованиях В.А. Низовцева (2004) представлены карты условно-восстановленных (коренных) природных ландшафтов на уровне ландшафтных местностей и урочищ на территорию современной Москвы, её исторического центра и окраин. Дается их интерпретация по типам использования — карты реконструкции природопользования, на основе археологических и палеоландшафтных исследований. Они имеют главным образом унаследованные, но также и свои вновь образованные границы. Автор придерживается концепции природно-хозяйственных систем, где исторический ландшафт представляет собой природный ландшафт, изменённый хозяйственной деятельностью. Мы полагаем, что объединение ведущих признаков дифференциации территории при составлении карт реконструкции природопользования, природно-ландшафтных карт и археологических карт и предъявило бы тот палеокультурный ландшафт, методологический контекст которого здесь обсуждается.

Вопрос выявления и предъявления палеокультурных ландшафтов дьяковского и древнерусского времени далеко не празден — это условие их сохранения для будущих поколений, учитывая всё возрастающую угрозу их уничтожения в последние пятнадцать лет. Подобная угроза уже многие годы существует и не исчерпала себя на ценнейшем археологическом комплексе железного века, расположенном по правому берегу Москвы-реки, близ деревни Дунино, недалеко от Звенигорода.

Дунино и окрестности занимают ландшафты долины среднего течения Москвы-реки и прилегающих водораздельных водно-ледниковых равнин

с останцами размытой морены, образовавшими единичные холмы. Долинные ландшафты включают высокие террасы — долинные зандры, две низких террасы, широкую пойму (до 1 км) Террасовые поверхности имеют высокое эрозионное расчленение, здесь многочисленны овраги, балки, ручьи, лощины и ложбины. С особенностями геологического строения связаны оплывно-оползневые процессы и разгрузка грунтовых вод, отмеченная родниками и мочажинами в нижней части склонов. Относительная стабильность оползневых структур поддерживается благодаря существующему растительному покрову, в котором ведущая роль принадлежит хвойным лесам с участием широколиственных пород — липы, вяза, дуба. В более древние времена, синхронные основным археологическим памятникам, широколиственные леса играли более значимую роль в сложении основных растительных формаций. Согласно описанию В.А. Низовцева, проводившего здесь ландшафтные исследования и составившего карты условно восстановленных ландшафтов и природопользования, природное своеобразие местности определяет «чашеобразная долина высокого правого берега Москвы-реки, включающая оползневые останцы, чередующиеся с балками. Именно с этой долиной, укрытой от внешних воздействий крутыми склонами, связана большая часть археологических памятников раннего железного века, включая и Дунинское городище» (2001).

Общее субширотное простираие долины реки осложняется в данном районе сильным меандрированием русла, река буквально рассекает долину короткими перпендикулярными общему направлению русла сегментами, прижимаясь попеременно к высоким долинным зандрам северного и южного берега, что придаёт особое очарование открывающимся на неё видам. Именно в местах изменения направления русла реки, на высоких, защищенных крутосклонами и глубокими эрозионными врезами берегах с хорошим ракурсом обзора на приречные дали нашли себе место группы древних поселений, где центральными были городища. Дунинский ландшафтно-археологический ансамбль занимает одно из таких мест. Его древнее угрофинское население занималось охотой, рыболовством, собирательством, скотоводством, начинало заниматься земледелием. Поселенческий комплекс располагался на склоне северной экспозиции. Оползневые структуры образовали многоступенчатый профиль склона, что при его общей крутизне

позволяло селиться и обрабатывать землю на относительно выположенных и дренируемых участках и достигать высокой плотности заселения.

Исследования экспедиции Института Археологии РАН, проведённые под руководством д.и.н. С.З.Чернова (2007) на прилегающей к Дунинскому городищу и взаимосвязанным с ним селищам территории, убедительно доказали, что данная территория являлась ареной интенсивного природопользования людей железного века и должна рассматриваться как комплекс памятников (или единый комплексный памятник) археологии и ландшафтной археологии. Следы древнего природопользования фиксируются отдельными археологическими находками, наличием культурного слоя, наличием погребённых почв со следами их земледельческой обработки, палинологическими свидетельствами.

Выявленный ландшафтно-археологический ансамбль (комплекс) дьяковского времени является уникальным по полноте представленности и сохранности. Научная ценность археологических находок делает его ландшафтным раритетом. Здесь зафиксированы два городища и пять селищ, формирующие культурные ядра ландшафта. Ценность центрального памятника культурного ландшафта — Дунинского городища, а также Четвертого Дунинского селища (возможно городища) заключается в сохранности фортификационных сооружений железного века — рвов и валов. Ни один из известных аналогов не имеет такого количества и плотности поселений при археологически подтверждённой системе объединяющего их древнего природопользования. Кроме поселений людей железного века и их хозяйственных угодий на территории зафиксированы три селища средневекового периода. В результате работ 1996—1997, 2005 гг. было установлено, что Дунинский археологический комплекс по числу памятников археологии и по площади плотно заселённой территории не только выделяется среди других археологических комплексов раннего железного века Подмосковья, но превышает по ряду показателей такой крупнейший археологический комплекс, как Дьяковский, давший название дьяковской культуре (Кренке, 2005).

Планировочная структура места древнего расселения включает:

- площадки центральных укрепённых поселений, включая многоярусные конструкции,
- рукотворные и естественные формы рельефа, образующие систему защиты поселений,

- площадки «дочерних» неукреплённых поселений,
- коммуникационные коридоры — связующая система троп и дорог в составе палеокультурного ландшафта,
- прилегающие земельные участки на выпуклых и пологих склоновых поверхностях зандров и оползневых террас,
- прилегающие луговые участки выложенных балок и приречных пространств,
- прилегающие лесохозяйственные участки крутосклонов и оползневых склонов,
- прилегающие рыбопромысловые и охотничьи участки реки и её поймы.

Более позднее славянское население уже не использовало данный участок долины — появились другие приоритеты и другие требования к выбору мест для поселений. Поселения стали размещаться на более выложенных и инсолируемых местах, в окружении освобождённых от леса полей, тем не менее, требования к защитным свойствам местоположения сохранялись — нужны были крутые берега, обозреваемость реки с береговых уступов, ограждающие поселения балки и овраги. Так возникли Дунинские селища древнерусского периода XII—XIII вв., Поречьевская и Мозжинская группы поселений. Древнерусские памятники представлены селищами в комплексе с курганными могильниками. *Из них Поречьевский археологический комплекс является уникальным памятником славянской древности не только Звенигородья, но и всего Московского края. Это единственный памятник, где может быть прослежена непрерывная линия развития от роменской эпохи (X—XI вв.) до классического «курганного периода» (XII — первая треть XIII вв.) и где культурный слой X—XI вв. перекрыт курганными насыпями XII в.* В составе комплекса первая Поречьевская курганная группа известна отечественной науке с 1838 г. (Чернов, 2007). К сожалению, нерегулируемая коттеджная застройка, приватизация земель и несоблюдение законодательства об охране культурного наследия привели к фактическому уничтожению ряда памятников и полностью — палеокультурных ландшафтов древнерусского времени.

Благодаря особенностям геосистемного строения и планировочного развития культурный ландшафт, возникший в железном веке, эволюцио-

нировал в лесные угодья крутосклонов речной долины в составе сельского крестьянского ландшафта, оформившегося в средние века, а затем, в новое время, в составе усадебно-крестьянского и дачного. Тем не менее ландшафт всегда хранил свидетельства древних археологических культур.

Наибольшую известность эти места получили благодаря творчеству М.М. Пришвина, приобретшего усадьбу в Дунино и проведшего здесь последние счастливые годы своей творческой жизни вместе со своей супругой, В.Д. Пришвиной, создавшей в усадьбе после смерти мужа мемориальный музей.

До середины XX века развитие ландшафта определяется рамками исторической преемственности, его ритмика и пропорции сохраняются, его топологическая организация эволюционирует в рамках допустимых структурных дополнений, отдельные нарушения носят локальный характер. Значимым фактором нарушения исторического культурного ландшафта стала неуправляемая, стихийная застройка долины Москвы-реки коттеджами и псевдодворцами новых обладателей капиталов. В результате старая застройка Дунино с пришвинской усадьбой и прилегающим археологическим комплексом дьяковской культуры оказались в плотном архитектурно агрессивном окружении с перекрывшими пространство глухими бетонными и кирпичными ограждениями, приватизированными дорогами, охранниками и отсутствием сквозных пешеходных проходов к соседним деревням, полям и лесам. Абсолютно нерегулируемая коттеджная застройка с диссонирующими архитектурными и планировочными решениями принципиально изменили природные свойства местности. Сплошная застройка рассекла лесной массив вдоль верхней дунинской дороги и «прорвалась» к реке. Дунино с окрестностями превратилось в изолят, в культурный реликт, площадь которого достигла критически низкого уровня. Дальнейшие её сокращения приведут к фактическому уничтожению этого уникального культурного феномена. *Поречьевский археологический комплекс древнеславянской культуры уже уничтожен как системное целое.*

К сожалению, система градостроительного регулирования находится в настоящее время в таком состоянии, что происходит интенсивная застройка рекреационно привлекательных земель Подмоскovie вне всякого регулирования. Окрестности Дунино очевидно привлекательны для финансовых

вложений и законы рынка привели к столкновению интересов частных (застройка коттеджами) и общественных (сохранение наследия). Ландшафты Подмосковья и, в частности, Звенигородья, ускоренно трансформируются в обыденную и широко распространившуюся коттеджно-фортификационную модель, утрачивая очарование дачной сельской местности.

Исключительная ценность археологических находок, относящихся к палеокультурному ландшафту, и особое мемориальное значение данной местности определяют необходимость разработки особой политики развития данной территории, когда основные историко-культурные ценности должны быть сохранены и должны стать определяющими в стратегии её развития.

Отдельные памятники археологии Дунинского палеоландшафта стоят на государственной охране начиная с 90-х годов. В 2006 г. подготовлена и передана в госорганы охраны памятников РФ учетная документация (паспорта) для постановки на государственную охрану целостного ландшафтно-археологического ансамбля «Дунинская долина дьяковцев», куда вошли все существующие и вновь выявленные памятники археологии дьяковского времени, а также сопредельные хозяйственные угодья со следами сопутствующей поселением хозяйственной деятельности. В том же 2006 г. Институтом Наследия разработана Концепция формирования ландшафтно-археологического и историко-мемориального заповедника «Дунино». Однако данные документы не остановили активность финансовых дельцов по подготовке этой территории к коттеджной застройке.

Важным аспектом проблемы охраны памятников археологии является профессиональная ограниченность трактовки этого понятия, из которого как правило изымается ландшафтная среда, которая по существу является неотъемлемой составляющей археологического феномена наследия, что подтверждается в результате собственно археологических и географических методов исследования. Предъявление Дунинского ландшафтно-археологического комплекса в качестве памятника ландшафтной археологии — пионерная акция, прецедент, который в перспективе должен стать нормой охраны археологического наследия России, уже принятой во многих странах мира.

Палеокультурные ландшафты Куликова поля и Соловецкого архипелага. Можно продолжить ряд примеров, демонстрирующих ландшафтный

подход к исследованию археологического наследия, однако основная мысль уже изложена: палеокультурные (археологические) ландшафты существуют и представляют самостоятельную ценность наследия, эти ландшафты должны быть сохраняемы теми методами, которые адекватны задачам сохранения ландшафтных феноменов наследия. В этой связи упомянем вкратце ещё два объекта ландшафтной археологии — *Куликово поле* и *Соловки*. Оба являются музеями-заповедниками и отнесены к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации. Кроме того, Соловецкий историко-культурный комплекс — объект Всемирного наследия. *Куликово поле* замечательно тем, что при сугубо археологической специализации созданного там музея-заповедника, крупных археологических памятников в общепринятом смысле слова там нет. Основной объект археологического исследования и сохранения — ландшафт, несущий в себе следы важнейшего исторического события — Куликовской битвы в междуречье Дона и Непрядвы. Эти следы, помимо традиционных и немногочисленных ввиду давности события⁵ археологических находок, представлены также природными объектами, топонимикой, историческими преданиями и святыми местами, священными символами — храмами и монументами. Всё это составляет ассоциативное содержание палеокультурного ландшафта. Природные компоненты такого ландшафта могут служить важнейшими историческими метками, свидетельствующими о его аутентичности. Это особенно хорошо видно на примере Куликова поля, где природные объекты и пейзажи составляют историческую предметную ценность, являются историческими свидетельствами (Гоняный, Александровский, Гласко, 2007). Однако за многие столетия изменился облик ландшафта — были сведены или сокращены площади дубрав, распаханы ковыльные степи, утрачены природные черты, зафиксированные в преданиях и летописях (Бурова, 2007). Соответственно потребовалась реставрация основного объекта — ландшафта, программа чего и была разработана научным коллективом музея-заповедника в сотрудничестве с Институтом Наследия (Музей-заповедник «Куликово поле»..., 2000). Основными объектами направленного воздействия стали растительные сообщества, поскольку именно они формируют характерную

⁵ Битва войск Дмитрия Донского с Мамаевой ордой произошла в 1380 году.

мозаику и облик данного места. На основании палеоботанических и археологических исследований выявлена ландшафтная структура территории на период сражения и начаты работы по восстановлению ковыльных степей и дубрав. Это уникальный для России эксперимент демонстрирует возможности управления палеокультурными ландшафтами как феноменами наследия. И не важно, что исследователи данного территориального феномена не используют в своих печатных трудах обсуждаемого здесь термина, по смыслу и содержанию объектом исследования у них выступает именно палеокультурный ландшафт.

Историко-культурный комплекс *Соловецкого архипелага* приобрел всемирную известность благодаря великолепию памятников монастырской культуры, освоившей к началу XX века весь архипелаг и поражающих своей монументальностью и адаптивностью к условиям суровой и прекрасной северной природы. Меньшую известность получили памятники археологии, во множестве и разнообразии представленные в приморской части архипелага и образующие целостные территориальные комплексы — палеокультурные ландшафты. Археологическая изученность этих памятников достаточно высокая, им посвящено много работ, главным образом, труды А.А. Курбатова и А.Я. Мартынова. В исследованиях А.Я. Мартынова четко прослеживается ландшафтная обусловленность размещения и компоновки памятников, их комплексный характер. Совершенно справедливо признавая, что интерпретация единичных археологических находок не может воссоздать полноценную картину далекого прошлого, А.Я. Мартынов рассматривает археологические комплексы памятников в их взаимосвязи. Археологические комплексы Соловецких островов включают временные поселения (постоянных поселений здесь не было) — стоянки и мастерские, и взаимосвязанные с ними святилища — лабиринты, каменные груды (курганы), разнообразные каменные выкладки и гряды, структурно связанные с лабиринтами и относящиеся к III—I тыс. до н.э. (эпоха камня — раннего металла). Острова имели сакральное назначение для жителей ближайших карельского и онежского берегов. Следующий этап освоения островов относится к XII—XV вв., когда древние саамы посещали острова и, как предшественники, использовали их в культовых и погребальных целях. Отмечаются зависимость планировки святилищ от рельефа местности

и различия структуры святилищ на разных островах при соблюдении двух закономерностей — они всегда занимают возвышенное местоположение и всегда находятся при строительном материале — валунных насыпях морен и береговых валов. Основная масса лабиринтов и насыпей расположена на 8–14-метровых террасах, что соответствует и высотным отметкам стоянок. Могильники мыса Колгуй на о. Анзер соответствуют первой 4-метровой террасе, которая в XII–XV вв. должна была находиться на отметке 1,5–1,7 м. Собственное знакомство с археологическими памятниками Соловков позволяет утверждать, что это не просто археологические комплексы. Ритмическое повторение, соответствие определённым элементам рельефа, соположение объектов в территориальном комплексе позволяют говорить о наличии уникального палеокультурного ландшафта на архипелаге Белого моря, нигде более в северных широтах в таком качестве не представленного. Особенно отчетливо этот ландшафт выражен на Заяцких островах и острове Анзер. Лабиринт может быть едва различим на фоне псевдотундровых растительных сообществ, каменные груды-курганы «выросли» среди каменных россыпей морских террас, разнообразные по форме выкладки разместились на каменистых пустошах глубоко вдающихся в море островных мысов — всё это напоминает своеобразную ландшафтную мимикрию и поражает своим масштабом, когда начинаешь видеть рукотворную природу объектов, столь деликатно включенных в ландшафт и придавших ему особое историко-культурное значение. Монастырская культура за пять веков своего существования не разрушила этот ландшафт — на границах древних святилищ были поставлены православные охранительные кресты. Насельники монастыря интуитивно понимали ландшафтную природу ограждаемого ими объекта. Современные стратеги это плохо понимают, из-за чего палеокультурные ландшафты оказываются под угрозой уничтожения даже при сохранении и презентации отдельных археологических памятников.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ ПАЛЕОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Наиболее эффективными формами охраны территориальных феноменов наследия служат, как известно, особо охраняемые территории. Для природ-

ного наследия это аксиома, а как быть с культурным? Федеральное законодательство использует понятие «особо охраняемые природные территории», но понятия «особо охраняемые историко-культурные территории» в нём нет. В то же время в России широкое распространение получили музеи-заповедники — учреждения культуры, которые юридически не являются особо охраняемыми территориями, но фактически являются. Именно в музеях-заповедниках сохраняются наиболее ценные территориальные объекты культурного наследия, в частности археологического наследия. Археологические музеи-заповедники немногочисленны и некоторые уже были названы. Преимущественно они представляют территориальные комплексы древних поселений (Танаис, Горгиппия, Гермонасса, Ирендык). Есть среди них и одно древнее поле сражения — Куликово поле. Есть древние сакральные территории — Томская писаница, например. Однако сохранение территорий музеев-заповедников представляет сегодня огромную проблему, поскольку эта форма охраны наследия не названа в федеральном законодательстве. Данный правовой нонсенс имеет многочисленные последствия, включая градостроительные, земельные, гражданские и иные сферы законодательного регулирования. Чтобы обладать полноценным правом защиты собственной территории (не путать с земельным участком!), некоторые музеи-заповедники, преимущественно литературного профиля, начали работы по наделению своих территорий статусом достопримечательного места. Напомним, что достопримечательные места — один из видов объектов культурного наследия, которые подлежат охране в том же порядке, что памятники и ансамбли, но имеют более лабильный режим охраны. Кардинальный вариант решения проблемы музеев-заповедников — это уравнивание их в правах с историко-культурными заповедниками. Так поступили в Московской области, где принят закон № 18/13-П «О музеях Московской области», 2007. Напомним, что согласно № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» достопримечательные места могут быть объявлены историко-культурными заповедниками, что учреждаются историко-культурные заповедники не ведомствами, как объекты культурного наследия, а органами исполнительной власти, что земельные участки в их границах, согласно Земельному кодексу РФ, находятся в ограниченном гражданском обороте, то есть не подлежат приватизации.

Некоторый аспект экстравагантности в этом вопросе демонстрирует Челябинская область. Уникальные палеокультурные ландшафты «Страны Аркаим» получили статус системы достопримечательных мест, которые были объявлены историко-культурным заповедником с передачей ему прав юридического лица, но без организации музея-заповедника. В то время, как федеральное законодательство усугубляет ситуацию и своей казуистической ставит препоны делу охраны наследия, профессионалы на местах ищут способы более адекватного и простого решения проблемы. Есть примеры использования законодательства об особо охраняемых природных территориях для целей охраны объектов культурного наследия, в частности палеокультурных ландшафтов. Например, администрация музея-заповедника «Куликово поле» выступила инициатором создания природного заказника в границах территории музея-заповедника. Природоохранный режим заказника для данного музея-заповедника наиболее оптимален, учитывая, что аутентичную историческую среду должны воспроизводить природные объекты — широколиственные леса и ковыльные степи. Созданию историко-культурного заповедника Аркаим предшествовала разработка концепции национального парка. Вопрос о создании национальных парков обсуждался применительно к Фанагории и Соловкам. Отметим, что национальные парки — единственная категория охраняемых природных территорий, для которых законом устанавливаются задачи сохранения и восстановления историко-культурных комплексов и объектов (ст.13 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»). В заповедниках, национальных парках, природных парках, заказниках, памятниках природы во многих случаях целенаправленно сохраняются либо попадают под охраняемый режим разнообразные культурные феномены.

Многочисленные исследования подтверждают, что охрана археологического наследия самым непосредственным образом взаимосвязана с сохранением палеокультурных ландшафтов. Действующее законодательство предоставляет возможность постановки на охрану как отдельных археологических объектов, так и целостных ландшафтных комплексов. В то же время законодательство и сложившиеся в археологии на протяжении десятилетий исследовательские подходы заключают в себе целый ряд противоречий, препятствующих объективному, адекватному, целостному восприятию ар-

хеологического наследия и его актуализации в современных условиях. Попробуем их выявить и систематизировать, обозначив рамки сложившегося методологического и правового конфликта. Особого внимания заслуживают следующие проблемы.

1. Введение ложных, амбивалентных этимологическому смыслу понятий в практике археологических исследований — таковы понятия «охранной археологии» и «охранных раскопок». Охранная археология — это исследование недвижимых археологических объектов, которые обречены на уничтожение, и извлечение из них артефактов. В Институте археологии данное направление деятельности относится к числу приоритетных, судя по его организационной и кадровой структуре, а также составу выполняемых работ. Охрана некоторого абстрактного объекта наследия может осуществляться двумя способами: либо предотвращение его разрушения и контроль сохранения *in situ*, либо то же самое *ex situ* после его изъятия из аутентичной среды и перемещения в иные условия. Понятно, что последнее можно осуществить только в отношении движимых объектов, в археологии — изымаемых при раскопках находок. Все недвижимые объекты — древние поселения, святилища, курганы, городища и т.д. и т.п. — могут быть охраняемы исключительно при условии снятия внешних угроз негативного воздействия, основная из которых на сегодняшний день — строительство. Этимология понятий вводит в заблуждение, поскольку вместо охраны объекта археологического наследия *in situ* предполагается извлечение его фрагментов, складирование их в отведённых для этого местах (если очень повезёт — в музейных экспозициях) и уничтожение самого объекта в процессе земляных и строительных работ, получающих «зелёный свет» после проведённых «охранных раскопок». Охранные раскопки обеспечивают законность уничтожения объекта археологического наследия. Собственно методологическое лицемерие заключается в том, что определение «охранной» применяется к действию, предваряющему или сопровождающему уничтожение недвижимого наследия вместо того, чтобы служить ему защитой. Возникает вопрос, что же является предметом охраны и носителем предметной ценности наследия: городище или собранные на нём черепки, святилище или обнаруженные при нём человеческие останки, древний город или любая иная совокупность найденных при нём «следов существования человека, включая все движимые

предметы, имеющие к ним отношение»? Неужели можно сомневаться, что произошла подмена понятий, что охранная археология имеет исключительное значение для археологической науки, но не имеет никакого отношения к охране недвижимого наследия? Причём того самого недвижимого наследия, которое имеет принципиальное ландшафтообразующее значение и которое массово уничтожается с сопровождающим его «исследованием под снос», именуемым охранной процедурой. Охранная археология уничтожает археологическое наследие как ландшафтный феномен и сохраняет в форме единиц хранения в фондах. По-видимому, моральную ответственность за такой терминологический обман должна нести собственно академическая археологическая наука, представители которой упорно этот обман поддерживают. Пора бы признать, что палеокультурные ландшафты могут представлять ценность наследия, а охранная археология как метод и как научный подход в её современной интерпретации направлена на разрушение этих самых ландшафтов. Это коллизия не правовая, но методологическая, которую может разрешить только профессиональное сообщество археологов. Надо называть вещи своими именами.

2. Отсутствие иерархии ценностей в системе объектов археологического наследия. Так, в соответствии с профильным законом о культурном наследии (№ 73-ФЗ), все объекты археологического наследия имеют федеральное значение и каждый из них должен быть поставлен на охрану уже при его зафиксированном специалистом обнаружении. Это есть пример правовой демагогии и он особенно вреден тем, что создаёт устойчивые иллюзии исключительной защищённости и культурной значимости именно археологического наследия, чего в действительности не наблюдается, поскольку противоречит существующему в природе и обществе порядку вещей. Археологическое наследие, как и любое другое, не может быть аксиологически гомогенным, оно разное по своему значению и это прекрасно известно археологам. Закон искусственно поднял планку его общей ценности, приравняв все возможные вариации к единственно федеральному значению, но в действительности планка ценности упала, поскольку исключительные феномены наследия уравнились в праве с обыденными. В непрофессиональной среде обывателей, предпринимателей и бюрократов это добавило причин к непониманию и непризнанию археологического наследия, а также массово-

му его уничтожению. Если власть поставлена перед дилеммой: градостроительное развитие либо сохранение археологического памятника — выбор как правило не в пользу последнего. Интересы создания портов, дворцов, коттеджей, терминалов и трубопроводов побеждают. Причем эти интересы достигаются практически без ограничений. И здесь вопрос об иерархии ценностей становится очень важным. При отсутствии такой иерархии совокупность памятников археологии становится для любого чиновника безликим множеством, создающим препоны экономическому развитию, а значит формирует определённый стиль отношений с органами охраны памятников, когда ликвидация очередной препоны просто оплачивается в рамках законной процедуры под названием «охранные раскопки» и «исследование памятника под снос». Кроме того, декларируемое законом отнесение любого зафиксированного археологического объекта к выявленному объекту наследия вне каких-либо оценочных процедур при одновременной возможности произвести его снос посредством охранных раскопок дискредитирует, на наш взгляд, правовое содержание норм закона. Профессионалы разводят руки и обреченно произносят сакраментальное «ну что же делать?». Ответим: называть вещи своими именами.

3. Профессиональная и легитимная некорректность типологии объектов культурного наследия, установленной профильным законом о наследии в отношении объектов археологического наследия. В частности, все объекты недвижимого культурного наследия подразделены на три вида: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Эта типология отражает структурную сложность объекта — от единичного памятника к территориальному комплексу. Каждый из этих видов определяется перечнем отнесённых к нему феноменов наследия. Объекты археологического наследия прямо отнесены только к двум видам культурного наследия — к памятникам и достопримечательным местам, а для промежуточного вида, для ансамблей, археологическое наследие не было прямо обозначено. Этот логический нонсенс, допущенный законодателем, имел и имеет очень негативные для археологического наследия последствия. Бюрократические институты отказываются признавать ансамблями «четко локализуемые на исторически сложившихся территориях группы изолированных или объединённых памятников», а именно археологических памятников, однозначно подразумевая их

отнесение к достопримечательным местам ввиду их структурной сложности. Статус достопримечательного места допускает значительно менее жесткий в сравнении с памятниками и ансамблями режим охраны, что для объектов археологического наследия и многих палеокультурных ландшафтов равносильно преднамеренно планируемой утрате целостности и предметной репрезентативности, предопределяемой возможностями модификации режимов охраны для удовлетворения конкурирующих градостроительных или хозяйственных интересов.

4. Неоправданное сужение трактовки понятия «объект археологического наследия» и неприятие в профессиональной среде понятия «объект ландшафтной археологии». К недвижимым объектам археологического наследия традиционно относят древние поселения, погребальные комплексы и культовые места — то есть те пространственные локусы, где археологические раскопки или исследования дают богатый для исследователя материал. В то же время в профильном законе о наследии (ст. 3 № 73-ФЗ) к объектам археологического наследия отнесены находящиеся «в земле или под водой следы существования человека», выявляемые в ходе археологических исследований, что допускает гораздо более широкую трактовку понятия. В интересующем нас широком аспекте археологическое наследие может трактоваться как система объектов материального мира, свидетельствующих о древних культурах и цивилизациях и возможно полно их представляющих. Там, где древние поселения образуют компактные группы или сопровождаются святилищами, некрополями, инженерными сооружениями, там и ткань ландшафта, связующая эти функционально и планировочно взаимосвязанные между собой археологические частности, является неотъемлемой составляющей целостного археологического памятника и должна относиться к территории памятника, имеющего ансамблевый характер. Вмещающий ландшафт тоже представляет древнюю культуру и свидетельствует о ней, поскольку выбор его как места действия осуществляется на основании устанавливаемых культурой постулатов. В любой его части возможно обнаружение «следов существования человека», например погребённых окультуренных почв. В целом ряде случаев территория древнего природопользования или сакрального пространства образует самостоятельно или с системой древних поселений единое целое, представляющее древнюю

культуру в её взаимосвязи с окружающим миром — это будет палеокультурный ландшафт. Системное исследование палеокультурного ландшафта принадлежит ландшафтной археологии, объекты которой в России не имеют чести быть относимыми к культурному наследию ввиду казуистики закона и разрушительного консерватизма профессионального сообщества. В этой связи небезынттересен опыт Молдовы, где в рамках нормативно-правовой регламентации узаконено понятие «археологический ландшафт» и установлены меры его охраны. Для целей правового регулирования под ним понимают «земельный участок, на котором содержатся археологические остатки, представляющие человеческое жильё различных эволюционных этапов, с архитектурными, градостроительными, техническими структурами и устройством, а также другие следы человеческой цивилизации в природной среде на поверхности земли или под землей, выявленные археологическими методами, документальной информацией или другими способами» (Постановление Правительства...).

5. Искусственное разведение, разделение объекта археологического наследия и занимаемого им земельного участка, которые согласно действующему законодательству находятся в раздельном гражданском обороте. В соответствии со ст. 49 профильного закона о наследии все объекты археологического наследия находятся в государственной собственности, однако земельный участок или участок водного объекта, в пределах которого располагается памятник археологии, находятся в гражданском обороте раздельно с памятником. Согласно ст. 54 п. 3 № 73-ФЗ земельный участок в границах территории объекта культурного наследия является неотъемлемой частью объекта культурного наследия, за исключением объектов археологического наследия. Недвижимые памятники археологии, получив исключительное право быть государственными, утратили право на неразрывную связь с земельным участком, частью которого они по своей природе являются, что определяет возможность фактического присвоения недвижимых объектов археологического наследия любого уровня. Другими словами, земельный участок может принадлежать частному лицу, а курганный могильник, занимающий этот участок, или найденный при нём клад золота такому лицу юридически не принадлежат. Но, как можно догадаться, практически это трудно исполнимо. Это самообман общероссийского значения. Тем более,

что всё современное российское законодательство выстроено таким образом, что объекты недвижимости следуют судьбе земельных участков, на которых они находятся. Ограничить в чём-либо собственника земельного участка в рамках существующего законодательства очень сложно, а контролировать его — практически невозможно, что и определяет фактическое уничтожение и присвоение тех недвижимых археологических памятников, которые оказались на частных землях. Действительно, абсурдно и просто невозможно вводить в раздельный оборот с землёй то, что формирует поверхность земельного участка. Единственным утешением в этой коллизии является норма Земельного кодекса, ограничивающая оборотоспособность земельных участков, занятых объектами археологического наследия (ст. 27 п. 5 № 136-ФЗ).

6. Целевая многоликость официальных археологических раскопок, сочетающая научную необходимость, исследовательский интерес и способ заработка. Иногда два последних обстоятельства определяют основную мотивацию при отсутствии первого обстоятельства. Отметим, что раскопанный археологический памятник во многих случаях утрачивает свою аутентичность и ценность — его ценность трансформируется в исследовательский результат и найденные артефакты, которые перемещаются из положения «in situ» в «ex situ», из аутентичного ландшафта в музейные коллекции (в лучшем случае). Как известно, территориальные ресурсы делятся на исчерпаемые и неисчерпаемые. Очевидно, информационный археологический ресурс ландшафта исчерпаем, как нефть. Наука получает новые сведения, представления и теории, а ландшафт утрачивает свидетельства своей истории — носителей археологической информации. Для археологов будущего наши современники оставят богатое наследие в письменных источниках и собранных предметах, но исказят информационный слой ландшафта, уничтожат важного носителя потенциальных научных открытий в археологии. Если археологические раскопки являются основным методом и объективно необходимы для развития археологической науки, но также объективно они создают угрозу целостности и сохранности палеокультурного ландшафта как объекта археологического наследия. Чтобы разрешить этот парадокс, надо признать наличие некоторого предела, ограничения археологическим изысканиям, что аналогично ограничениям добычи некоторых биологиче-

ских видов. Ведь чтобы соотечественники имели представление о внешности амурского тигра, совсем необязательно презентовать его чучело в каждом зоологическом музее. Существуют другие способы исследования и презентации. Во многих регионах России археологическое сообщество осознаёт, что археологический памятник бесспорно подлежит раскопкам только в том случае, когда он неизбежно будет утрачен — то есть под влиянием необратимых природных процессов или в результате осуществления строительства, проведения земляных работ, направленного изменения гидрологического режима и пр. Конечно, категория «неизбежности утраты» — это тоже проблема, но уже другого порядка и связана она с действующим законодательством и реальной защитой памятников археологии.

7. Трудно контролируемая множественность археологических памятников, находящихся на учете в госорганах охраны памятников, их количественное преобладание над всеми иными типами объектов. При несдерживаемой стихии рынка земельных участков, а также отсутствии реальной ответственности за причиняемый ущерб национальному наследию происходит то, что присваиваемый статус археологического памятника не ведёт к существенным правовым последствиям ни для собственника, ни для пользователя, ни для уполномоченных государственных инстанций. Их поштучно много — за всеми не уследишь. Для соблюдения процедурных приличий объект отдаётся в объятия охранной археологии и лишается предметной ценности, прекращая быть территориальным феноменом археологического наследия. Например, в окрестностях вышеупомянутой деревни Дунино Московской области некоторые археологические памятники, уже будучи выявленными, оказались на землях, распроданных муниципалитетом г. Звенигорода под частную застройку и практически уничтожены, либо находятся под угрозой уничтожения. Территория расчленена капитальными ограждениями частных землевладельцев и утратила визуальную целостность. Обременения на земельные участки не установлены, а охранные обязательства, как правило, не заключались. Паспорта на весь комплекс объектов дьяковской культуры были разработаны только в 2006 г. Находясь в границах частных владений, они фактически приватизируются и доступ к ним прекращается. Контроль за их состоянием и взыскание за наносимый ущерб зависят от субъективных предпосылок. Во всяком случае, ни о какой охране и сохранении археологи-

ческих памятников в их взаимосвязи и комплексности, а также публичном их предъявлении не может быть и речи при условии приватизации земель, на которых они находятся. Выделение археологических ансамблей и палеокультурных ландшафтов как объектов археологического наследия и учетных единиц для постановки на охрану целостных археологических комплексов могло бы отчасти решить проблему множественности.

Литература

1. Александровский А.Л., Гоняный М.И., Гласко М.П. Ландшафты Куликова поля времени битвы (по данным комплексных почвенно-археологических исследований) // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. — С. 33-46.
2. Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. / Науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск, 2004. — 348 с.
3. Бурова О.В. Лесостепные ландшафты центра Русской равнины в последнее тысячелетие: антропогенные изменения и проблемы восстановления исторических территорий. / Автореферат канд. дис. на соиск. уч. степ. канд. геогр. наук. М.: Институт географии РАН, 2007.
4. Гарбузов Г.П. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях. Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: Институт археологии, 2007. — 26 с.
5. Гарбузов Г.П. Реконструкция культурного ландшафта в археологических ГИС-проектах / Г.П. Гарбузов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI Международной научной конференции. — Ростов-на-Дону, 2003. — С. 49-50.
6. Гарбузов Г.П. Древние винодельческие ландшафты у Фонталовской // Древности Боспора. М.: Институт археологии, 2004.
7. Гоняный М.И., Александровский А.Л., Гласко М.П. Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы. М., 2007. — 208 с.
8. Гусев С.В. Комплексный подход к сохранению и изучению археологического и природного наследия // Археологический фактор в планировочной организации территории. М.: Институт Наследия, 1997. — С. 177-188.

9. Замороженные захоронения Алтайских гор. Гент: ЮНЕСКО ЦВП и Гентский Университет, 2006. e-lib.gasu.ru/konf/FrozenTombs/R_13.html
10. Закон Московской области №18/13-П от 13.06.2007.
11. *Зданович Г.Б.* Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. — С. 49-66.
12. *Зданович Г.Б.* Ландшафтная археология. Челябинск, 2004.
13. *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007. — 260 с.
14. «Золотой человек» — курган Иссык. www.kidinfo.info/kurgan_issik.html
15. Краткие описания объектов Всемирного наследия. Перевод *Р. Крогуса, Н. Максаковского*. www.heritage.unesco.ru
16. *Кренке Н.А.* Селитебно-хозяйственный комплекс железного века вокруг городища Дунино // Саввинские чтения. М.: Северный паломник. 2007. — С. 280-282.
17. *Кренке Н.А.* Среднее течение Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Ближайшая сельская округа Москвы в XII—XIII вв. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII—XIII вв. (по данным исследования парка «Царицыно») // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII—XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. — 2004. — С. 51-125.
18. *Кренке Н.А.* Древнерусские памятники в долине р. Неглинной: «ландшафтная» гипотеза землепользования и данные раскопок // Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII—XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. — 2004. — С. 278-293.
19. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т.1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII—XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. — 2004. — 447 с.
20. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. *Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой*. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.

21. *Куратов А.А.* Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978.
22. *Куратов А.А.* Соловецкие лабиринты — древние памятники культуры Северной Европы // *Культура Русского Севера*. Л., 1988. — С. 13-31.
23. *Мартынов А.И.* О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири // *Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр*. М.: Институт Наследия, 2000.
24. *Мартынов А.И.* О древних изображениях Каракола // *Археология Южной Сибири*. Кемерово, 1985. — С. 80-87.
25. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск — Соловки. — 2002. — 237 с.
26. Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. Тула, 2000. — 151 с.
27. *Низовцев В.А.* Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории современной Москвы. Ландшафтно-экологические условия и системы природопользования в древнерусский период в долине р. Язвенки. Опыт ландшафтной характеристики района Кремля и долины р. Неглинной // *Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты*. Т. 1 Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII—XIII вв./ Отв. ред. Н.А. Кренке, С.З. Чернов. — 2004. — С. 41-50, 116-120, 294-296.
28. *Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // *Боспорский сборник*. М. 1992. № 1.
29. *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // *Боспорский сборник*. М., 1992, № 2.
30. *Паромов Я.М.* Материалы к выделению культурно-исторических ландшафтов Тамани. // *Археологический фактор в планировочной организации территории*. М.: Институт Наследия, 1997. — С. 189-213.
31. *Погодин Л.И.* Сохранение и мониторинг уникальных археологических ландшафтов // *Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр*. М.: Институт Наследия, 2000.
32. Постановление Правительства республики Молдова № 1009 от 5.10.2000 г. // www.stroy.md/rus/decrees/91

33. Чернов С.Э. Природное и культурное наследие долины Москвы-реки в окрестностях д. Дунино Одинцовского района Московской области (археологические и ландшафтно-археологические феномены наследия) // Саввинские чтения. М.: Северный паломник, 2007. — С. 283-290.
34. Brief Descriptions: Sites Inscribed in the World Heritage List. World Heritage Center UNESCO, Paris, January 2007.
35. Chang Claudia. Archaeological Landscapes: The Ethnoarchaeology of Pastoral Landuse in the Grevena Province of Greece // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. — P. 65-89.
36. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. Paris, UNESCO, 2005.
37. Rossignol Jacqueline Concepts, Methods and Theory Building. A Landscape Approach // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. — P. 3-16.
38. Russel Stafford C. and Hajic Edwin R. Landscape Scale: Geoenvironmental Approaches to Prehistoric Settlement Strategies // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. — P. 137-161.
39. Space, Time and Archaeological landscapes. Edited by Jacqueline Rossignol and LuAnn Wandsnider. Plenum Press, New York, 1992. — 297 p.
40. World Heritage Center — Cultural Landscapes. <http://whc.unesco.org/en/culturallandscape>.
41. Zvebil Marek, Green Stanton W., Macklin Mark G. Archaeological Landscapes, Lithic Scatters, and Human Behavior // Space, Time and Archaeological landscapes. Plenum Press, New York, 1992. — P. 193-226.

И.Г. ИВАНОВА,

канд. архитектуры

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Образ исторического города неотделим от окружающего его ландшафта, частью которого он является. Градостроительному окружению крупных городов посвящена обширная литература, планы агломераций Москвы XVII в. и Санкт-Петербурга XVIII в. вошли в учебники по истории градостроительства и архитектуры. Закономерности формирования исторического окружения малых и средних городов и его исторические типы изучены значительно меньше. В то же время необходимость учета системы градостроительно-ландшафтных комплексов в окрестностях городов при разработке охранных зон и определении перспектив развития городских поселений признана ведущими архитекторами (*Выборный, 1997*). Проблемы изучения окружения малых и средних городов связаны и с актуальными задачами создания системы историко-культурных заповедников и выявлением комплексов достопримечательных мест (*Веденин, Шульгин, 2006*).

В процессе формирования исторического окружения городов неповторимое и своеобразное сочетается с общим для исторических типов поселений. Задачей настоящей статьи является попытка рассмотреть наиболее распространенные исторические типы градостроительно-ландшафтных комплексов в окрестностях городов, характерных для периода Средневековья, XVIII — середины XIX вв. и второй половины XIX — начала XX в. и наметить круг проблем, связанных с их изучением. В статье не затрагиваются проблемы формирования административных границ уездов, округов и волостей, которые требуют самостоятельного исследования. Методической основой для данной работы послужили представления о культурном ландшафте, разрабатываемые в Институте наследия им. Д.С. Лихачёва (*Веденин, 2004; Шульгин, 2002*). При работе над темой автор опиралась на фундаментальные труды в области истории градостроительства (*Бунин,*

Саваренская, 1979; Саваренская, Швидковский, Петров, 2000; Кириченко, Нащокина, 2001 и др.), а также публикации по истории отдельных городов. При работе над темой также использовались материалы, собранные в процессе изучения архитектурного и градостроительного наследия регионов России и разработки комплексных программ по сохранению наследия для отдельных малых городов России в период с 1992 г. по настоящее время (Шульгин, 2002).

Процесс формирования окружения исторических поселений можно проследить уже на примере ближайших предшественников городов — протогородов андроновской культуры, носители которой заселяли в эпоху бронзы (II — начало I тыс. до н. э.) южноуральские степи и прилегающие к ним районы Казахстана. Один из наиболее известных памятников протогородской цивилизации XVII—XVIII вв. до н. э. Аркаим представлял собой не только укрепленное поселение, но и ремесленный центр с мастерской литейщиков, выплавлявших бронзу. Обитатели протогорода занимались сельским хозяйством и скотоводством. По данным археологических исследований, укрепленное городище Аркаим, расположенное на пересечении рек Большой Караганки и Уфтюганки, являлось центром градостроительной системы, в которую входили окружающие его неукрепленные поселения и группа курганных могильников. Поселения окружала сельскохозяйственная округа с полями древнего земледелия. При выборе места для поселения обитатели древнего Аркаима учитывали ландшафтные условия местности: извилистое, меандрирующее течение реки создавало удобство для выпаса и охраны скота, а вершины мелкосопочника позволяли наблюдать за стадами. Таким образом, жизнь родовой общины не замыкалась в городских стенах, но распространялась на всю долину реки Большой Караганки, представляющую собой отчетливо читаемый на местности ландшафтный комплекс. Закономерности формирования пространственного окружения можно проследить на примере системы поселений «страны городов» (Зданович, 2007).

Формирование окружения протогорода было связано с образом жизни и занятиями населения, необходимостью организации обороны и контроля системы коммуникаций, а также с религиозными представлениями скотоводческо-земледельческих общин, требовавшими выноса мест захоронений за пределы поселения. Процесс формирования окружения можно

описать как освоение и осмысление природного ареала, своего рода адаптацию родовой общины к окружающей среде. Жизнь родовой общины представляла собой сравнительно замкнутый ареал, отделенный значительными расстояниями от других «городков».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

В отличие от протогородов родовых общин средневековые города являлись центрами не только ремесла, но и торговли, подчинившими себе сельскохозяйственную округу с развитой сетью поселений и дорог. Как отмечают историки градостроительства, специализация русских средневековых городов имела ограниченный характер, каждый из них имел административные, военные, торгово-ремесленные, культурные функции (*Саваренская, 2004*). Если крупные торговые города возникали в сравнительно обжитых районах на пути из «варяг в греки», то малые города преимущественно оборонительного значения часто сосредоточивались на менее освоенных территориях.

Для развития окружения средневекового города характерны противоречивые тенденции. Задачи обороны требовали сосредоточения городской жизни внутри стен, преимущественно натуральный характер хозяйства — связи с сельскохозяйственной округой. Историки культуры уделяют особое внимание крепостным стенам — как священной границе городского поселения (*Щенков, 1984*). Как свидетельствуют примеры крупных городских поселений, идеалом Средневековья можно считать город с могучей крепостью-детинцем, укрепленным посадом и системой укрепленных монастырей вне крепостных стен.

В формировании окружения первых значительных средневековых городов Киевской Руси уже в XII в. можно проследить ряд общих закономерностей, сохранявшихся на протяжении Средневековья. За пределами городских стен располагались торговые и ремесленные предместья, связанные с пожароопасным производством, система монастырей и загородных резиденций князей и бояр. Археологические исследования окрестностей крупных средневековых городов Киева, Новгорода и Пскова свидетельствуют о значительной освоенности пригородной территории. Большую роль в фор-

мировании пригородного окружения играла система дорог и системы оборонительных сооружений, включавших как природные рубежи, так и систему искусственных укреплений. Одним из наиболее впечатляющих примеров является сложная концентрическая оборонительная система средневекового Пскова с кромом-детинцем и городскими стенами, кольцом укрепленных монастырей, системой городов-крепостей, защищавших дальние подступы к городу.

Характерным для древнерусского градостроительства периода Киевской Руси и феодальной раздробленности было сочетание *города и укрепленной княжеской резиденции*. Наиболее известным примером, наряду с киевским Вышгородом, является Боголюбовский замок, основанный в 10 км от Владимира в устье Нерли. Замок объединял функции крепости и парадной пригородной княжеской резиденции. Укрепления замка, расположенного на высоком берегу Клязьмы, представляли собой неправильный четырехугольник с периметром более 800 м, с белокаменными стенами и башнями по углам. Ансамбль дополняла церковь Покрова на Нерли, расположенная в устье Нерли, — одно из наиболее совершенных произведений владими́ро-суздальского зодчества.

Строительство Боголюбовского замка не является уникальным примером в градостроительстве русского Средневековья периода феодальной раздробленности. Сочетание укрепленного города и княжеского замка характерно для подмосковной Вереи — центра Вере́йского княжества, рядом с которой находилось укрепленное поселение Вышгород. В 2 км от Калужской крепости находилась княжеская резиденция Спасское с дворцом. Существуют письменные упоминания о существовании княжеских замков на территории бывших Верховских княжеств в окрестностях средневекового Мещовска и Воротынска. Княжеская резиденция располагалась к северу от Торопца.

Сочетание укрепленного города и феодального замка было характерно не только для России, но и для средневекового западноевропейского градостроительства. На территории Российской Федерации в Калининградской области сохранилось немало образцов малых городов, возникших на месте средневековых замков. В первой половине XIV века по соседству с замком рыцарей Тевтонского ордена Прейссиш-Эйлау формируется

система поселений немецких колонистов Лишке и Кирхенсдорф с рыночной площадью, которое в 1585 году получает городские права (ныне — Багратионовск). Город Тапиау (Гвардейск) возник на основе орденского замка, сооруженного на месте прусского поселения (Кулаков, 2000).

Наиболее ярким примером сочетания укрепленного городского поселения с развитой системой укрепленных замков, преграждавших доступ к городу, является город Инстербург (Черняховск). Замок Инстербург, давший начало городу, был построен Великим магистром Тевтонского ордена в первой половине XIV века к югу от слияния рек Инструча и Анграпы как один из главных форпостов ордена при набегах на литовскую территорию. У стен замка возникло поселение, которое в 1583 году получило городские права. Одновременно в XIV—XV веках формируется система укрепленных замков, защищавших город от набегов литовцев — с северо-востока рыцарский замок Абшруттен (Ботаническое), с севера — самое крупное из сохранившихся на территории Пруссии епископских укреплений Георгиенбург (Маевка). В систему обороны Инстерсбурга могло входить и укрепление, расположенное в излучине правого берега реки Арсы к юго-востоку от современного поселка Тимофеевка, на месте одного из самых интересных прусских городищ восточной части Калининградской области — Камсвикуса (Кулаков, 2000).

В отличие от западноевропейского градостроительства, где наличие феодального замка часто являлось основой для формирования поселения, в России городское поселение и замок обычно не составляли единого целого и были зачастую разделены значительным расстоянием. По-видимому, следует проводить грань между замками, которые входили в систему оборонительных сооружений города, от укрепленных охотничьих резиденций, мест отдыха и сбора дани.

Необходимо отметить, что существование укрупненных княжеских резиденций было исторически ограничено периодом феодальной раздробленности. С образованием централизованного государства, многие из них потеряли свое значение и были преобразованы в монастыри.

Наряду с княжескими резиденциями, в окрестностях городов, начиная с XII в. формируются монастырские комплексы. Средневековые Серпухов, Суздаль, Кашин, Великий Устюг, Гороховец, Козельск и их монастырское

окружение представляют собой единые градостроительные ансамбли, что, очевидно, отвечало художественным идеалам своего времени и является свидетельством того, что зодчие мыслили город в единстве с его окружением. Группа из монастырей, построенных по соседству с вотчинами Воротынских, существовала рядом с Перемышлем. Очевидно, что уже к XVII в. наличие загородных монастырских комплексов входило в образ идеального поселения и предусматривалось уже при закладке поселения. Так, при закладке Берёзова предусматривалось строительство Вознесенского и Воскресенского монастырей. Наличие в окрестностях города мужского и женского монастырей решало проблемы устройства пожилых одиноких людей.

Примеры, когда крупный монастырь становится основой для формирования городских поселений, сравнительно редки. Среди наиболее известных примеров можно назвать Ростов Великий, Кириллов, Сергиев Посад, Воскресенск, в какой-то мере Тихвин. В этом случае монастырь по отношению к поселению играл роль своеобразной крепости-кремля.

Сложение единого централизованного государства в XV—XVII вв. вызвало строительство единой оборонительной системы, центром которой была Москва, окруженная кольцом укрепленных монастырей и городов-крепостей. Грандиозная оборонительная система засечных черт, которая включала не только фортификационные сооружения и систему природных рубежей — лесов и рек, но и систему городов-крепостей и сел, население которых несло повинности по поддержанию отдельных участков системы. Принципы выделения очертания и пространственное положение таких наделов требуют дополнительного изучения, но нельзя исключить того, что Козельск, Перемышль, Одоев, Лихвин и другие «засечные» города были обязаны содержать в должном состоянии примыкавшие к городской территории лесные массивы и укрепления, образуя с ними единую градостроительную структуру.

Формирование единой оборонительной системы государства способствовало развитию городов и появлению неукрепленных поселений — посадов. Наиболее ярким известным примером города, возникшего на основе монастыря и торгового посада, является Тихвин. Посад, который фактически дал основу городскому поселению, вплоть до XVIII в.,

находился в собственности Большого Успенского и Введенского монастырей. Тихвинский посад занимает особое место в истории градостроительства и является редким документально подтвержденным примером организации территории по единому плану. Облик поселения отражен на известном чертеже 1669 г. Создатели учитывали особенности природного ландшафта, расчлененность которого способствовала формированию полицентрической системы расселения с монастырями, расположенными по берегам Тихвинки, территорией торгового посада с системой площадей, приречных территорий с пристанью и системой сельских поселений вдоль берега реки (Заварихин, Кондратьева, Мильчик, 1986). Необходимо отметить, что градостроительная система пережила своего рода трансформацию еще в период Средневековья. Если первоначально центром поселения был Большой Успенский монастырь, то с появлением новых малых монастырей к востоку от него площадь с собором стала фактическим центром градостроительного образования, а кольцо монастырей — его окружением. Интересно, что градостроительная трансформация отвечала социальным изменениям в жизни поселения: торговый посад, ранее являвшийся собственностью монастыря, к концу XVII в. обрел независимость.

Основой для формирования ряда поселений Русского Севера и Урала послужили *соляные промыслы*, которые играли большую роль в жизни государства. В отличие от городов, заложенных по единому плану, сложившаяся градостроительная структура средневековой Тотьмы явилась результатом постепенного освоения ландшафта. Предшественницей Тотьмы являлось укрепление Старая Тотьма на реке Тотьме в 16 км от современного города, но основой для города стало так называемое Усолье — известный еще в XIV—XV вв. район добычи соли в 2 км к северу от современного города, близ села Варницы. Фактически территория добычи соли представляла собой производственный ландшафт с системой варниц и малых промысловых посадов. По другую сторону Ковды, на ее высоком берегу находилось поселение с дворцом и фамильным кладбищем Строгановых. У слияния рек Ковды и Песью Деньги в начале XVI в. был основан Спасо-Суморин монастырь. Территория Усолья была связана с берегом Сухоны, где располагалась Соборная горка с укрепленной крепостью и сформировавшейся по соседству с ней торговой площадью, куда уже в

XVI в. переместился центр поселения и пристань с соляными амбарами. Необходимо отметить, что с XIV по XVII вв. положение центра этого градостроительного образования менялось от поселения Старая Тотьма, к исторической территории Усоля (современная деревня Варницы) с дворцом Строгановых, пока к XVI–XVII веку структура поселения окончательно сложилась и роль центра отошла к Торговой площади близ Соборной горки, а производственная территория варниц, усадьба Строгановых, монастырь заняли периферийное положение по отношению к нему (Иванова, Чалай, 2004).

Средневековые города сохраняли прочную связь со своим сельскохозяйственным окружением с сетью сельских поселений. Достаточно редкими являются примеры основания города как центра сельских поселений. Среди таких поселений Ирбит и Буй Костромской губернии, основанный в 1536 г. по просьбе крестьян. Город играл роль ярмарочного центра и коллективного убежища и входил в уже сложившуюся систему сельского поселения, наследуя свое историческое окружение. Однако в других случаях появление военных укреплений приводило к существенной трансформации структуры пригородных поселений. Строительство острога Ялutorовская слобода с военным гарнизоном на месте татарской крепости Явлу-тур в XVII в. на реке Тобол сопровождалось, по-видимому, оттоком татарского населения в пригородные татарские села Атьялово и Сингуль Татарский, население которых занималось животноводством и извозом. Одновременно в окрестностях острога возникли пригородные поселения русских православных переселенцев (Петелино) и раскольников (Хохлово) (Исторический город Ялutorовск, 1997). Близость сельских поселений к городской территории с ярмарочным центром и крепостью в дальнейшем способствовала их росту и развитию.

Дефицит городских территорий в границах крепостных стен вызвал появление уже в эпоху Средневековья ярмарочных территорий вне городских стен. Некоторые из них стали основой торгово-ремесленных посадов. Интересны примеры ярмарочных территорий в окружении вновь основанных городов Севера, которые имели ярко выраженный сезонный характер использования. У стен Обдорска и Сургута ярмарки устраивались прямо на льду замерзших рек. Рядом с ярмарками в этот период вырастали

временные стоянки представителей коренных народов Севера, приезжавших в город в период сбора ясака.

Система временных сезонных поселений «жиров» существовала в окрестностях Пустозерска — первого русского города в Арктике, основанного в XV в. на берегу Городецкого озера. «Жиры» располагались в местах ловли рыбы в период ее миграции к нерестилищам. Примыкающие к городу территории играли важную роль места межэтнических контактов, в период сбора ясака близ города возникали временные поселения ненцев, которые приезжали для обмена пушнины на продовольствие. Уже на ранних этапах существования Пустозерска рядом с городом располагались святилища ненцев. Такая же картина характерна для Берёзова, на старых планах которого рядом с контуром городской застройки обозначены места стоянок хантов и манси. Храм Рождества Богородицы в центре крепости, близ священной рощи, отождествлялся хантами и манси с домом Ойяс-Ойки — одного из центральных божеств мансийского пантеона, местом обитания которого считался противоположный от города берег Оби. Место обитания Ойяс-Ойки входило в число наиболее значительных двенадцати святилищ, которые на протяжении своей жизни должен был посетить каждый манси. Таким образом, основанный в конце XVI в., город Берёзов оказался включенным не только в исторически сложившуюся систему расселения, но и в культурное пространство коренных народов Севера.

НОВЫЕ ТИПЫ ГОРОДОВ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

В истории Российского государства XVIII век и первая половина XIX века — время крупных экономических, политических, социальных и культурных преобразований. В этот период развивается судостроение и промышленность, появляются первые мануфактуры и заводы, новые типы поселений — города-верфи и города-мануфактуры, города-заводы, производится перепланировка городов на основе принципов регулярного градостроительства и утверждается новый идеал регулярного города.

Одним из первых воплощений новых градостроительных идеалов стал *город-крепость* Кронштадт, заложенный в 30 км от Петербурга на острове

Котлин в Финском заливе в начале XVIII века. Кронштадт создавался по замыслу и при личном участии Петра I и ведущих архитекторов, занятых на строительстве Петербурга, как единый градостроительный ансамбль с дворцами Меншикова и Петра I, комплексом построек Адмиралтейства, прямыми улицами с регулярной застройкой по типовым проектам, многочисленными хозяйственными сооружениями, мощным комплексом оборонительных сооружений. Строительство системы оборонительных сооружений не ограничивалось границами острова, а распространялось на прилегающую к острову акваторию Финского залива. По мысли Петра I, южнее острова Котлин предполагалось построить еще одно укрепление, которое получило впоследствии название Кроншлот. Укрепление и система фортов должны были защищать подступы к Петербургу. После Полтавской битвы Петр I убедился в недостаточности глубины реки Невы для прохода судов, поэтому он решил создать в Кронштадте *коммерческий порт*, в связи с чем было начато строительство Военной, Лесной, Средней и Купеческой гаваней в акватории, примыкавшей к острову. Второй этап строительства приходится на первую треть XIX века, когда на южном фарватере возводятся форты «Петр I», «Константин», «Павел I»; одновременно перестраиваются форты «Кроншлот», «Александр I» (Кремиевская, 1983). В целом, город на острове и комплекс военно-оборонительных сооружений и гаваней в акватории представляли собой единый градостроительный комплекс.

Интересным примером *города с верфью, пристанью и системой гидротехнических сооружений* является Вытегра. Город возник в 1710 году как Вянгинская пристань на пересечении с сухопутным трактом из Архангельска в Петербург, где производили перевалку грузов с речных судов на сухопутный транспорт. По указу Петра I шотландский инженер Дж. Перри составил проект будущего канала. В 1715 году выше Вянгинской пристани была заложена государственная верфь, где до 1847 года строили суда. С 1773 года Вянгинская пристань становится уездным городом Вытеграй.

Многочисленные *города-верфи* возникают в конце XVII — начале XVIII века по Среднему Дону и его притокам. При размещении *городов-верфей* учитывались не только особенности географического положения, но и близость к источникам строительных материалов — корабельным *роццам*. Хорошим примером *города-верфи* может послужить основанная в 1709 го-

ду по указу Петра I Павловская крепость в устье реки Осередь, на территории современной Воронежской области. Крепость с перенесенной сюда из Воронежа верфью составляли единое градостроительное образование с корабельной рощей «Шипов лес», системой сельских поселений вдоль южной окраины лесного массива, системой водных и пешеходных коммуникаций. В 1713 году из Таврова в Павловск переведено Адмиралтейство. В крепости были построены служебные помещения, жилые дома, пороховой и литейный заводы и другие хозяйственные строения. По указанию Петра I был открыт ботанический сад, зверинец, построен государев дворец с садом при нем, с церквями, фонтаном, тюрьмой и хлебной биржей, часовой биржей (Кригер, Чесноков, 2002). Примыкавший к городу Шипов лес Петр I называл «золотым кустом Российского государства» и «магазином корабельных строений». Расположенный на возвышенном плоскогорье, с которого открывались красивые виды на окружающие просторы, в настоящее время Шипов лес имеет вид своеобразного лесного острова протяженностью около 40 км в длину и от Бутурлиновки до Павловска полосой от 6 до 12 км в ширину. На окраинах Шипова леса образовалась своеобразная агломерация сельских поселений, в число которых входят Воронцовка, Пузеево, Клеповка, Гваздова; население состоит из переселенных сюда во времена Петра I крестьян Рязанской губернии. По мнению краеведов, жители селений могли заниматься изготовлением деталей для военных кораблей, которые переправлялись волоком вдоль берегов речки Осереды на Павловскую верфь, где производилась сборка судов.

Укреплению обороноспособности государства способствовало строительство металлургических и металлообрабатывающих заводов на Урале, в Карелии, окрестностях Санкт-Петербурга. Несмотря на то, что многие из этих поселений официально получили статус городских лишь в XX веке, концентрация производства и людских ресурсов, продуманная планировка и замечательные архитектурные ансамбли позволили исследователям считать их особым типом поселения — *заводами-городами* (Лотарева, 2003). Строительство крупнейшего на северо-западе России Сестрорецкого оружейного завода на побережье Финского залива, при впадении реки Сестры сопровождалось строительством гидротехнических сооружений. Кроме оружейного и порохового заводов здесь были построены мастерские

для изготовления якорей, проволоки, железных листов. В окрестностях завода был построен двухэтажный дворец Петра I с парком Дальние Дубки, который сохранился до наших дней; второй дворец располагался близ плотины завода. Заводские постройки окружала система земляных укреплений, которые возобновлялись во время Крымской войны. Замечательный ансамбль заводских сооружений с круглой площадью был построен в начале XIX века по проекту архитектора В.И. Гесте. Несмотря на столичный размах архитектуры и значительную концентрацию людских ресурсов, возникшая возле Ижорского завода в 1723 году Колпинско-Никольская слобода считалась селом, и только в 1912 году село получило статус городского поселения (Петров, Петрова, 1983).

Верхне-Кыштымский и Нижне-Кыштымский заводы, основанные Демидовыми, были в числе первых железоделательных предприятий на Южном Урале. Для успешного функционирования заводов были необходимы постоянные источники сырья и значительные лесные ресурсы. Заводское хозяйство представляло собой сложную структуру, в которую наряду с собственно заводскими строениями и комплексами заводов, входила система водоснабжения, система дорог, источники сырья, лесные массивы, которые вплоть до конца XVIII века обеспечивали заводское хозяйство топливом. Выпасы для лошадей, сельскохозяйственные угодья и рыболовство обеспечивали рабочих продовольствием. Основой для формирования системы кыштымских заводов стала уникальная для своего времени гидротехническая система, обслуживающая заводы Кыштымского горного округа. Для снабжения заводов энергией воды при Демидовых была создана единая система Каслинского и Кыштымских заводов, основанная на использовании естественного разно-уровневого расположения каскада озер, которые соединили при помощи искусственных каналов. Этот проект обеспечил энерговооруженность предприятий до конца XIX века.

С 1755 года начал расти рабочий поселок при горных заводах. Особая роль Кыштымских заводов как постоянной резиденции Демидовых (управление объединенными заводами находилось в Каслях) заставляло владельцев уделять особое внимание облику поселения. В 1762 году на острове, образовавшемся в центре заводского пруда, завершается строительство церкви Сошествия Святого Духа. Напротив церкви, на восточном берегу пруда

строится комплекс усадьбы Н.Н. Демидова. Таким образом, уже в середине XVIII века складывается планировочная основа, определившая облик поселения с двумя заводскими комплексами, системой искусственных прудов, связанных руслом Кыштымки, а также центра поселения, сформировавшегося близ Верхне-Кыштымского завода с усадьбой, церковью и заводским комплексом. К началу XIX века поселение при Верхне-Кыштымском заводе было наиболее крупным поселком на территории округа, в нем насчитывалось 813 обывательских домов и почти столько же землянок. В поселках Верхне-Кыштымского и Нижне-Кыштымского заводов проживало около 7000 человек, из которых около 2000 человек трудились на заводах (Линник, 2003).

Период с начала до середины XIX столетия (после продажи заводов наследниками Демидовых вольскому купцу Л.И. Расторгуеву) ознаменовался формированием Кыштымского горного округа и развитием новых отраслей производства на его территории. В состав округа вошли Верхне-Кыштымский чугуноплавильный железодельный, Нижне-Кыштымский железодельный и Каслинский заводы, села Воскресенское и Рождественское с шестью деревнями и множеством крепостных, позже был куплен Нязепетровский завод, а также построен новый — Шемахинский. В середине XIX века на реке Сак-Элге строится медеплавильный завод. Важным событием в истории Кыштымского горного округа стало открытие в начале XIX века богатейших на Урале Соймановских золотых промыслов. В 1822 году началась золотодобыча. В 1824—1842 гг. в результате генерального межевания все заводы наследников Расторгуева были объединены в Кыштымский горный округ, общая земельная площадь которого составила свыше 507 тыс. десятин, в том числе Кыштымская дача площадью 212147 десятин. В распоряжении заводов было 21 действовавшее и 70 недействовавших железнорудных месторождений. Отдельные лесные дачи были объединены в единое хозяйство. В 1845 году в 15 верстах от Каслинского завода был основан Теченский листокательный завод (Линник, 2003). Одним из последствий покупки заводов Расторгуевыми было появление раскольничьих скитов и монастырей в окрестностях городов-заводов.

В 1765 году тульские предприниматели братья Баташевы заложили на Оке среди лесов чугунолитейный и железодельный заводы. Во второй половине XVIII — начале XIX века здесь была создана крупнейшая гидротехническая

система с девятикратным использованием воды одной и той же речки Железницы (7 заводов и 2 мукомольные мельницы). В Выксунскую гидросистему изначально входили восемь прудов, которые обеспечивали энергией 7 заводов. Старейшим является Верхне-Выксунский завод, который вступил в строй в 1766 году, через год — Средне-Выксунский, а еще через год — Нижне-Выксунский завод. Готовая продукция по полноводной речке Железнице, на которой размещался Запасный пруд, переправлялась до реки Оки — важнейшей торговой артерии России. Заводы впоследствии были связаны между собой и пристанью железной дорогой на конной тяге (Арсентьев, 2002).

Ядром владений Баташевых, а впоследствии их наследников Шепелевых, оставался комплекс Верхне-Выксунского, Средне-Выксунского и Нижне-Выксунского заводов с комплексом производственных зданий, с примыкающими к ним усадебным комплексом и парком, предзаводской площадью, рабочими слободами. За пределами заводских и селитебных территорий располагались хозяйственные дворы Баташевых, а также рекреационные места, в том числе так называемый Павильон — место народных гуляний в окрестностях завода.

В процессе перепланировки городов, начавшейся во второй половине XVIII — начале XIX века, утверждался новый, отличный от средневекового, тип города — административного и торгового центра, определялись новые городские границы. Несмотря на многообразие проектных решений, идеалом являлась компактная городская территория с отчетливо выраженным центром и сетью прямых улиц. Как правило, при разработке новых планов предусматривалось значительное увеличение городского пространства, что создавало хорошие возможности для территориального развития городов и позволяло многим планам сохранять актуальность вплоть до начала XX века. Исследователи древнерусского зодчества отмечают высокий уровень градостроительной культуры проектов, сказавшийся, прежде всего, в сохранении преемственности по отношению к памятникам средневекового зодчества (Шквариков, 1939). Однако в ряде случаев исторически сложившиеся средневековые градостроительные системы были рассечены новыми городскими границами. Сложившаяся в период Средневековья градостроительная структура Тотьмы была лишь частично включена в черту города XVIII в. За его пределами остались Спасо-Суморин монастырь и историческая территория Варниц, а

также Рыбачья слобода. Подобная судьба постигла и Тихвин. Территории, вошедшие в городскую черту, застраивались по утвержденным типовым проектам и планам, а расположенные за ее пределами очевидно дольше сохраняли средневековый облик и сельский характер застройки.

Развитие производства и торговли вызвало появление в этот период крупных ярмарочных центров. Обычно для проведения ярмарок использовались городские торговые площади (Ирбит, Ишим), но уже в XIX веке появилась тенденция вынесения ярмарочных комплексов за пределы городов. Хорошим примером является проект Макарьевской ярмарки архитектора А. Захарова, который предусматривал размещение грандиозного ярмарочного комплекса на свободной и незатопаемой территории к северо-западу от города Макарова на берегу Волги (Шумилкин, 1985).

Характерным для второй половины XVIII в. — начало XIX века является развитие усадебного строительства в окрестностях городов. Образцом для дворянства являлась система загородных императорских резиденций в окрестностях Санкт-Петербурга. Петергоф, Царское Село, Гатчина, Ораниенбаум с парками и окружающими их слободами, заселенными дворцовыми служителями и строителями, стали основой для формирования городов.

Сочетание города и дворцово-паркового ансамбля в провинциальном русском градостроительстве сравнительно редки. Одним из наиболее известных примеров является Богородицк с построенным в 1771—1776 гг. на высоком берегу Уперты на месте крепости XVII в. дворцом Бобринских. Усадьба стала композиционным центром города. На противоположном берегу реки известный садовод А.Т. Болотов разбил парк. Интересный пример представляет собой Выборг с усадьбой Монрепо. В руках Людвиг фон Николаи (1737—1820) усадьба превратилась в одну из наиболее значительных резиденций русского дворянства, прежде всего благодаря своему ландшафтному парку. Интересно, что уже в начале XIX в. парк был открыт для доступа посетителей, восторженный отзыв о его посещении оставила, в частности, А.П. Керн.

Одним из последствий развития усадебного строительства во второй половине XVIII — начале XIX века стало появление многочисленных усадеб в окрестностях старых городов. Наличие крупной пригородной усадьбы в ближайших окрестностях города было характерно как для губернских (Казань, Калуга, Воронеж), так и для уездных городов (Козельск, Тор-

жок, Торопец, Старица, Остров, Гдов и др). Замечательной целостностью отличается усадебное окружение Торжка, включающее усадьбы Митино и Василево, расположенные по берегам Тверцы, Никольское-Черенчицы, Арпачево, Знаменское-Раёк. В проектировании усадеб и отдельных построек принимал участие замечательный архитектор Н.А. Львов. В окрестностях Старицы сохранились усадьбы Вульфов Павловск, Малинники, Берново, в которых бывал А.С. Пушкин (*Веденин, Чалая, 1997*). Окрестности Торопца сохранили систему усадебных гнезд, расположенных в окружении живописных ландшафтов (*Иванова, 2000*). Города и окружающие их усадьбы в ряде случаев представляют собой градостроительное и художественное единство. При выборе места для усадьбы владелец руководствовался красотой места, его близостью к столице или уездному городу, но большую роль сыграла исторически сложившаяся система земельных владений, в которую город был включен наряду с именьями.

Связи города и усадьбы обычно не ограничивались единством архитектурного стиля, но могли носить и экономический характер. Вторая половина XVIII в. вызвала к жизни явление *рассеянной мануфактуры*, когда производственная деятельность концентрировалась в окружающих город усадьбах. Примером может послужить возникшая в XVIII в. система суконных фабрик в крупном селе Рассказово и окрестных селах — Бондари, Татаново, Тулиновка, Новая Люда в Тамбовской губернии. Сформировавшиеся на основе усадебных мануфактур селения Рассказово и Новая Люда в 20-х гг. XX в. получили статус города.

После завершения Отечественной войны 1812 года появляются примеры закладки мемориальных парков в окрестностях малых городов. В конце XIX в. в Малоярославце был разбит лесопарк «Дубки» на месте, где в 1812 году располагался лагерь русской армии. Он расположен в северо-восточной части города у края плато над долиной реки Лужи. Площадь парка около 25 га. В настоящее время в нем сохранилось до 400 столетних дубов. В XIX в. мемориальный парк был разбит жителями прусского города Прейсшиш-Эйлау (ныне — Багратионовск Калининградской области), где в 1807 г. произошло Эйлауское сражение между русскими войсками под командованием Багратиона и французскими войсками Наполеона.

Период второй половины XVIII—XIX вв. ознаменовался развитием системы рекреационных поселений, дачных и курортных местностей. Как

дачная местность прославились окрестности Сестрорецка, расположенного на Карельском побережье, на берегу Финского залива. Курорты возникают на базе соляных промыслов в окрестностях древних городов Тотьмы, Леденгска и Солигалича. В конце XVIII — начале XIX в. получают развитие курорты на Кавказе. Для этого периода характерно сочетание курортной местности с крепостью, заложенной для охраны отдыхающих. Примером может послужить Пятигорск. Район целебных горячих вод на склонах гор Машук и Горячая осваивался с 1780 г., когда в 4 км от него была заложена Константиногорская крепость. Приезжающие на лечение жили в крепости или во временных палатках близ источников. В 1803 г. было решено создать курорт, а уже в 1830 г. курорт получил современное название Пятигорск и статус города.

Необходимо отметить, что в период XVIII — первой половины XIX века идеал города очевидно претерпел некоторые изменения, которые коснулись, в частности, представления о городских границах. Если первые проекты регулярных городов развивали античную идею священной границы городской территории, которая закреплялась рвом и валом, то уже в середине XIX века как определенная ценность воспринимается удобная транспортная связь города с его окружением. В высказываниях инженера М.С. Волкова намечается новый идеал малого города — центра торговли и искусств, сочетающего преимущества городского и сельского образа жизни, связанного с окружающим ландшафтом. Тот же М.С. Волков пропагандировал идеи немецкого экономиста Тюнена, который предполагал планировать строительную деятельность города и размещение производства вне зависимости от городских границ, а в соответствии с экономической целесообразностью, в частности, временем и стоимостью транспортных расходов по перевозке людей и товаров (Иванова, 1989).

ЭВОЛЮЦИЯ ОКРУЖЕНИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ

В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД И НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Пореформенный период в истории России ознаменовался развитием промышленности, быстрым ростом городов и связанным с ним поиском новых форм расселения. Начало XX века ознаменовалось критикой больших городов и увлечением концепцией города-сада.

Развитие комплексов мануфактур в Центральном Нечерноземном районе, в том числе на территории Московской губернии, создали предпосылки для развития будущего «русского Манчестера» — Иваново-Вознесенска, а также будущих городов Наро-Фоминска, Реутово, Раменское и многих других. Воскресенская мануфактура, принадлежавшая Якупчиковым, была построена в окрестностях старых сёл Малая Нара и Фоминское, объединенных в 1864 г. Комплекс *мануфактуры*, помимо производственной территории с парком и плотиной, включал казарменный городок для рабочих, построенный в конце XIX в., церковь, к нему примыкали исторические сельские поселения и дачный поселок.

Развитие транспортной сети сопровождалось строительством железнодорожных станций на территории самих городов и в их ближайших окрестностях малых и средних городов. Примеры железнодорожных станций и их градостроительной роли многочисленны. Характерным примером может служить градостроительное развитие города Ишима Тюменской области. В Ишиме *железнодорожная станция* была основана на расстоянии около 2-х км и соединялась с городом дорогой. Вокруг станции выросло железнодорожное депо с водонапорной башней и поселок железнодорожников. Стиль железнодорожных построек, возведенных из красного кирпича, повлиял на архитектуру жилых и общественных зданий города конца XIX — начала XX века.

Примером изменений в окружении городов-заводов может послужить Кыштымский горный округ. Реформа 1861 года для Кыштымского горного округа, как и для всей российской промышленности, открывала новый, более благоприятный период. Пореформенный период в истории заводов Кыштымского горного округа характеризуется развитием художественного литья, главным центром которого становится Каслинский завод. Особое внимание в конце XIX века уделялось лесному хозяйству, где стали проводиться лесоохранные мероприятия. Развитие сельского хозяйства и мукомольного производства потребовало дополнительного использования водных ресурсов, в частности, строительства плотин на речках и прудах. Одновременно в окрестностях города Кыштыма в 1870-е годы появляются комплексы Дальней и Ближней дачи, которые стали предшественниками ныне многочисленных рекреационных учреждений в окрестностях Кыштыма. Большие изменения произошли в развитии транспортной си-

стемы. Несмотря на то, что вплоть до конца XIX века основным являлся гужевой транспорт, все большую роль стала играть открытая в 1891 году Екатеринбургско-Челябинская железная дорога. К концу XIX века заводской поселок Верхне-Кыштымского завода представлял собой поселение городского типа с населением около 18 000 человек (Линник, 2003).

Процесс экономического развития второй половины XIX — начала XX века затронул не только города, но и окружающие их сельские поселения. Примером может послужить сельское окружение города Ялutorовска, расположенного на юге Тобольской губернии, где были сосредоточены основные *маслодельные предприятия*. Связь с городом наложила отпечаток на архитектурную среду окружающих его сел, в которой доминировали деревянные двухэтажные дома зажиточных обитателей, построенные по типовым проектам для городской застройки (*Исторический город Ялutorовск*, 1997).

Особым типом градостроительно-ландшафтных комплексов в окрестностях городов были так называемые *лесные школы*. Одна из первых лесных школ была организована еще в начале XIX века в окрестностях Козельска. Наиболее известным примером такого рода является знаменитый поселок Лисино-Корпус близ Тосно. Во второй половине XIX века лесная школа появляется в окрестностях Тотьмы (*Иванова, Чалая, 2004*). Обычно лесная школа представляла собой небольшой поселок с жилыми и учебными корпусами и участком леса, где проводилось обучение будущих лесников.

Отношения города и усадьбы в этот период получили новое содержание. Одним из последствий демократизации общества была деятельность земства, в состав которого входили представители крупных помещиков, крестьян и интеллигенции. Владельцы крупных усадеб, расположенных в окрестностях малых городов, в этот период активно участвуют в формировании облика малых городов, финансируя строительство учебных зданий и медицинских учреждений. На средства Оболенских, владевших усадьбой «Березичи» в окрестностях Козельска, строится городское училище (*Иванова, 1999*). Владельцы усадьбы Гагарины в Сергиевском (будущем городе Плавске) разворачивают строительство торговых рядов, благотворительных учреждений для профессионального обучения сельских детей, общежития для сезонных рабочих, больницы. Стиль этих построек до сих пор определяет архитектурный облик города (*Шевчук, 1994*).

Важным культурным явлением, характерным для рубежа веков, становится появление *усадеб — художественных центров в окрестностях городов*. Такими художественными центрами являются Талашкино близ Смоленска, Бёхово Поленовых близ Тарусы, Абрамцево рядом с Сергиевым Посадом. В 8 км от Сестрорецка в поселке Репино (бывшая Куоккала) находилась усадьба И.Е. Репина, в которой он жил в 1899—1930 гг.

Во второй половине XIX — начале XX вв. происходит развитие рекреационной системы, включающей дачные поселки и дачные местности в окрестностях городов, а также города-курорты. Примером могут послужить окрестности старинного русского города Плёса, которые во второй половине XIX в. становятся популярной дачной местностью, прославившейся как «Русская Швейцария», и любимым местом отдыха артистов и художников. В окрестностях Плёса И.И. Левитан написал картины: «Золотая осень», «Вечерний звон», «Березовая роща», «Вечер», «Золотой плес» и другие произведения (Веденин, 1997).

Развитие системы железных дорог сделало более доступными отдаленные курорты, как на севере страны, так и на юге. Кисловодск, Минеральные Воды, Железноводск, Пятигорск, связанные системой железных дорог, превращаются в *своеобразную курортную агломерацию*. С 1896 г. начинается развитие Сочи на месте военного укрепления, которое превращается в центр огромного курортного района.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОКРУЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ

Характер историко-культурного окружения городов в значительной степени связан с их историческими типами и градостроительными идеалами, характерными для Средневековья (столица удельного княжества, военный город-крепость, торговый посад), XVIII — первой половины XIX века (город-резиденция, уездный город, город-завод, верфь, торговый город), пореформенного периода (город-мануфактура, город-курорт и др.). Однако если типам городов посвящена обширная литература, то окружение как отдельная проблема не рассматривалась.

Рассматривая в целом проблемы окружения малых исторических городов Средневековья, можно отметить, что на протяжении всего периода роль градостроительно-ландшафтных комплексов в их окружении могла сменяться под влиянием изменения политического устройства государства, социальной структуры городского общества, фортификационной доктрины. В частности, если возведение монастырей в окрестностях городов продолжалось вплоть до начала XX века, то строительство княжеских резиденций в окрестностях городов было исторически ограничено периодом феодальной раздробленности. Позднее княжеские резиденции превратились в усадьбы, монастыри, реже — в обычные сельские поселения, унаследовав историческое ландшафтное окружение. Примером трансформации может служить превращение солеваренных промыслов в курортные местности (Тотьма, Галич, Солигалич), создание курорта на месте военной крепости Сочи.

Актуальной проблемой является установление закономерностей формирования городского окружения и *моделей его развития*. Как показывает анализ развития новых городов, существующих в условиях относительной изоляции, процесс формирования окружения может быть описан как процесс адаптации города-организма к окружающей среде (Козыренко, 1988). Процесс первоначальной *адаптации* поселения связан выбором оптимальных условий существования поселения, осмыслением природного окружения, появлением новой культурной топонимии. Одним из проявлений процесса адаптации может быть перенос места города на ранней стадии его существования (Спасск-Рязанский, Калуга, Камышин, Тотьма, ряд городов Дальнего Востока и др.). На стадии значительного развития городского поселения адаптация может привести к появлению поселений-спутников, «восполняющих» некоторые городские функции (система обороны, торговля, продовольственная или сырьевая база, рекреация) и пр. В районах с развитым рыбным промыслом и охотой, адаптация связана с появлением временных поселений («жиры» в окрестностях Пустозерска), местоположение которых связано с путями сезонной миграции рыбы и животных. Процесс адаптации поселения можно наблюдать в ходе освоения производственных ландшафтов, как показывают примеры Тотьмы и Тихвина, такой процесс может сопровождаться не только изменением положения центра, но обратимой трансформацией центра и периферии.

Процесс адаптации (приспособления) к окружающей среде может сопровождаться трансформацией (изменением) отдельных ее элементов (вплоть до уничтожения) и наследованием (сохранением). Процесс наследования сопровождается включением существовавшего ранее элемента ландшафта, в том числе природные и градостроительные объекты, в новое смысловое пространство. Примером может послужить «наследование» городским поселением сложившихся в догородской период существования территории градостроительных структур, включая пространственные, визуальные, экономические, социальные и другие связи. В процессе наследования, в частности, система старых татарских поселений в окрестностях Ялutorовска могла получить новую хозяйственную специализацию, а старинные прусские святилища и городища могли трансформироваться в крепости (Камсвикус) и элементы ландшафтного окружения (Кегельсберг в Преиссиш-Эйлау). Оригинальным примером осознанного наследования сакрального пространства может послужить история жертвенного места Ойяс-Ойки в Берёзове. Возведенная здесь церковь Рождества Богородицы считалась одновременно домом божества хантов и манси, представители коренных народов Севера допускались в храм во время богослужений без совершения крестного знамения. В отечественной истории градостроительства наиболее изучен процесс наследования по отношению к планировочным структурам средневековых городов в процессе их перепланировки в конце XVIII — начале XIX века, которому посвящены многочисленные публикации, в то время как процесс наследования окружения не рассматривался.

Итогом процесса адаптации поселения, очевидно, является формирование культурного пространства города, которое, в отличие от собственно городской территории, не замыкалось в городских стенах, но включало и его ближайшее окружение, закрепляя не только визуальные, но и исторические, функциональные, образно-символические и другие виды связей.

Процесс формирования окружения исторического города в эпоху Средневековья может быть лишь частично объяснен на основе модели «организм — среда», которая более характерна для начальных периодов относительно изолированного существования поселения. Рассматривая положение города в сети расселения, можно сказать, что ближайшее окружение города играло роль своеобразной границы культурных пространств различных со-

циальных и этнографических групп, зоны социальных и этнических контактов (ярмарочная территория) и конфликтов (поля сражений). Соседство города и монастыря в ряде случаев объясняется наличием встречных потоков городской и монастырской колонизации, а пригородных селений — сельской колонизации.

Проблемы изучения городского окружения тесно связаны с представлениями о сущности города, которые на протяжении многих лет являются предметом научной дискуссии. Как известно, многие поселения, имевшие статус города, не только в период Средневековья, но и в XVIII—XIX вв. сохраняли отличную от городской социальную и профессиональную структуру и связь с сельским хозяйством. В то же время историки градостроительства обычно распространяют понятие города на крупные промышленные поселения XVIII — начала XX века, которые не получили статуса города по ряду субъективных причин (Лотарева, 2003; Сергеев, 1986). Одной из актуальных проблем является определение статуса городов-заводов, которые в совокупности с округами представляли собой крупные градостроительно-ландшафтные комплексы. В настоящее время, когда тема сохранения индустриального наследия приобретает особую актуальность, внимание специалистов и общественности концентрируется на памятниках производственной архитектуры, которые действительно представляют собой наиболее ценную и уязвимую часть наследия. отождествление заводских комплексов с городами также не исчерпывает их градостроительного своеобразия как центров больших производственных ландшафтов.

Недостаточно изучены причины появления монастырских комплексов в окрестностях городов. Историк В.О. Ключевский объяснял развитие сети монастырей особенностями их хозяйственной деятельности и развитием монастырского землевладения (Ключевский, 1988). Известный исследователь средневековой культуры Н.П. Кондаков связывал их появление с византийской традицией, посвятив специальное исследование расположению церквей и архитектурных комплексов «вне городских стен», что, по его мнению, также имело не столько военно-стратегическое, сколько символически-охранительное значение (Кондаков, 1886). В советской науке преобладала гипотеза о военно-стратегическом значении монастырских комплексов в окрестностях городов, что отчасти было связано идеоло-

гическими причинами. Современные исследования выявляют более сложную картину развития сети монастырей, связанную с идеологическими, социальными, градостроительными, экономическими факторами (Мазур, 1998). Дать обоснованный ответ на этот вопрос может монографическое исследование истории отдельных монастырских комплексов и подробная картина истории церкви в России, что является делом будущего. Даже поверхностное знакомство с материалом дает более разнообразную картину. Среди причин, объясняющих необходимость устройства обителей близ городских стен, письменные источники называют потребности князей в духовном общении и заботу о судьбе души в загробном мире, возможность принять постриг в случае внезапной болезни, а также найти убежище во время городских смут. В ряде случаев возникновение малых монастырей близ поселений было связано с необходимостью присмотра за церковным имуществом. Так возник Спасо-Суморин монастырь близ Тотемского посада и соляных промыслов. Известны случаи приглашения князьями выдающихся деятелей церкви для основания обителей в окрестностях городов.

Приведенные примеры не исчерпывают многообразия взаимоотношения городов и их историко-культурного окружения. Историческое окружение отдельных городов является результатом длительного исторического процесса освоения ландшафтов, включающим и воплощение в жизнь художественных идеалов своего времени. Одной из актуальных современных задач является разработка принципов градостроительного анализа и художественной оценки сложившихся архитектурно-ландшафтных комплексов.

Качество исторического окружения, его семантическая насыщенность должна учитываться при определении «качества» городской архитектуры и историко-культурной и художественной ценности градостроительного объекта. Изучение и сохранение исторического окружения малых исторических городов связано с важной задачей сохранения и познания национального ландшафта, но и может иметь практическое значение для обоснования охранных зон памятников, развития туризма и других вопросов. Сложившиеся пространственные, экономические, социальные и культурные связи, обусловленные характером ландшафта и неповторимой историей города, необходимо учитывать при составлении программ сохранения наследия и исторических ландшафтов. К сожалению, мероприятия последних лет в

ряде случаев способствуют разрыву города и его окружения. Разделение городских и районных властей сильно уменьшает возможность влиять на природное окружение и сохранять весь комплекс наследия, который изначально отличался единством.

Литература

1. Арсентьев Н.М., Дубодел А.М. Во славу России... Трудовая мотивация и образ отечественного предпринимателя конца XVIII — первой половины XIX века. Москва, 2002.
2. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. В 2-х томах. М., 1979.
3. Веденин Ю.А., Шульгин П.М. Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. Географическая, 1992. № 3. С. 90-99.
4. Веденин Ю.А. Основы географического подхода к изучению и сохранению культурного наследия // Наследие и современность. № 12. М., 2004. С. 3-22.
5. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб, 1997.
6. Веденин Ю.А., Чалая И.П. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М., 1997.
7. Веденин Ю.А., Шульгин П.М., Штеле О.Е. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации // Наследие и современность. № 13, М., 2006. С. 4-33.
8. Выборный В.Н. Историко-градостроительные и археологические аспекты в проектном осмыслении развития Новгорода // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997.
9. Города России. Энциклопедия. М., 1994.
10. Заварихин С.П., Кондратьева Е.В., Мильчик М.И. Этапы формирования градостроительной структуры Тихвина до конца XIX в. // Архитектурное наследство. № 34. М., 1986. С. 44-52.
11. Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — страна городов. Челябинск, 2007.
12. Исторический город Ялуторовск: материалы к программе сохранения и

- использования культурного и природного наследия города и его окружения. М., 1997.
13. *Иванова И.Г.* Основные направления развития градостроительной теории России середины и второй половины XIX в. Автореф. канд. дис. М., 1989.
 14. *Иванова И.Г.* Градостроительное своеобразие Торопца и пути его сохранения // *Наследие и современность.* № 8. М., 2000. С. 159-183.
 15. *Иванова И.Г., Чалая И.П.* Историко-культурный и природный заповедник «Тотьма» // *Наследие и современность.* № 12. М., 2004. С. 41-66.
 16. *Иванова И.Г.* Уникальные историко-культурные территории Козельского района // *Живая культура Российской провинции.* Калужский край. Козельский район. М., 1999. С. 22-37.
 17. *Кириченко Е.И., Нащокина М.В.* Градостроительство России середины XIX — начала XX века. М., 2001.
 18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Сочинения. В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 230-269.
 19. *Козыренко Н.Е.* Эволюция градостроительных систем на Дальнем Востоке. Автореф. дисс. ...канд. арх. М., 1988.
 20. *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя, 1886.
 21. *Кремшевская Н.Д.* Кронштадт // *Памятники архитектуры пригородов Ленинграда.* Л., 1983. С. 540-576.
 22. *Кригер Л.В., Чесноков Г.А.* Архитектура исторических городов Воронежской области. Воронеж, 2002.
 23. *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // *Русский город. Исследования и материалы.* Вып. 6. С. 4-36.
 24. *Кудрявцева Т.Н.* Структура и композиционные особенности слободы русского города в XVI—XVII вв. // *Архитектурное наследство,* 1984, № 32. — С. 13-25.
 25. *Кулаков В.И.* От Восточной Пруссии до Калининградской области. Калининград, 2000.
 26. *Линник О.В.* История Уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745—1900 гг.). Снежинск, 2003.

27. *Лотарева Р.М.* Города-заводы России: XVIII — первая половина XIX в. Екатеринбург, 2003.
28. *Мазур Л.Д.* Закономерности развития русского города XI—XVIII вв. Автореф. канд. дис. М., 1998.
29. *Петров А.Н., Петрова Е.Н.* Петровские заводы. Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 606-612.
30. *Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. М., 2004.
31. *Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А.* История градостроительного искусства. М., 2000.
32. *Сергеев И.М.* Промышленные мануфактуры — архитектурно-планировочная основа городов Черноземного центра России. Автореф... канд. дис. М., 1986.
33. *Соколова Е.Н.* Историко-географический анализ формирования и развития монастырской сети на территории Вологодской области // Экология культуры. М., 2000. С. 86 —94.
34. *Шевчук А.В.* Село Сергиевское — город Плавск. Тула, 1994.
35. *Шквариков В.А.* Планировка городов России XVIII — начала XIX в. М., 1939.
36. *Шульгин П.М.* Работа Института Наследия над комплексными региональными программами // Наследие и современность. 10 лет институту Наследия. Вып. 10. М., 2002. С. 19-44.
37. *Шумилкин С.М.* Неизвестные проекты А.Д. Захарова для Макарьевской ярмарки // Архитектурное наследие. Вып. 33. М., 1985. С. 271-277.
38. *Щенков А.С.* Структура русских городов XVI—XVII вв. и их архитектурное восприятие // Архитектурное наследие. Композиционные приемы и традиции. № 32. М., 1984. С. 3-12.

П.М. ШУЛЬГИН,

канд. экон. наук

О.Е. ШТЕЛЕ,

канд. геогр. наук

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ СТРАТЕГИИ ПО СОХРАНЕНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УНИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА РОССИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ — ИСТОКА РЕКИ ВОЛГИ

Задачей проводимого исследования была разработка принципиальных положений освоения территории государственного природного заказника «Исток реки Волги», ориентированного на сохранение природных и культурных ландшафтов, на развитие культуры и туризма. Работа была начата по инициативе администрации Тверской области. В состав рабочей группы по выполнению этого научного исследования помимо специалистов Института Наследия в качестве разработчиков и консультантов вошли также тверские специалисты по охране памятников истории и культуры и природных объектов (В.А. Кустов, А.С. Сорокин), группа архитекторов-проектировщиков, работающих с объектами деревянного зодчества (А.И. Клименко, В.Н. Панфилов).

В основу концепции развития и обустройства Волговерховья заложены условия бережного сохранения природной, ландшафтной и культурной среды истока реки Волги при формировании конкурентоспособного туристского продукта как для российского, так и международного рынков. Отмечается, что исток реки Волги является не только объектом природного и культурного наследия, его можно назвать одним из национальных символов России, важнейшим объектом Всемирного наследия. Обращение к данной теме нашло отражение в разное время в исследованиях тверских специалистов по охране наследия, природоведов, экологов, историков, краеведов. Аналитические обобщения результатов этих исследований были использованы для разработки материалов концепции обоснования комплексного освоения территории Истоковолжья.

ОЦЕНКА ОБЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОВЕРХОВЬЯ

На территории Тверской области в Осташковском районе находится исток самой крупной реки Европы и самой крупной реки европейской части Российской Федерации. Длина Волги — 3531 км, площадь ее бассейна — 1360 тыс. кв. км (для сравнения: Дунай — 2851 км и 817 тыс. кв. км; Рейн — 1320 км и 252 тыс. кв. км). На Волге находятся многие известные исторические города России, места, связанные с выдающимися событиями в истории государства, жизнью и деятельностью великих людей. Волга протекает через территорию 15 современных субъектов Российской Федерации и продолжает играть важнейшую роль в хозяйственном развитии всех регионов волжского бассейна. Она входит в число самых известных рек мира.

С бассейном Волги связано становление и развитие русского государства, на протяжении долгого времени российской истории Волга была главным торговым путем России и его важнейшей экономической артерией. В период Средневековья развитие России осуществлялось постепенным присоединением земель, находящихся по течению Волги. В XIX и первой трети XX века торговые перевозки по Волге, как и Нижегородская ярмарка, играли основную роль в экономике страны. Образ Волги, запечатленный в народных преданиях, в литературе, искусстве во многом отождествляется с образом России, неотделим от ее истории.

С основанием деревни Волговерховье (в XVIII в.) начинается обустройство истока великой реки, установка на этом месте деревянной часовни или деревянной иордани. В начале XX века здесь основывается женская община, преобразованная в женский общежительный монастырь св. Ольги, сооружаются церкви: деревянная Никольская и каменная Преображенская.

Исток Волги находится на Осташковской гряде Валдайской возвышенности, непосредственно на Каспийско-Балтийском водоразделе. Лесистая, с невысокими холмами и ощутимыми перепадами высот территория Волговерховья отличается своей живописностью от соседних равнинных участков. Непосредственно исток находится в низинном болотце (абсолютная высота 228,3 м над уровнем моря). Волга небольшим ручейком протекает мимо де-

рени Волговерховье, деревни Вороново и затем впадает в озеро Стерж, где ширина ее русла увеличивается уже до 3—4 м, а глубина превышает 1 м.

Важность этого места, живописность и относительная нетронутость природы стали основанием для создания в 1970-х годах государственного природного заказника «Исток реки Волги», территория которого была расширена в начале 2000-х годов. Здесь также находятся объекты культурного наследия (монастырские строения, памятники археологии, старинные сельские поселения). В совокупности эта территория привлекает к себе внимание как исток великой реки, как место культурного и религиозного паломничества, как живописная ландшафтная территория с гармоничным сочетанием природных и историко-культурных характеристик. Туристское освоение должно стать приоритетом развития данной территории.

Для этого существуют все необходимые предпосылки. Места у истока Волги уже сейчас активно посещаются туристами и паломниками. Посетителей привлекают сюда достопримечательности озера Селигер — одного из крупнейших озер Среднерусской равнины, насыщенного неглубокими и удобными для отдыха плесами, красивыми природными объектами, интересными памятниками истории и культуры. По своему значению для европейской части России озеро Селигер имеет практически такую же роль, как Байкал для Сибири — уникальный природный памятник, связанный с легендами, с историческими событиями, с памятниками археологии и архитектуры. Здесь расположен исторический город Осташков, сохранивший историческую планировку и более 200 памятников архитектуры, знаменитый монастырь Нилова Пустынь. Верховье Волги богато другими многочисленными природными объектами, археологическими памятниками, монастырскими и церковными комплексами (среди которых и знаменитая деревянная церковь Ширкова Погоста).

Точного учёта количества посетителей этого места не существует, но, по оценкам экспертов и специалистов ежегодный объем посетителей истока Волги составляет примерно 30-35 тыс. человек. Это организованные экскурсанты, паломники и участники ежегодного крестного хода, самостоятельные автопутешественники. Из-за отсутствия условий для ночлега и должной инфраструктуры среднее время посещения истока незначительно, продолжительность пребывания здесь туриста составляет от 20 минут до

1 часа. В силу этих причин современная экономическая отдача туристского потенциала Истоковолжья также невелика.

Вместе с тем при должной организации здесь может возникнуть чрезвычайно привлекательный и посещаемый туристский центр. Уже сейчас туристское освоение района озера Селигер, исторического города Осташкова и других верхневолжских озер составляет в год 400 тысяч посетителей. Проходящая по территории Тверской области трасса Москва — Санкт-Петербург имеет потенциал более 1 млн туристов. Все более осваивается туристами трасса Москва — Рига. В Тверской области зарождается современная инфраструктура культурно-познавательного туризма, активно растет число туристов, использующих автобусные маршруты.

Организация туристских гостиниц у истока Волги, создание возможностей ночевки туриста здесь позволит выстроить систему маршрутов, соединяющих эти важные туристские трассы. Такая стратегия создаст возможность как активного посещения собственно истока Волги, так и сформирует дополнительные предпосылки туристского посещения Вышнего Волочка, Осташкова, Андреаполя, Торопца. Туристское освоение истока Волги создает также новые мощные предпосылки для дальнейшего развития туризма в Тверской области в целом.

Важно отметить следующее: исток Волги является одним из доступных истоков великих рек. Большая часть великих рек мира берет свое начало в горах (Нил, Амазонка, Янцзы, Хуанхэ, Ганг, Инд) и их исток доступен только хорошо подготовленным группам путешественников, спортсменов. Исток Волги не только доступен осмотру, обозрению, «прикосновению» пришедшего сюда путешественника или паломника, он также находится сравнительно недалеко от трех исторических столиц: Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ И ОБУСТРОЙСТВА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИРОДНОГО ЗАКАЗНИКА «ИСТОК РЕКИ ВОЛГИ»

Территория истока Волги имеет жесткий охранный статус. Она является особо охраняемой природной территорией — государственным природ-

ным заказником. «Исток реки Волги» (рис. 1). Он создан как комплексный заказник, предназначенный для сохранения и восстановления природных комплексов (природных ландшафтов). Главную роль в этой системе играет гидрологический объект — собственно исток Волги, но не менее важно сохранение всего природного и культурного ландшафта данной территории как единого исторически сформировавшегося комплекса.

На территории природного заказника находятся объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), имеющие в том числе и федеральное значение. Объекты культурного наследия также имеют жесткий охранный статус, который распространяется и на окружающую их территорию — зоны охраны. Собственники, владельцы и пользователи земельных участков, которые расположены в границах государственных природных заказников, а также зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) обязаны соблюдать установленный режим особой охраны и несут за его нарушение административную, уголовную и иную установленную законом ответственность.

Необходимость сохранения уникального объекта наследия, каким является исток реки Волги, предъявляет повышенные требования к режимам возможной деятельности на охраняемой территории. Поэтому намеченная стратегия освоения территории вокруг истока Волги отвергает возможность какого-либо нового строительства в этом месте учреждений отдыха и туризма. Выбран следующий принцип: *восстанавливается традиционная застройка трех существовавших возле истока Волги деревень: Вороново, Волговерховья, Люшино, которой придаются новые функции, отвечающие условиям развития обслуживания туристов и экскурсантов, а также направленные на размещение в них природоохранных служб и служб, обеспечивающих различные аспекты организации посещения истока Волги. Фактически ставится задача восстановления традиционной сельской расселенческой системы у истока Волги, компенсационного строительства в рамках исторических границ сельских поселений, используя при строительстве традиционные архитектурные формы.*

Схему организации туристского и экскурсионного обслуживания на территории истока реки Волги предполагается построить следующим образом.

Первую организационную точку (остановку) на маршруте к истоку Волги целесообразно расположить за пределами заказника. Этой точкой является *деревня Свапуще* (в 19 км от истока Волги), где дорога поворачивает на Волговерховье.

В этом пункте уместно организовать небольшой информационный центр, предоставляющий первичную информацию об истоке Волги, о возможностях экскурсионного посещения или ночлега с развернутым туристским обслуживанием и пр. Такие формы предварительного информационного обслуживания по дороге к цели путешествия позволяют туристам заранее ознакомиться с предлагаемыми программами пребывания и отдыха на истоке Волги. Этот информационный центр рекомендуется расположить в небольшом деревянном доме в русском стиле, выделив его архитектурными и декоративными средствами из других зданий деревни. Он может быть организован на базе строений, принадлежащих в настоящее время Истоково-волжскому лесничеству.

При информационном центре находится небольшая автостоянка. Поворот к истоку Волги, расположение информационного центра фиксируются специальными художественно выполненными указателями. Здесь же целесообразно разместить большое панно, представляющее карту-схему территории истока Волги с основными объектами и маршрутами.

Деревня Вороново является основным местом въезда туристов и экскурсантов, религиозных паломников, направляющихся к истоку Волги, и основным пунктом размещения туристов. Несколько жилых домов, их хозяйственные постройки формируют традиционную жилую среду Воронова. Всего здесь находится 7 домов, из которых только 3 являются постоянно заселенными. В начале XX века Вороново насчитывало до 35 дворов.

От Свапуще до Воронова в настоящее время пролегает грунтовая дорога. Требуется асфальтирование этого участка дороги. Асфальтовая дорога будет доходить примерно до середины деревни Вороново, где будет располагаться дирекция заказника.

От Воронова до Волговерховья должна сохраняться гравийно-грунтовая дорога, по которой передвижение для частных машин и экскурсионных автобусов предполагается закрыть. Посетитель будет проходить это расстоя-

ние (примерно 1 км) пешком, постепенно входя в природный мир Валдайской возвышенности и приближаясь к истоку Волги.

Схема предполагаемого туристского обустройства Воронова (рис. 2) учитывает конфигурацию деревни, которая состоит из двух исторических частей: так называемого писцового Воронова — южная часть и Алексеевской — северная часть (рис. 6). Функционально обустройство южной и северной частей Воронова будет выглядеть следующим образом.

В южной части Вороново (но не непосредственно в деревне) будет расположена стоянка экскурсионного и личного автотранспорта. Варианты размещения стоянки обусловлены задачей сохранения целостности ландшафта при минимальном ущербе, наносимом природной среде.

В южной части планируется размещение визит-центра, выполняющего организационную и сервисную функцию. Это важнейший в организационном плане объект при подъезде к истоку Волги. Он позволит туристу получить информацию о всех составляющих регионального туристского продукта (памятниках природы, экологических тропах, музеях и других достопримечательностях, гостиницах и других средствах размещения, ресторанах, развлечениях, народных промыслах, услугах автостоянок, местном транспорте и т.п.), приобрести справочную и краеведческую литературу, туристские карты, видео- и аудио- продукцию, сувенирные компакт-диски и пр. Здесь также будут осуществляться функции бронирования гостиниц и других мест размещения (как на территории заказника, так и по дальнейшему маршруту, например, в Осташкове, Твери и др.), заказ экскурсий и транспорта. В помещении визит-центра ежедневно консультируют и обслуживают людей, приехавших к истоку Волги. Здесь предполагается разместить:

- службу приема, где сотрудник отвечает на вопросы посетителей и выполняет прием заказов на бронирование гостиничных домиков или номеров, экскурсий, посещение культурных мероприятий, бронирование транспорта и пр.;
- информационную стойку с многочисленными (как платными, так и бесплатными) материалами для туристов — картами Волговерховья, Осташковского района и Тверской области, брошюрами музеев, магазинов, ресторанов, а также товарами туристского ассортимента (фото- пленка, сувениры и пр.).

Визит-центр должен легко узнаваться приезжающими. Как правило, он выделяется вывеской с большой латинской буквой «i» (от слова информация — «information»). Место информационного центра должно быть указано и на всех туристских картах области и района.

В южной части деревни сохраняются условия проживания местных жителей и их хозяйственной деятельности с учетом проектируемых решений обустройства территории заказника и задач туристского развития. Это, прежде всего, касается существующего фермерского хозяйства, роль которого чрезвычайно важна в поддержании традиционных сельскохозяйственных угодий и сохранении местного культурного ландшафта. Собственно фермерское хозяйство также может стать одним из объектов туристского показа и использоваться в туристских и экскурсионных маршрутах. Здесь могут быть предложены «крестьянские обеды», проба парного молока, осмотр домашних животных (с которыми многие городские дети уже не сталкиваются в повседневной жизни).

Южная часть Воронова имеет перспективы для дальнейшего хозяйственного и селитебного развития. В случае необходимости здесь может быть выстроено несколько домов для размещения сотрудников заказника, работников гостиничного комплекса или другого обслуживающего персонала.

В центральной части Воронова будет размещена администрация государственного природного заказника «Исток реки Волги». Для нее намечен многофункциональный административный блок с офисом и основными службами, который может иметь вид сельской усадьбы. В ее состав будут входить следующие помещения:

- дом дирекции с рабочими помещениями для руководства заказника, комнатой для проведения рабочих совещаний, деловых встреч;
- дом с рабочими помещениями для сотрудников заказника, со встроенным конференц-залом, необходимым не только для рабочих встреч, но и для проведения различных мероприятий, связанных с обслуживанием приезжающих на исток Волги туристов и других категорий посетителей (встречи по интересам, конгресс-туризм, бизнес-проекты);
- хозяйственные постройки, которые могут одновременно служить местом стоянки телег, саней, хранения другого инвентаря.

В северной части современной деревни Вороново (историческая часть бывшего Алексеевского) будет находиться основной туристский комплекс — *туристская деревня*. Предполагается, что она должна представлять собой совокупность деревянных домов традиционной архитектуры, вписанных в исторические параметры застройки деревни и местного ландшафта с сохранением исторически сложившейся линии застройки деревни. Наиболее уместна усадебная структура ее организации. Недопустим принцип коттеджного или дачного строительства.

Существующая здесь площадка достаточна для размещения примерно 15-20 домов общей вместимостью до 150 мест. При соблюдении исторического облика воссоздаваемых деревенских домов для туристского использования в исторических деревнях их внутренняя отделка предполагает создание необходимых удобств и всех видов комфорта: современное сантехническое оборудование, водоснабжение, подогрев воды и пр. Дома будут спланированы как под заселение одной семьей, так и с разделением на несколько жилых комнат и будут предоставлять разную степень комфорта.

Туристская деревня в Воронове будет также иметь отдельное здание с конференц-залом, где будут проходить концерты, выставки, научные встречи. В туристской деревне будут работать рестораны русской и европейской кухни, будут предоставлены услуги для любителей верховой ездой, поездок на санях, телегах (но без развлечений экстремального типа), будет организована рыбалка на соседних озерах.

Из Воронова расходятся основные экскурсионные и туристские маршруты. Главным из них является экологическая тропа к истоку Волги. Предполагается, что именно по ней будет проходить основной поток посетителей, направляющихся к истоку великой реки. Начинается тропа от указателя, расположенного у дороги Вороново — Волговерховье. Ее протяженность менее 1 км. Маршрут в настоящее время размечен с помощью маркировочных столбиков и указателей, оборудован мостками через Волгу, переходами через сырые места, определены места для отдыха.

Запланированы и другие экологические тропы. Маршрут по бывшей узкоколейке Волговерховье — озеро Стерж имеет эколого-историческую и археологическую специализацию. Протяженность тропы около 9 км. Тропа может быть использована как для прохождения от Истока к озеру Стерж,

так и в обратную сторону. У деревни Вороново от дороги ответвляется бывшая узкоколейная железная дорога. Сейчас от когда-то существовавшей узкоколейки осталась только насыпь, сохранились остатки мостков через ручьи. Тропа имеет мемориальную ценность — проложенная здесь узкоколейная дорога эксплуатировалась во время Великой Отечественной войны. Тропа характеризуется высоким разнообразием природных экосистем: леса разного породного состава и структуры, озера Большие и Малые Верхиты, ручьи — левые притоки Волги, крупные валуны.

Третий экскурсионный путь может быть назван маршрутом «Через Великий водораздел». Его протяженность 15–16 км. Ценность данного маршрута заключается и в том, что он проходит по территории двух водосборных бассейнов: Каспийского и Балтийского морей. Данная тропа наиболее привлекательна с точки зрения разнообразия природных сообществ, встречающихся на пути, характеризуется пересеченностью рельефа, что повышает эстетическую ценность маршрута.

Четвертый маршрут, проходящий в направлении Вороново — Люшино (с ответвлением на Волговерховье) может быть назван историко-этнографическим. Он проходит по исторической дороге и дает возможность посещения всех трех населенных пунктов у истока Волги.

Деревня Волговерховье является основным пунктом на маршруте к истоку Волги. В настоящее время здесь насчитывается 13 постоянных жилых строений, дома используются главным образом сезонно. В прошлом деревня имела свыше 100 жилых строений. Воссоздается православный монастырь Святой княгини Ольги: восстановлены два ранее существовавших здесь храма (каменная церковь Преображения и деревянная Никольская церковь), организуется монашеская жизнь.

Это историческое поселение выступает как главный объект туристско-экскурсионного осмотра и место религиозного паломничества. Главной достопримечательностью естественной культурно-ландшафтной территории является исток реки Волги — своеобразный музей под открытым небом.

Волговерховье (рис. 3, 4а, 4б, 5) относится к ареалу наиболее деликатной организации туристской инфраструктуры. Здесь не предполагается значительного туристского развития (как в Вороново). Из туристских объектов намечается только строительство небольшой монастырской гостини-

цы (в виде нескольких традиционных деревенских домов в исторической структуре деревни). Здесь также необходимо создать музейный комплекс, посвященный истоку Волги, который знакомил бы посетителей с природой края, культурным наследием Истоковолжья, историей местных деревень и монастыря, ролью Волги в жизни России.

Предполагается создать три экспозиции, каждая из которых займет отдельную усадьбу. Обязательна музеефикация дома Седловой, как самого старого дома в деревне (1883 г.), в нем будет находиться «Музей истории деревень Истоковолжья». В двух других домах, которые будут возведены на местах несохранившихся построек с учетом типологических особенностей исторической застройки деревни Волговерховье, предполагается разместить «Музей истока Волги» и «Музей “Волга от истока до устья”».

Предполагается также восстановить здание старой почты на месте находившегося в деревне Волговерховье дома с помещениями почтового отделения (существовавшего в 1913–1924 гг.). Почта будет располагаться за мостом через Волгу по дороге в деревню Люшино. Там будет размещено современное почтовое отделение, где можно будет купить почтовый сувенир (открытку, конверт с изображением истока Волги), там же будет производиться гашение почтовых отправлений специальным штемпелем.

Как уже отмечалось, от Воронова до Волговерховья проезд для транспорта предполагается закрыть. К истоку Волги будет вести существующая дорога с гравийным покрытием. Пешеходный режим использования дороги позволит сохранить естественный облик исторической территории. Посетитель может пройти расстояние от Вороново до Волговерховья несколькими способами:

- по существующей дороге с твердым покрытием (расстояние примерно 1 км);
- по экологической тропе, проходящей через небольшой мост через Волгу и далее выходящей к храму св. Ольги (расстояние около 700 м).

Для большинства туристов путь по экологической тропе, снабженной соответствующими указателями, и в сопровождении специалиста, возможно, будет более интересным. Целесообразно организовывать путь к истоку и обратно по разным маршрутам (это также позволит развести в пространстве экскурсионные потоки). Для людей, которым пеший путь труден,

будет предложен гужевой транспорт (в перспективе, возможно, электро-транспорт).

Для функционирования монастыря предполагается часть административных, хозяйственных, жилых объектов разместить на самой территории монастыря, а часть вспомогательных объектов — за пределами монастырской территории в исторической застройке Волговерховья.

Очень важен вопрос о монастырской ограде, которая необходима для обеспечения традиций монастырского образа жизни. Сооружение ограды не должно нарушить существующих визуальных ландшафтных связей и вида на исток Волги; ограда должна быть невысокой, чисто символической. Например, валунная ограда высотой от 0,5 до 1 метра, сложенная из валунов, без раствора, насухо — самое простое и идеально вписывающееся в ландшафт ограждение. При необходимости часть стены могла бы иметь невысокое ажурное ограждение (например, с устройством поверху рубленой части из 2—3 венцов под двускатной крышей — в принципе, нечто подобное ограде в Кижих).

За пределами монастырской ограды предполагается разместить следующие объекты. *Гостиница для паломников* на участках утраченной застройки в деревне Волговерховье. Она будет расположена напротив монастыря, на небольшой улице, отходящей в сторону от главной улицы деревни. Первоначально планируется строительство 4—5 домов (примерно на 50 мест), в дальнейшем возможно увеличение их количества по мере расширения масштабов паломнического туризма. *Хозяйственные службы монастыря* в северной части деревни Волговерховье. Здесь рекомендуется размещение наиболее опасных с точки зрения загрязнения окружающей среды служб монастыря. К востоку от монастыря, на свободной территории, будут выделены земли для ведения монастырского хозяйства. Рекомендуется ведение экологически чистых и обоснованных типов монастырского природопользования. Этим условиям отвечает разведение пчел на пасеке, сенокосные угодья, содержание нескольких голов крупного рогатого скота.

Еще на территории деревни Волговерховье намечается построить *загородную резиденцию администрации Тверской области*. Она будет находиться на противоположном от монастыря берегу Волги, вблизи почтового отделения, на месте исторических строений. По проекту резиденция

включает два дома (условно называемые домом пребывания губернатора и домом пребывания его гостей), а также необходимые хозяйственные строения. Комплекс будет построен с учетом типологических особенностей исторической застройки Волговерховья.

К западу от истока Волги находится место бывшей деревни Люшино. В конце 1980-х годов деревня была заброшена, а ее жители переехали в другие места. Часть домов были разобраны и перевезены, часть домов и хозяйственных строений уже полностью разрушились. Местоположение деревни можно определить по нескольким еще стоящим столбам бывшей линии электропередачи, по сохранившейся трассе бывших двух деревенских улиц, небольшим холмам на месте бывших строений, а также по яблоням, садовым кустам и другим культурным посадкам (у одного из домов растет большая лиственница). В начале XX века в Люшине было более 20 домов.

Предполагается возродить деревню, создав на ее месте экологическую туристскую гостиницу. Она будет воссоздавать облик старой русской деревни, а пребывание здесь будет предельно приближено к образу крестьянской жизни конца XIX — начала XX века (с минимумом современных удобств). Экологический туризм в настоящее время является очень важным и чрезвычайно перспективным сегментом мирового туристского спроса. За рубежом подобные гостиницы пользуются большой популярностью, в то время как в нашей стране они еще не получили развития — такого рода объект на истоке Волги может стать одним из первых и одним из самых известных в России. Объекты такого типа сейчас являются одними из довольно востребованных на мировом туристском рынке и служат как туристскими гостиницами, так и центрами экологической пропаганды.

Застройка Люшина когда-то была сформирована на перекрестке улиц. Сейчас этот перекресток можно скомпоновать в виде небольшой деревенской площади. В центре ее целесообразно разместить деревянную часовню (по историческим данным она существовала в деревне). Застройка в целом должна иметь «осташковский» характер и включать различные элементы местной деревянной архитектуры. Такой подход позволяет сформировать туристскую деревню вплоть до названия каждого дома по наименованию того населенного пункта, откуда «скопирован»

определенный тип дома, например: «Залучьенский», «Сорожский», «Сосницкий», «Светлицкий», «Жарский», «Ляпинский», «Березорядский» и т.д.

Экологическая туристская деревня в Люшино будет в перспективе состоять из 8–10 сельских домов и иметь вместимость 60–80 мест. Рекомендуется создать общественный центр в форме постоянного двора. Этот центр может использоваться как столовая, здесь могут проходить общие встречи. В структуру деревни также будут добавлены музейные строения и дома для обслуживающего персонала (вахтовый принцип работы) — 3–4 дома. Рекомендуется сохранить часть брошенной деревни (одичавшие яблони, остатки строений), чтобы наглядно показать былую заброшенность этого места и результаты работы по возрождению деревни.

Подобная туристская деревня будет ориентирована на воссоздание традиционного сельского дома и сельского образа жизни, уровень комфорта в ней будет сознательно занижен: печное отопление, деревенские туалеты и пр. Необходима, однако, резервная подводка электричества (кабельным способом) для неотложных нужд. Вместе с тем такой тип размещения формирует особую нишу предложения экзотических туристских услуг. Эта деревня будет привлекательна как во время летнего, так и во время зимнего сезона.

В Люшине будет действовать экологический и этнографический музей (с двумя отделами). Под каждый из музеев целесообразно выделить по деревенскому дому (новое строительство на старых фундаментах). Основной темой экологического музея в Люшине должна стать природа района истока Волги, ее животный и растительный мир. Экспозиционное пространство следует построить по традиционному принципу, но экспозиция музея будет продолжаться за пределами собственно музейного здания: традиционный крестьянский сад и огород, старые одичавшие садовые деревья на бывших улицах, зарастающая пашня, валуны — следы ледников. С помощью сотрудников природного заказника посетители могут пройти по экологическим тропам, увидеть следы пребывания зверей и птиц, редкие растения. С охотничьих вышек, установленных на открытых территориях, можно наблюдать ночное поведение животных.

Этнографический музей в Люшине должен показать предметный мир русской деревни конца XIX — начала XX века. Первый его отдел — это крестьянская усадьба. Экспозиционное пространство музейной усадьбы должно быть насыщено предметами, отображающими крестьянский образ жизни того времени. Причем всю экспозицию целесообразно сделать интерактивной, используя не музейные фонды, а своего рода муляжи, изготовленные по точным копиям в наше время. Посетитель может взять любой предмет в руки, использовать его по назначению, провести день в крестьянской одежде и лаптях и т.п. Частью музейной экспозиции будет и собственно восстановленная деревня.

Второй отдел этнографического музея — *Музей лесной сказки*. Это музей, специализирующийся на работе с детьми, вводящий их в мир русской традиционной культуры и мир русского леса через образы сказочных героев, через волшебный и таинственный фольклор лесной сказки. На базе этого отдела этнографического музея могут быть отработаны интересные формы познавательной работы с детьми, в том числе просмотр лучших отечественных мультфильмов и художественных фильмов, чтение стихов, сказок, конкурсы рисунков. Одновременно здесь будут закладываться и основы экологического воспитания детей.

Создание подобного музея позволит включить в программы туристской деятельности также весьма значительный контингент посетителей, которые составляют родители с детьми. Дети смогут получить здесь крайне интересное и специально подготовленное для них туристское предложение услуг, которые в настоящее время практически никем не разрабатываются и не предлагаются. В этом заключается один из важных социальных аспектов туристского развития территории истока реки Волги.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЗДАВАЕМОГО ТУРИСТСКОГО ПРОДУКТА И ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНТИНГЕНТА ТУРИСТОВ И ЭКСКУРСАНТОВ

Намечаемое туристское развитие позволит обеспечить организованное посещение истока Волги с возможностью выбора различного по продолжи-

тельности пребывания на этой территории. В настоящее время посетитель задерживается на истоке Волги в среднем на полчаса, а экономическая отдача от этого посещения практически нулевая (за исключением остающегося в туристской фирме дохода по организации автобусной экскурсии). При реализации намеченной стратегии будут обеспечены следующие возможности:

- экскурсионного посещения с проходом по туристской (экологической) тропе, осмотром истока Волги, посещением монастыря и музея;
- двухдневного пребывания на истоке Волги с ночевкой в одной из туристских гостиниц и с более широким предоставлением возможностей осмотра объектов культурного и природного наследия;
- многодневного пребывания с проживанием в Воронове, Люшине или в монастырской гостинице для паломников.

Будут созданы необходимые предпосылки для организации следующих видов туризма:

- познавательный туризм,
- паломнический туризм,
- экологический туризм,
- событийный туризм,
- учитывая уникальность данного объекта наследия, имеются все предпосылки для организации здесь специализированного научного туризма (конгресс-туризма).

Основным туристским предложением на истоке Волги будут однодневные экскурсии. Примерная программа такой экскурсии будет выглядеть следующим образом. Туристы доезжают до Воронова по асфальтированной дороге. В визит-центре Воронова они получают необходимую информацию и разбиваются на группы. Группа отправляется в сопровождении экскурсовода по экологической тропе (см. описание ниже) до деревни Волговерховье (при необходимости используется гужевой транспорт по дороге Вороново — Волговерховье). В Волговерховье экскурсанты посещают музеи истока Волги, осматривают сам исток и монастырь, возвращаются по другой дороге.

Обед может быть предоставлен у фермера или же в ресторанах Воронова. Посещение достопримечательных мест у истока может быть продлено,

например, с переходом после Волговерховья в деревню Люшино (с посещением местных музеев, в том числе Музея лесной сказки) и возвращением в Вороново по дороге от Люшино.

Вариантом такого экскурсионного посещения является паломнический тур. В этом случае посетители таким же образом проходят к истоку Волги, но значительно большее внимание уделяется посещению монастыря, где в трапезной может быть предоставлен обед для паломников.

Еще одним вариантом экскурсии являются учебные программы. Они могут быть связаны со специальным приездом школьных групп по тематике краеведческих уроков, уроков географии, занятий по экологическому воспитанию. На базе музейной экспозиции может быть проведена не просто экскурсия, а организован выездной урок. Закрепление полученных данных может сопровождаться прогулкой по одному из экологических маршрутов.

Программы двухдневного пребывания на истоке Волги с ночевкой в одной из туристских гостиниц и с более широким предоставлением возможностей осмотра объектов культурного и природного наследия предполагают большее разнообразие.

В этом случае помимо посещения истока Волги может быть предложена любая из программ, связанных с путешествием по экологическим тропам (наибольший интерес может вызвать маршрут к Великому водоразделу). Кроме этого, могут быть предложены специальные конные, санные поездки, поездки на озера и рыбалка у истока Волги, другие познавательные маршруты и развлечения. Возможна организация встречи рассвета на истоке Волги, а также ночное наблюдение за дикими животными.

Переночевать можно будет в туристской деревне Вороново (в комфортабельных условиях) или в экологической туристской деревне Люшино (в экзотических сельских условиях конца XIX — начала XX века). При ночевке в Люшине можно будет переодеться в традиционную крестьянскую одежду, питаться крестьянской пищей, спать на печке или на лавке и пр. Для проезда и возвращения из деревни будут предоставлены телеги или сани. Паломникам для ночлега будет предложена паломническая гостиница рядом с монастырем св. Ольги в Волговерховье.

Многодневное пребывание на территории истока Волги предполагает более широкую программу. Турист сможет побывать во всех деревнях,

осмотреть все музейные экспозиции, пройти по всем экологическим маршрутам. Могут быть устроены походы на рыбалку, по следам диких зверей, прогулки по Волге до озера Стерж и еще дальше по другим верхневолжским озерам. Проживание в комфортабельной гостинице в Воронове может сменяться проживанием в русской деревне в Люшине. Находясь в течение нескольких дней на территории заказника, турист может выезжать в Осташков, на Селигер, осматривать другие соседние достопримечательности.

Туристское освоение истока Волги может сыграть большую роль в организации культурно-познавательных потоков с целью повышения образовательного уровня молодежи и юношества, в развитии молодежного краеведческого движения. Оно может найти поддержку через программу туристско-краеведческого движения «Отечество», реализуемую Федеральным центром детско-юношеского туризма и краеведения и Союзом краеведов России. Эта программа дает возможность школьникам шире познакомиться с родным краем, глубже понять особенности его природы, истории и культуры.

Туристское освоение истока Волги даст значимый импульс дальнейшему туристскому развитию Тверской области в целом. Оно значительно повысит туристский потенциал Осташковского района и озера Селигер. От территории Верхневолжья существует удобный доступ к другим верхневолжским озерам (Стерж, Пенно и др.), к таким выдающимся архитектурным памятникам, как Ширков Погост.

Тема истока Волги может быть тесно увязана с достопримечательностями Вышнего Волочка (вышневолоцкой водной системой, водоразделом Каспийского и Балтийского бассейнов). Именно Вышний Волочек может стать еще одной точкой начала туристского пути к истоку Волги. Город имеет чрезвычайно выгодное экономико-географическое положение на железной дороге Москва — Санкт-Петербург. Многие туристские группы могли бы начать путь к истоку Волги именно отсюда, первоначально посетив и осмотрев достопримечательности исторического Вышнего Волочка, его каналы, водную систему, соединившую еще в XVIII веке бассейны Каспийского и Балтийского морей.

Исток Волги может стать удобной остановкой на пути к замечательному историческому городу Торопцу (достаточно удаленному для экскурсионных маршрутов из Твери).

Возможно более надежно связать территорию истока Волги с Новгородской областью с помощью участка автомобильной дороги на Демянск (в сторону Волговерховья дорога имеет протяжённость около 35 км, из которых по Тверской области проходит 13,2 км; дорога нуждается в ремонте асфальтобетонного покрытия). Это позволит развивать интересный туристский маршрут, связанный с двумя важными для страны достопримечательными местами и символами России — Великим Новгородом и истоком Волги.

Если в настоящее время посещаемость истока Волги оценивается примерно в 30 тыс. посетителей в течение года (при средней продолжительности пребывания от 20 минут до 1 часа), то намеченная стратегия туристского освоения позволит увеличить посещаемость этого достопримечательного места. Общее число посетителей истока Волги достигнет 120–150 тыс. человек за год при одновременном увеличении среднего времени одного посещения. При этом число туристов с долговременным пребыванием (2 дня и более) составит 35–40 тыс., а число экскурсантов — 85–110 тыс.

Предварительная оценка позволяет предсказать высокую экономическую эффективность мероприятий по туристскому развитию. Ежегодные доходы от приема туристов и экскурсантов могут составить уже к 2010 г. 140–170 млн руб. В дальнейшем при реализации намеченных стратегических планов туристского развития прогнозируется повышение уровня доходности в связи с повышением качества обслуживания.

Реализация намеченной стратегии также позволяет говорить о высокой социальной эффективности развития туризма в регионе. Общий социальный эффект намечаемых мероприятий связан с решением вопросов развития культуры, повышения духовности, сохранением природной и исторической среды, с изменениями в условиях жизни сельских жителей и повышении их доходов, появлении новых возможностей для занятости населения и развития местной инфраструктуры. Так, значительные изменения произойдут в сельских поселениях у истока Волги. Сейчас деревни Вороново и Волговерховье потеряли значительную часть своего населения. При реализации программы туристского развития здесь будут поставлены дома для проживания сотрудников заказчика, работников туристских объектов. Размещение части персонала за пределами охраняемой территории даст новый импульс развития деревни Свапуце, как своеобразного инфраструктурного центра.

Намеченная стратегия туристского освоения территории истока реки Волги будет способствовать решению следующих важных задач:

- сохранению уникального для Тверской земли и для России объекта природного и культурного наследия;
- появлению значимого общероссийского центра экологического и духовного воспитания;
- созданию интересного туристского объекта на территории области, повышение социального и экономического потенциала Тверского региона;
- включению комплекса культурного и природного наследия истока Волги в систему общероссийских и международных туристских программ;
- появлению новых факторов экономического развития этой территории.

Инвестиционная привлекательность проекта увеличится, если придать ему значимость межрегиональной программы. Таким фактором может стать создание в Твери «Музея реки Волги» как совместного культурного проекта всех 15 субъектов Российской Федерации, расположенных на великой реке.

Это следующие регионы:

- Тверская область,
- Московская область,
- Ярославская область,
- Костромская область,
- Ивановская область,
- Нижегородская область,
- Республика Марий Эл,
- Республика Чувашия,
- Республика Татарстан,
- Ульяновская область,
- Самарская область,
- Саратовская область,
- Волгоградская область,
- Республика Калмыкия,
- Астраханская область.

Создание музея подобного типа не имеет precedентов в практике музейного строительства и поднимет музейный и культурный потенциал Твери. Его следует создавать как музей нового типа, который должен одновременно стать

площадкой культурного и экономического сотрудничества волжских регионов. Исток реки Волги будет ключевой точкой этого межрегионального проекта.

Разрабатываемая концепция направлена на обоснование следующего тезиса: комплекс историко-культурного наследия — это особый и очень важный экономический ресурс исторической территории, он может и должен стать основой своеобразной отрасли специализации, стать одним из перспективных направлений развития местной экономики и стимулирования развития социальной инфраструктуры.

Границы государственного природного заказника «Исток реки Волги»

- — границы заказника
- — границы достопримечательного места

Рис. 1. Границы государственного природного заказника «Исток реки Волги»

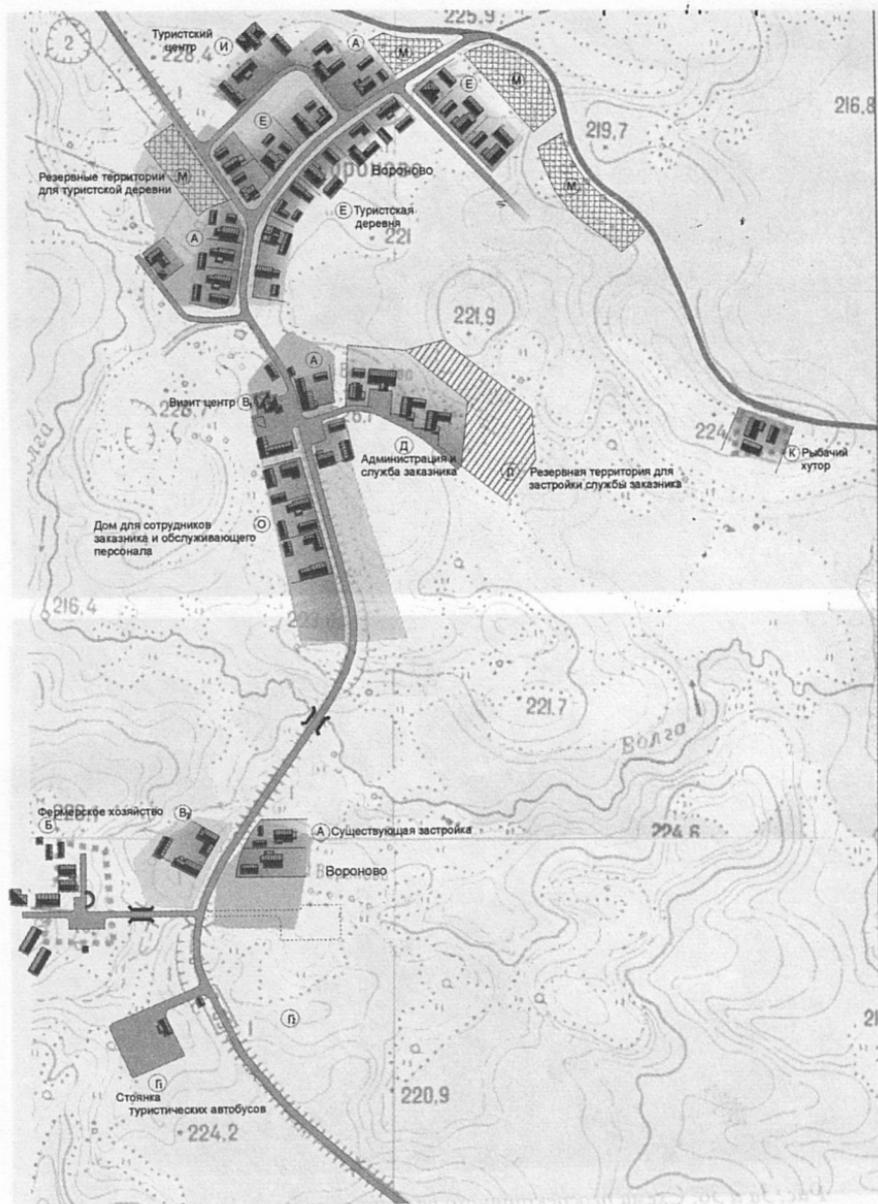

Рис. 2. Схема перспективного развития деревни Воронovo

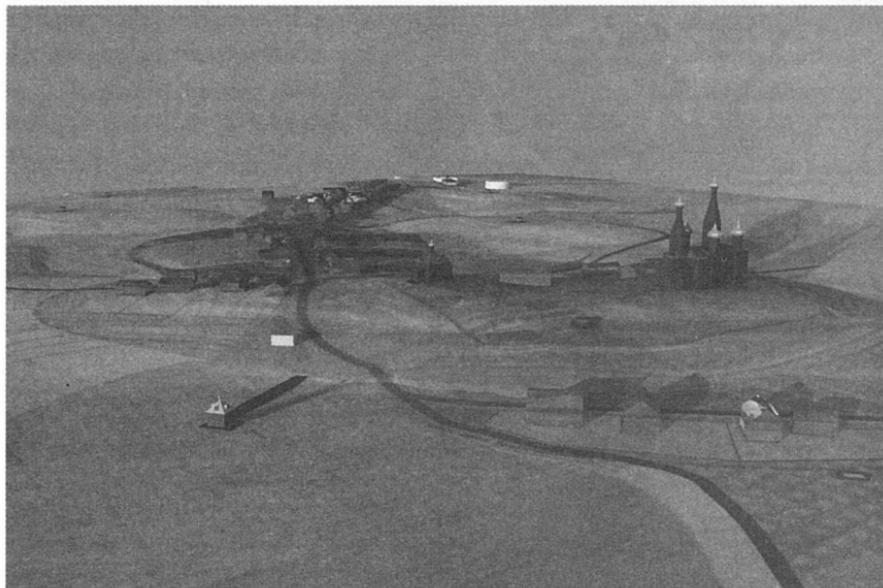

Рис. 3а и 3б. Схема перспективного развития деревни Волговерховье (аксонометрия)

Рис. 4а. Исток Волги (дореволюционная открытка)

Рис. 4б. Исток Волги (современный вид)

Рис. 5. Никольская церковь в деревне Волговерховье

Рис. 6. Деревня Вороново

РАЗДЕЛ «КУЛЬТУРА» В НАЦИОНАЛЬНОМ АТЛАСЕ РОССИИ

С момента основания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва в секторе Российского национального атласа культурного и природного наследия началась разработка концепции и программы комплексного атласа «Культурное и природное наследие России» [1, 2, 6, 9]. В процессе работы решались следующие задачи:

1 — определение структуры взаимосвязей различных элементов изучаемой историко-культурной и природной среды;

2 — разработка методики картографирования культурного и природного наследия различных регионов Российской Федерации;

3 — разработка методики картографирования культурного и природного наследия городов Российской Федерации;

4 — разработка системы условных обозначений в электронной среде для карт регионов;

5 — разработка системы условных обозначений в электронной среде для планов городов;

6 — использование различных методов и приёмов составления карт наследия в электронной среде.

В 1995 г. опубликована концепция и программа комплексного атласа «Культурное и природное наследие России» [1]. Разработанные в секторе концепция и программа легли в основу концепции подраздела «Культура» 4 тома «История. Культура» Национального атласа России.

Основная цель создания комплексного научно-справочного атласа, как и отдельных карт культурного и природного наследия, — дать свод современной пространственно-временной информации и знаний о культурном и природном наследии России, показать закономерности и особенности рас-

пространения и развития региональных и национальных культур, взаимосвязи и механизмы их взаимодействия и представить материал для разработки общероссийских и региональных программ по охране и использованию объектов наследия, а также для сохранения и восстановления историко-культурной и природной среды обитания народов России.

Комплексное, в том числе географическое, изучение, инвентаризация и картографирование культурного и природного наследия — дело новое и начато в России впервые в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Строго говоря, объекты наследия отображались в картах давно, но это, в основном, был показ на туристских картах, планах и схемах различных памятников, редких видов растений и животных на картах охраны природы, исторических событий на исторических картах, этно-культурных сведений на этнографических картах и т.д., в том числе в комплексных и краеведческих атласах. В то время преобладали аналитические карты, отражающие, главным образом, местоположение объектов того или иного вида. Практически, никогда не картографировалась среда, в которой существовали или существуют объекты наследия, и, главное, в картах не давалось системного представления о наследии в целом. В те годы ещё не было широкого и комплексного понимания самого термина «наследие» и методологии научно-практической работы в этой сфере.

Картографирование культурного и природного наследия, являясь новым научным и прикладным направлением, призвано отразить пространственно-временные закономерности формирования, существования и развития наследия как целостной материально-идеальной системы в контексте культурно-исторического процесса. Оно определяется многоаспектностью содержания и применением комплексного метода, а также практической значимостью при сохранении и рациональном использовании культурного и природного наследия. Такой метод картографирования эффективен в практике восстановления нарушенных ландшафтов, историко-культурной и природной среды существования человека [5].

Национальный атлас России создавался как официальное государственное издание в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации.

Национальный атлас России — фундаментальное комплексное научно-справочное картографическое произведение, призванное дать целостное представление о природе, населении, хозяйстве, экологии, истории и культуре России. Он представляет собой свод научно обоснованной и взаимно согласованной пространственно-временной информации. Данное произведение — это особый вид картографического произведения, в котором объектом картографирования выступает территория России и населяющие её народы. Концентрируя многообразную информацию, атлас представляет её в систематизированной, сопоставимой и хорошо обозримой форме.

Национальный атлас России состоит из четырёх томов. Каждый том, являясь составной частью Национального атласа России, вместе с тем представляет собой самостоятельное картографическое произведение, имеющее собственную информационную и познавательную ценность.

Том 1 — «Общая характеристика территории».

Том 2 — «Природа. Экология».

Том 3 — «Население. Экономика».

Том 4 — «История. Культура».

Том 1. Общая характеристика территории (2004 г.).

Том 1 Национального атласа России является информационно-картографическим научно-справочным изданием и предназначен для специалистов различных отраслей науки, производства и культуры, для сотрудников государственного аппарата, преподавателей и студентов высших и средних специальных учебных заведений, а также для широкого круга читателей как в нашей стране, так и за её пределами.

Том содержит 496 страниц карт и текстового материала, которые сгруппированы в шесть разделов:

1. Вводный.
2. Формирование, исследование и картографирование территории России.
3. Федеративное устройство России.
4. Географические регионы и моря, омывающие территорию России.
5. Справочные сведения.
6. Указатель географических названий.

В разделе № 2 «Формирование, исследование и картографирование территории России» говорится: «К числу важных направлений этого

периода (с 1991 г.) относятся картографирование природного и культурного наследия, охраняемых природных объектов. Российским научно-исследовательским институтом природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачёва выпущены карты наследия Новой Земли, острова Вайгач, Соловецких островов, города Москвы, Ярославской области и др.».

Том 2. Природа. Экология (2007 г.).

Объектом картографирования тома являются природные условия, природные ресурсы и состояние окружающей среды Российской Федерации. Том содержит 496 страниц карт, текстового и иллюстративного материала, которые сгруппированы в 15 разделов: Вводный, «Эволюция природной среды», «Геологическое строение и ресурсы недр», «Рельеф», «Климат», «Воды суши», «Снег. Лёд. Мерзлота», «Моря», «Почвенный покров и земельные ресурсы», «Растительность», «Животный мир», «Ландшафты», «Состояние окружающей среды», «Охрана природы», «Справочный раздел».

Том 3. Население. Экономика (2008 г.).

Общий объём тома — 496 страниц карт, текстового и иллюстративного материала. В томе представлены следующие разделы: «Общая характеристика Российской Федерации», «Население и социальное развитие», «Хозяйство и экономическое развитие». В него входит серия комплексных социально-экономических карт федеральных округов, отражающих основные черты региональной экономики.

Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии Минэкономразвития в 2009 г. выпустило в свет 4 том атласа — «История. Культура» [4, 7, 8, 10].

Том предназначен для широкого использования в научной, образовательной, управленческой и других видах деятельности. Основная цель его создания — последовательно раскрыть ход исторического развития России с древности до настоящего времени, представить пространственно-временную информацию о культурном и природном наследии нашей страны. Том состоит из двух разделов — «История» и «Культура» — и содержит 496 страниц, из которых 279 отведено разделу «Культура».

Культура в томе рассматривается как общественное явление и как отрасль социальной сферы, развитие которой обуславливалось историческими событиями.

Том состоит из четырёх подразделов [4, 7, 8, 10]:

1. Вводная часть, 9 стр.
2. Культурное и природное наследие, 223 стр.
3. Современная культура, 35 стр.
4. Справочные сведения, 12 стр.

В Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия [3], принятой на XVII сессии Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже 16 ноября 1972 г., сказано, что под «культурным наследием» понимаются:

- памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- ансамбли: группы изолированных или объединённых строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;
- достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии [3].

Под «природным наследием» понимаются:

- природные памятники, созданные физическими и биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки;
- геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе уничтожения видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения;
- природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты [3].

Культурное наследие — один из важнейших современных ресурсов,

определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие России. Оно включает в себя не только художественные ценности, отдельные архитектурные или историко-мемориальные объекты, но и малоизмененную природную среду, историческую среду городов или сельских поселений, особого рода духовные и материальные ценности, запечатленные в фольклоре, промыслах и ремеслах, художественные ценности и особые формы проявления живой и неживой природы, то есть все то, что отражает историю развития природы и культуры, признается ценным в научном, экономическом, эстетическом и просветительском отношении и рассматривается как национальное достояние [1, 3].

Вводная часть включает обзорную текстовую справку о культурном и природном наследии России, современной культуре, условные обозначения к картам регионов и планам городов. Здесь же два разворота отведено объектам Всемирного наследия на территории России, находящимся под охраной ЮНЕСКО, — карте масштаба 1:30 000 000, фотографиям и текстам.

Подраздел «*Культурное и природное наследие*» — самый большой и включает 24 мелкомасштабные карты разных сюжетов на Россию в целом, карты на все субъекты Российской Федерации, 78 планов городов (столицы республик, краевые и областные центры, исторические города) и ещё на 19 городов информация представлена в виде текстов и фотографий, а также даны схемы кремлей, монастырей, музеев-заповедников и музеев-усадеб, национальных парков, заповедников, заказников и других природных объектов. Все карты субъектов исполнены в среднем и мелком масштабах от 1:750 000 для Республики Дагестан и до 1:7 000 000 для Камчатского края. Отдельные врезки на регионы выполнены в более крупных масштабах — 1:300 000, 1:500 000 и других. Планы городов исполнены в масштабах от 1:10 000 до 1:21 000.

Подраздел открывается картами «Культурно-ландшафтное районирование территории России» и «Исторические города и сельские поселения». Затем идёт блок «Археологическое наследие», который состоит из четырёх карт: «Археологическое наследие каменного века», «Археологическое наследие бронзового века», «Археологическое наследие железного века» и «Археологическое наследие средневековья». Все карты выполнены для

Европейской части России в масштабе 1:10 000 000, для Азиатской части — в масштабе 1:22 000 000. Они дополняются текстовой информацией и фотографиями находок.

Далее идут карты: «Памятники культовой архитектуры», «Ансамбли монастырей», «Памятники гражданской архитектуры», «Музеи-усадьбы и музеи-заповедники», «Объекты промышленно-хозяйственной архитектуры», «Объекты усадебной архитектуры и садово-паркового искусства», «Военно-историческое наследие», «Памятники и ансамбли оборонительного зодчества», «Памятники монументального искусства», «Памятники истории освоения и исследования космоса».

Блок «Народные художественные ремёсла и промыслы» состоит из пяти карт: «Художественная обработка дерева, бересты, лозы», «Художественная обработка металла, камня, кости», «Ткачество, ковроткачество, вязание, пуховязание», «Вышивка, кружево, шитьё», «Керамика, фарфор, фаянс, стекло». После этих карт помещена статья, в которой дана история развития народных художественных ремёсел и промыслов на территории России. Специально разработанные художественные условные обозначения позволяют проследить на картах места (отдельные населённые пункты и ареалы), где сохранились к настоящему времени эти ремёсла и промыслы.

Блок, состоящий из двух карт «Россия в произведениях отечественных писателей» и «Россия в произведениях отечественных живописцев» дополняется статьями «География русской литературы» и «География русской пейзажной живописи». На первой карте выделены места, которые описаны в конкретных литературных произведениях. По периметру карты помещены портреты писателей и рисунки на сюжеты известных произведений. На второй карте выделены места, которые запечатлены на полотнах известных художников. По периметру карты помещены репродукции наиболее известных полотен.

Далее на листах атласа располагаются карты культурного и природного наследия всех без исключения субъектов Российской Федерации, их административных центров и некоторых исторических городов. На этих картах и планах городов показаны памятники Всемирного наследия, памятники федерального и регионального уровней охраны, особо охраняемые природные территории. Здесь же помещаются схемы кремлей и монастырей, например,

Соловецкий монастырь, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Ипатьевский, Суздальские монастыри и др. Из кремлей представлены: Московский, Ростовский, Угличский, Псковский, Смоленский, Астраханский и др. Из музеев-заповедников и музеев-усадб представлены: Пушкинский музей-заповедник «Михайловское», «Спасское-Лутовиново» И.С. Тургенева, музей-усадьба Грибоедовых «Хмелита», музей-усадьба Ф.И. Тютчева и др. Из особо охраняемых природных территорий в атласе представлены: Валдайский национальный парк, Куршская коса, Самарская Лука, Сочинский заповедник и другие.

На картах регионов Российской Федерации показаны:

1) *объекты археологического наследия*: комплексы и группы памятников, стоянки, в т.ч. пещерные, поселения, селища, городища, могильники грунтовые и курганные, валы в т.ч. засечные, прочие объекты;

2) *памятники истории и памятные места*: места, связанные с отечественной историей; места и сооружения, связанные с именами известных людей; памятники истории науки и техники; мемориалы, военные или связанные с войнами захоронения, в т.ч. братские; памятники событиям; исторические пути;

3) *объекты архитектурного наследия*: архитектурные комплексы — кремли, крепости, замки, форты, монастыри, заводы и фабрики, дворцово-парковые ансамбли и усадьбы, отдельные сооружения;

— *объекты культовой архитектуры*: православной, католической, лютеранской, мусульманской, иудейской, буддистской, мавзолей и усыпальницы;

— *объекты гражданской архитектуры*: жилые дома, общественные здания, торговые сооружения;

— *объекты фортификационной архитектуры*: башни, фрагменты стен, ворота и т.д.;

— *объекты хозяйственной архитектуры и инженерно-технического наследия*;

4) *памятники монументального искусства*;

5) *исторические населённые пункты*.

На картах регионов также большое место отведено объектам природного наследия — особо охраняемым природным территориям, которые от-

носятся к объектам общенационального достояния. Среди них выделяются основные категории территорий: государственные природные заповедники, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники (геологические и геоморфологические, гидрологические, ботанические, зоологические, комплексные), памятники природы (геологические и геоморфологические, гидрологические, ботанические, зоологические, комплексные), дендрологические парки и ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты.

На планах городов представлено два крупных блока: объекты культурного наследия и объекты природного наследия. Среди объектов культурного наследия показаны:

- 1) *объекты археологического наследия*: стоянки, поселения, селища, городища, пещеры, в т.ч. с наскальными изображениями, грунтовые и курганные могильники, валы, рвы, культурный слой;
- 2) *памятники истории и памятные места*: места, связанные с именами известных людей, места исторических событий, кладбища, братские могилы, отдельные захоронения, памятники истории и техники;
- 3) *объекты архитектурного наследия*:
 - *объекты культовой архитектуры*: монастыри, церкви, часовни, колокольни, мечети, костёлы, кирхи, синагоги, дацаны;
 - *объекты гражданской архитектуры*: дворцово-парковые ансамбли, усадьбы, жилые дома;
 - *объекты административно-общественной архитектуры*: административные и общественные здания, торговые ряды, пассажи;
 - *фортификационные сооружения*: кремли, отдельные башни кремлей и монастырей, замки, крепости, форты, фрагменты укреплений;
 - *объекты хозяйственной архитектуры и инженерно-технического наследия*: промышленные комплексы (заводы, фабрики и др.), гидротехнические сооружения (каналы, шлюзы и плотины, водонапорные башни), транспортно-коммуникационные комплексы и сооружения (вокзалы, железнодорожные депо, участки железных дорог, мосты, в т.ч. пешеходные, виадуки и акведуки), отдельные производственные и хозяйственные сооружения (пожарные депо, каланчи, мастерские, склады, кузницы, конюшни, сараи и т.п.);

4) *памятники монументального искусства*: памятники событиям, памятники известным личностям;

5) *объекты садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры*: парки, сады, скверы, бульвары; малые архитектурные формы (беседки, фонтаны, ограды).

Среди объектов природного наследия на планах городов, так же, как и на картах регионов, показаны природные заповедники, национальные парки, природные парки, природные заказники, памятники природы.

Кроме того, на планах городов показаны учреждения — хранители культурных ценностей и наследия (музеи, картинные галереи, библиотеки, архивы) и учреждения культуры (театры, филармонии, концертные залы, цирки, дворцы и дома культуры).

Особое место в подразделе «Культурное и природное наследие» отведено объектам Всемирного культурного (15 объектов) и природного наследия (8 объектов), которые на региональных картах и планах городов выделены специальным условным знаком. Кроме того представлены их текстовые описания и фотографии, некоторые из них проиллюстрированы также схемами.

Большое место в данном подразделе отведено кремлям и монастырям как ведущим градообразующим объектам, являющимся доминантами населённого пункта, которые во многом определяли и определяют культурно-архитектурный облик города. Кремлей, сохранивших свои строения, в России насчитывается немногим более 20. В разделе «Культура» представлено 12 кремлей в виде прорисованных планов, фотографий и краткой исторической справки. Монастыри в количестве 21 также представлены в виде прорисованных планов, которые сопровождаются фотоиллюстрациями и текстами.

Большое место в данном подразделе отведено музеям-заповедникам и музеям-усадебам, которые являются уникальными учреждениями культуры и служат важной составляющей историко-культурного потенциала регионов и страны в целом. В настоящий момент их насчитывается 143. В данном подразделе 45 из них представлены в виде прорисованных планов, фотоиллюстраций и текстов к ним.

Национальный парк — особо охраняемая природная территория федерального значения, созданная с целью сохранения и изучения в естественных

условиях природных комплексов и объектов, генофонда растений и животных, типичных и уникальных экосистем, восстановления ландшафтов. Национальные парки являются природоохранными, эколого-просветительскими и научно-исследовательскими учреждениями, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность.

В настоящее время в России действует 35 национальных парков в 36 субъектах Российской Федерации общей площадью около 70 000 кв. км. В подразделе «Культурное и природное наследие» 12 из них представлены краткой текстовой справкой и фотографиями: Русский Север, Куршская коса, Плещеево озеро, Мещёра, Самарская Лука, Лосиный остров, Сочинский, Кенозерский, Алания, Башкирия, Бузулукский бор, Угра.

Из других особо охраняемых природных территорий в данном подразделе представлено также текстом и фотографиями 20 заповедников (Кандалакшский, Брянский лес, Центрально-Чернозёмный и др.), 4 заказника (Баировский, Кирзинский, Чановский, Малые Курилы) и природно-этнический парк «Берингия».

Подраздел «Современная культура» представлен мелкомасштабными картами (Европейская часть России — масштаб 1:10 000 000, Азиатская часть — масштаб 1:22 000 000), отражающими сеть различных учреждений культуры — театров, музеев, библиотек, архивов, клубных учреждений, высших учебных заведений в сфере культуры и их деятельность по специализации. Статистическая информация о работе учреждений культуры дана в виде картограмм и диаграмм, дополняется текстом и фотоиллюстрациями. Сюда же включены карты, показывающие использование объектов наследия в сфере познавательного туризма, а также карта «Организации управления охраной и восстановлением объектов наследия».

Подраздел «Справочные сведения» включает в себя перечень объектов Всемирного наследия, перечень особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, сводную таблицу, показывающую количество памятников истории и культуры (по основным видам) по регионам Российской Федерации, словарь специальных терминов, хронологию дат и основных событий в области культуры и культурного наследия, список использованных литературных источников.

Выполнение всех картосоставительских работ по созданию тома производилось в электронном виде с последующей подготовкой ГИС-версии тома.

Разработка специального содержания тематических карт наследия и других материалов осуществлялась с участием ведущих учёных и специалистов Института Наследия и других учреждений и организаций.

Общее научно-техническое руководство работами по созданию карт и текстового материала тома осуществлялось Редакционной коллегией четвёртого тома Национального атласа России.

Основными исполнителями по разделу «Культура» являлись Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва и Производственное картосоставительское объединение «Картография» Федеральной службы геодезии и картографии России.

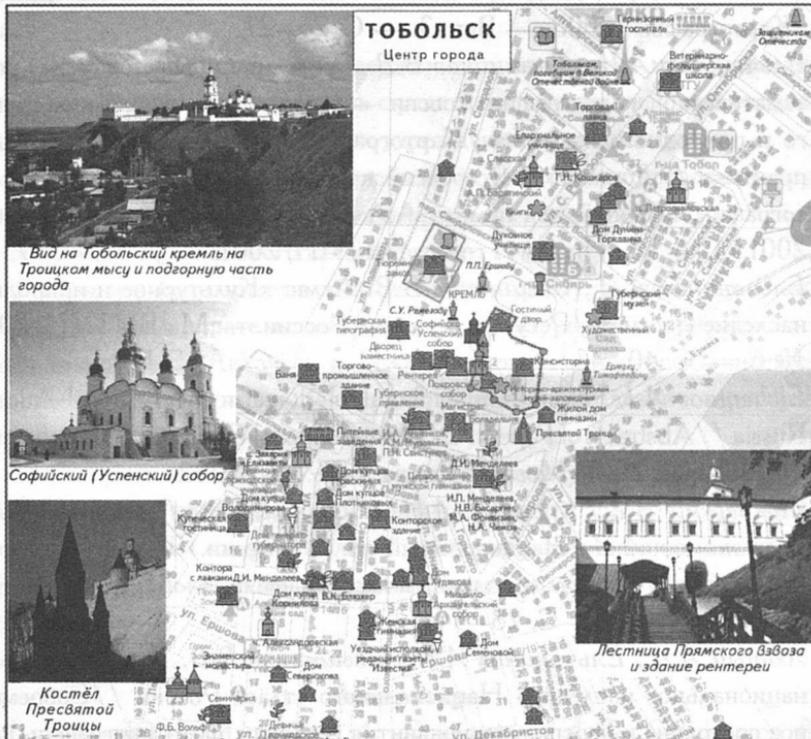
Атлас предназначен работникам науки, культуры, преподавателям и студентам вузов, краеведам, работникам сферы управления в центре и на местах, а также тем слоям населения, которые заинтересованы в изучении истории и культуры России, сохранении и приумножении наследия для будущих поколений.

Литература

1. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Культурное и природное наследие России (Концепция и программа комплексного атласа). — М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1995. — 119 с.
2. Веденин Ю.А., Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В. Атлас «Культурное и природное наследие России» // Картография на рубеже тысячелетий: Доклады I Всероссийской научной конференции по картографии (Москва, 7–10 октября 1997 г.). — М.: Институт географии РАН, 1997. — С. 294–300.
3. Всемирное культурное и природное наследие: документы, комментарии, списки объектов. — М.: Институт Наследия, 1999. — 337 с.
4. Ельчанинов А.И. Культурное и природное наследие в Национальном атласе России / Труды Международной конференции «Национальные

- картографування: стан, проблеми та перспективи розвитку». Київ, 2–3 жовтня 2008 р. // Відп. за вип. А. А. Москалюк. — Київ: ДНВП «Картографія», 2008. — Вип. 3. — С. 25–27.
5. *Ельчанинов А.И., Свешников В.В.* Состояние нового направления в тематической картографии России — картографирование культурного и природного наследия / Картография XXI века: теория, методы, практика // Доклады II Всероссийской научной конференции по картографии, посвящённой памяти А.А. Лютого (Москва, 2–5 октября 2001 г.). — М.: Институт географии РАН, 2001. — С. 393–397.
 6. *Ельчанинов А.И., Свешников В.В.* Атлас «Культурное и природное наследие России» / Ресурсы регионов России. — М.: ВНИИЦ, 2001. № 6. — С. 40–43.
 7. *Elchaninov A.I.* Natural and Cultural Heritage in the National Atlas of Russia // Abstracts of Papers XXIII International Cartographic Conference, 4–10 August 2007, Moscow, Russia. — P. 261–262.
 8. *Жуковский В.Е., Краюхин А.Н., Поздняк Г.В., Регентова Е.М., Ельчанинов А.И.* Национальный атлас России. Том 4 «История. Культура» // Журнал «Геодезия и картография». — М.: Роскартография, 2007. № 9. — С. 28–34.
 9. *Лютый А.А., Ельчанинов А.И., Свешников В.В.* Том «Культура и национальное наследие» Национального атласа России // Современное состояние и перспективы развития геодезии, фототопографии, картографии и геоинформационных систем / Материалы (доклады) юбилейной научно-тех. конференции, посвященной 850-летию г. Москвы (Москва, ЦНИИГАиК, сентябрь 1997 г.). — Ч. 3. — М.: ЦНИИГАиК, 1998. — С. 116–120.
 10. Национальный атлас России. Том 4. «История. Культура». Программа. — М.: Роскартография, 2004. — 38 с. Утверждена Руководителем Федерального агентства геодезии и картографии, Председателем Главной редакционной коллегии Национального атласа России А.В. Бородинко 30 сентября 2004 г.

ТОВОЛЬСК. ТОВОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ.

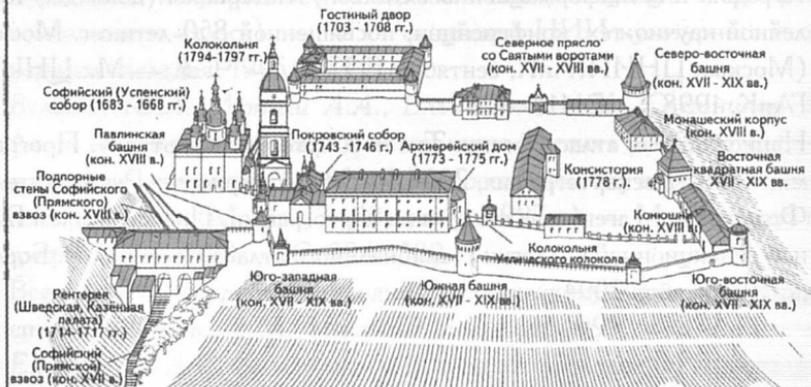
Вид на Тобольский кремль на Троицком мысу и подгорную часть города

Софийский (Успенский) собор

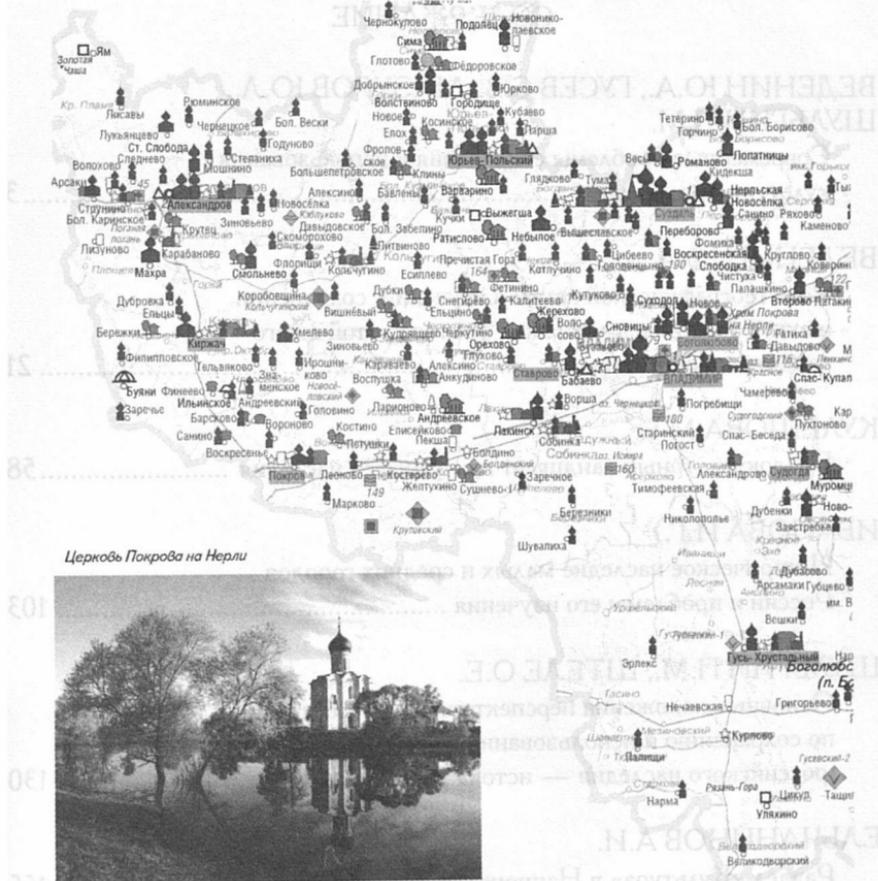
Костёл Пресвятой Троицы

Лестница Прямого ввоза и здание рентерей

Тобольский кремль. Большой Софийский двор

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ (фрагмент карты)

Церковь Покрова на Нерли

*Церковь Бориса и Глеба с шатровой колокольней
(Кидекша)*

*Боголюбский монастырь
(п. Боголюбово)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А., ГУСЕВ С.В., МАЗУРОВ Ю.Л., ШУЛЬГИН П.М. Современные проблемы сохранения и использования культурного наследия	3
ВЕДЕНИН Ю.А. Роль географической науки в изучении, сохранении и актуализации наследия как фактора устойчивого развития территории	21
КУЛЕШОВА М.Е. Палеокультурный ландшафт как феномен наследия	58
ИВАНОВА И.Г. Историческое наследие малых и средних городов России и проблемы его изучения	103
ШУЛЬГИН П.М., ШТЕЛЕ О.Е. Основные положения перспективной стратегии по сохранению и использованию уникального объекта русского наследия — истока реки Волги	130
ЕЛЬЧАНИНОВ А.И. Раздел «Культура» в Национальном атласе России	155

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А., ГУСЕВ С.В., МАЗУРОВ Ю.А.,
ШУАБГИН П.М.

Современная культурология наследия
НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ:

Информационный сборник

№ 16

ВЕДЕНИН Ю.А.

Роль историко-географической науки в изучении, сохранении
и реставрации наследия как фактора устойчивого
развития территории

Научный редактор *Павел Матвеевич Шульгин*

КУЛЕШОВА М.Е.

Палеокультурный ландшафт как феномен наследия

ИВАНОВА И.Г.

Историческое наследие Москвы и старинных городов
России и проблемы

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия

имени Д.С. Лихачёва

ШУАБГИН П.М.

Основные положения по сохранению и использованию
русского наследия по сохранению и использованию наследия этого объекта
русского наследия

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

ЕЛЬЧАНИНОВ А.И.

Раздел «Культура» в Национальном атласе России

Редактор *Ю.С. Макаревич*

Дизайн обложки: *Н.П. Лакутина*

Формат 60x84 1/16. Гарнитура академическая.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 10,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 305. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ЗАО "Гриф и К"
300057, Тула, ул. Октябрьская, д. 81а
ПЛАР № 060231 от 21.10.97

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Международный сборник
№ 16

Научный редактор *Павел Михайлович Шумкин*

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Российского государственного педагогического университета

имени К. Д. Ушинского

Бумажный формат 120х170 мм

Пл. л. 10,75. Тираж 500 экз.

Лит. А. 10.75. Цена 300 руб.

Российский государственный педагогический институт

имени К. Д. Ушинского

имени А. С. Ушакина

125080 Москва ул. Кошарников 2

Отпечатано в ЗАО "Ринт и К"

300032, Тольятти, ул. Октябрьская, д. 51а

ПАР № 080331 от 21.10.97

ДЛЯ ЗАМЕТОК

